

Пров. 1269

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

77

*ФБОИ
к.13(5)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИМК Д.П.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

77

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора канд. историч. наук *Н. Н. Гурина* .

Члены редколлегии: /

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

П. А. РАППОПОРТ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
ГАЛИЧА МЕРЬСКОГО¹

Памятники военного зодчества Галича Мерьского² интересны для истории древнерусского военно-инженерного искусства тем, что среди них сохранились три древних городища, отвечающие трем последовательно сменявшим друг друга этапам в развитии русского крепостного строительства. Поэтому здесь можно изучать не только отдельные оборонительные сооружения, но и попытаться понять причины, вызывавшие перенос укрепленного центра с одного места на другое в связи с общими изменениями в тактике обороны.

Городища расположены на восточном берегу Галичского озера. Два из них (Верхнее и Нижнее) вплотную примыкают одно к другому и объединяются под общим наименованием «Балчуг»; третье — «Городовой земляной вал» — лежит приблизительно километром южнее, в центре современного города (рис. 1).

1

Древнейшее из оборонительных сооружений Галича — Нижнее городище — расположено на склоне и занимает площадку от самого озера до высоты 60 м над его уровнем. Площадка повышается неравномерно: в нижней половине она почти горизонтальна, далее поднимается довольно круто (с уклоном до 25°), а в самой верхней части опять очень полого. С боковых сторон площадка защищена валами. В верхней части городища они насыпаны поверх естественных валообразных возвышенностей, проходящих по краям двух больших оврагов. Конфигурация краев оврагов и определила в основном форму плана валов. Высота валов очень невелика: их искусственная насыпь немногим более метра, а вместе с валообразными возвышениями — около 2,5—3 м. Рвов нет, так как здесь проходят широкие овраги. В нижней части городища валы лежат на плоской местности и насыпные целиком; высота их около 2 м. Боковые валы в верхней части соединены между собой коротким отрезком мощного вала, высотой около 7 м. Перед ним выкопан ров. Со стороны озера искусственных земляных

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИИМК АН СССР 28. X 1957 г.

² Древний Галич Мерьский — теперь город Галич Костромской области. В исследовании оборонительных сооружений в 1957 г. автору помогали И. И. Плешанова и Н. Н. Ковалев.

укреплений нет, хотя не исключена возможность, что невысокий вал мог некогда существовать и с этой стороны.

Размеры площадки Нижнего городища от озера до напольного вала — 270 м; между боковыми валами — до 180 м.

Шурфы, заложенные на городище, показали, что культурный слой здесь различной толщины — от 0,4 до 1 м. По-видимому, на некоторых участках он смыт по уклону местности, а в других местах поврежден при обработке почвы под огороды. Судя по находкам фрагментов керамики, культурные наслоения относятся ко времени приблизительно от XII до XV в.

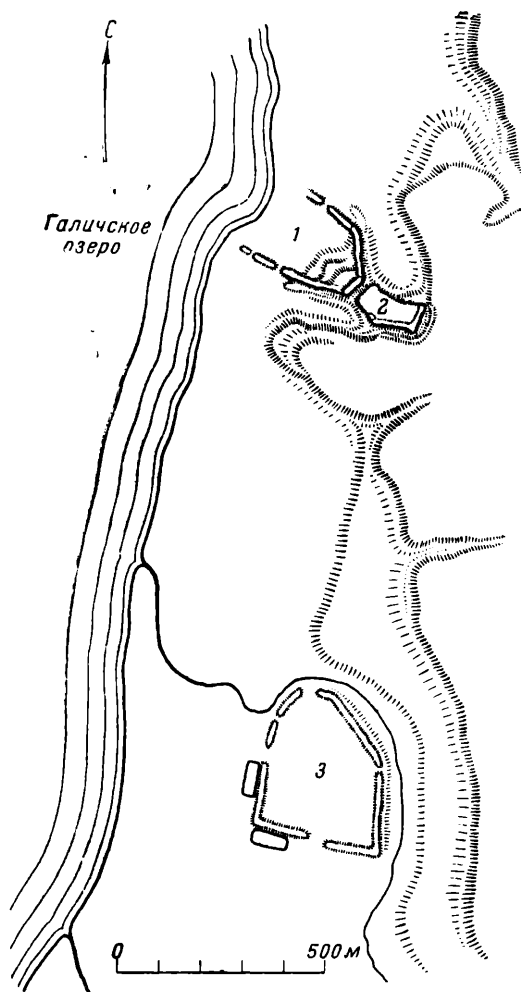

Рис. 1. Схема расположения оборонительных сооружений древнего Галича.

1 — Нижнее городище; 2 — Верхнее городище; 3 — «Городовой земляной вал».

Город Галич впервые упоминается в письменных источниках под 1237 г., когда при описании нашествия монголов летопись отмечает, что войска Батия дошли «до Галича Мерьского»³. Несомненно, однако, что Галич возник значительно раньше. Косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что при разделе городов между Владимирскими князьями в 1246 г. Галич был выделен в самостоятельный княжеский удел⁴. Некоторые историки высказывали предположение, что Галич был основан в середине XII в. Юрием Долгоруким; это очень правдоподобно. Действительно, само название города говорит о тесных связях с Галицкой Русью, что является одной из характернейших черт политической обстановки на Руси в середине XII в. По-видимому, при Юрии Долгоруком были построены в северо-восточной Руси и другие города, носящие название, связанное с Галицкой Русью, — Перемышль Московский, Звенигород, Микулин. В это же время были перенесены во Владимирское княжество и традиции белокаменной галицкой архитектуры.

Прорезка вала в нижней части городища, близ озера, показала, что культурный слой с керамикой XII в. заходит под основание вала. Кроме того, в самой насыпи обнаружено несколько фрагментов керамики, относящейся, по-видимому, даже не к XII, а к XI в. Очевидно, город был

³ Например, в Лаврентьевской летописи под 6745 г. То же и в ряде других списков летописи.

⁴ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. 2. СПб., 1891, стр. 207.

построен в середине XII в. на территории уже существовавшего славянского поселения.

Плановая структура Нижнего городища чрезвычайно характерна для русских укреплений XII в. Примыкая одной стороной к естественному оборонительному рубежу — берегу озера, площадка крепости со всех остальных сторон защищена линией искусственных валов. В большинстве укреплений этого времени искусственные валы имеют в плане форму, близкую к полукругу, — таковы валы Перемышля Московского, Сунгиревского городища близ Боголюбова и, наконец, огромные по площади укрепления Городца на Волге. Нижнее городище в Галиче отличается от них тем, что здесь в большей степени использован рельеф местности: боковые валы в верхней их части насыпаны поверх естественных всхолмлений и в плане отвечают форме ограничивающих их оврагов, а сама площадка расположена не только на плоскости, но частично на довольно крутом склоне. Однако общая схема укреплений несомненно относится к тому же типу, как и на других, полукруглых городищах XII в.

2

Вторая по времени возникновения крепость древнего Галича — Верхнее городище — расположена на так называемой Шемякиной горе и вплотную примыкает с юго-восточной стороны к Нижнему. В месте соединения двух городищ наружный ров Нижнего служит естественной защитой площадки Верхнего городища, свидетельствуя о том, что Верхняя крепость была построена тогда, когда Нижняя уже существовала (рис. 2—4, 5).

Большие овраги, прикрывающие боковые стороны Нижнего городища (в их верхней части), защищают также и часть Верхнего — всю его северную сторону и половину южной. С этих сторон нет валов. С юга и востока площадка непосредственно переходила в широкое береговое плато, и здесь при постройке крепости были вырыты рвы и насыпаны валы высотой около 4 м. Прорезка одного из валов показала, что они скреплены изнутри срубной деревянной конструкцией. На концах валов и в месте их поворота видны округлые расширения — места башенных выступов. Перед рвом сохранилась вторая линия вала меньшей высоты — всего 2,5 м. Площадка городища ровная, слегка поднимающаяся к востоку и северо-востоку; размер ее 130×60 м.

Шурфы, заложенные на Верхнем городище, показали, что культурный слой (толщина его от 0,25 до 0,75 м) относится, в основном, к XV в. Приблизительно так же датировал этот памятник и В. Н. Глазов, проведший здесь раскопки в 1909 г. и отметивший, что все находки относятся к XIV—XV вв., «если даже не позже»⁵.

Более точно определить время постройки Верхней крепости пока не представляется возможным, однако наиболее вероятно, что это — либо конец XIV, либо начало XV в., когда начинается укрепление городов северного района в связи с обострившейся борьбой с Казанью. Тогда же в Галиче утверждается новая княжеская династия, происходившая из рода московских князей, но ведшая энергичную борьбу с московскими великими князьями⁶.

⁵ Отчет В. Н. Глазова. Архив Ленинградского отделения ИИМК, ф. 1, д. № 18 за 1909 г., л. 94. Отчет о предварительной разведке В. Н. Глазова см. там же — ф. 1, д. № 59 за 1908 г.

⁶ Автор наиболее серьезной работы по истории Галича П. П. Смирнов убедительно показал, что новая крепость в Галиче должна была быть построена в 1400—1425 гг.; однако он ошибочно считал этой новой крепостью не Верхнее городище, а «Городовой вал» в центре современного города. — См. П. П. Смирнов. Древний Галич и его важнейшие памятники. — Уч. зап. Московского городского педагог. ин-та им. Потемкина, т. 9, в. 1. М., 1948, стр. 89.

По своей плановой структуре Верхнее городище — типичный памятник военного зодчества XIV—XV вв. Защищенное естественными препятствиями — широкими оврагами, не позволявшими вести с этих сторон подготовку к штурму с помощью камнеметных машин, городище лишь на сравнительно небольшом протяжении примыкает к открытому полю. Здесь,

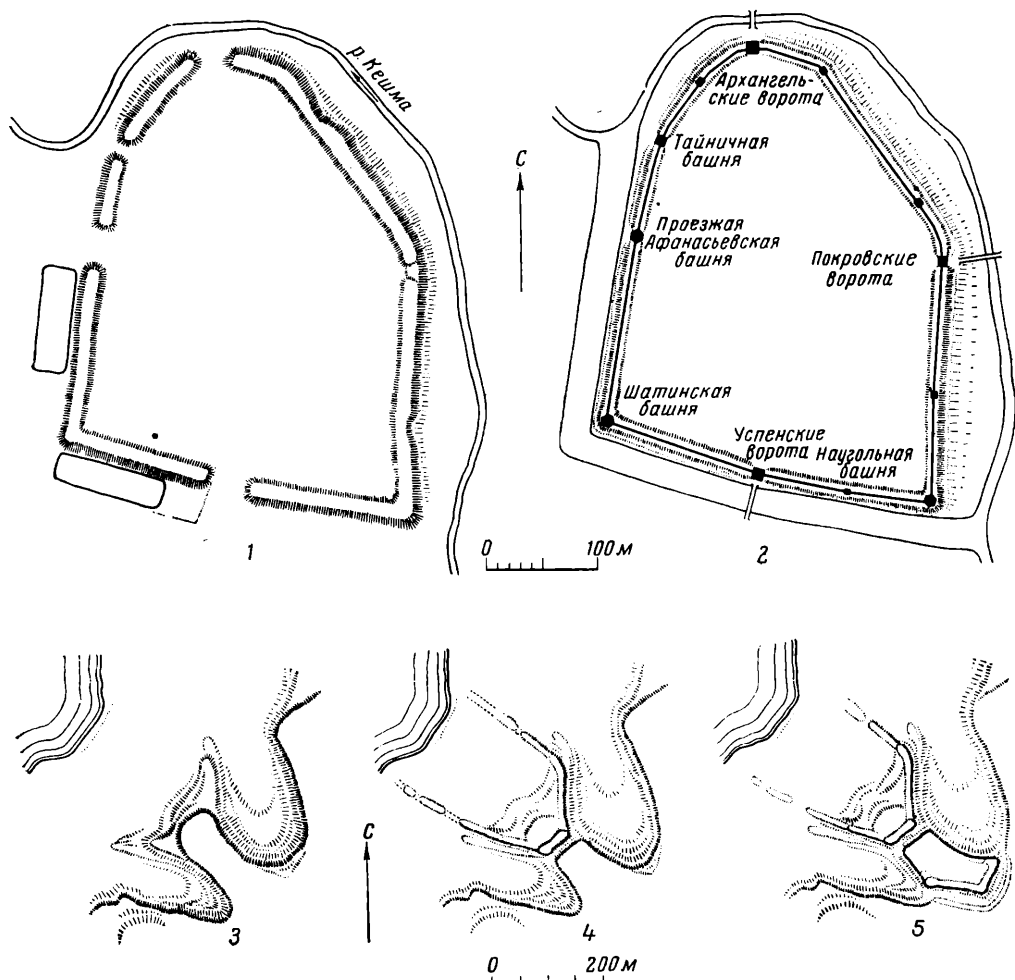

Рис. 2. Древний Галич. Планы оборонительных сооружений.

1 — «Городовой земляной вал», современное состояние; 2 — то же, реконструкция плана крепости; 3 — естественный рельеф местности «Балчуг»; 4 — Нижнее городище; 5 — Нижнее и Верхнее городища.

с южной и восточной сторон оно укреплено мощными валами, имеющими в плане вид двух прямоугольных отрезков, на месте соединения которых и на обоих концах видны следы башенных выступов. Следовательно, с наземной стороны крепость была защищена укреплениями, позволявшими вести не только фронтальный огонь по противнику, но и фланкирующий обстрел укрепленных участков оборонительной системы.

В первой половине XV в. под Галичем неоднократно происходили сражения⁷. Одно из наиболее крупных было в 1450 г., когда уже в конце

⁷ См., например, Московский летописный свод (ПСРЛ, т. 25) под 6917 (1408), 6937 (1429) и 6942 (1434) гг.

знаменитой феодальной войны XV в. войска московского великого князя подошли к городу, бывшему основным оплотом Дмитрия Шемяки. Летописец так описал это сражение: «Князь Дмитрией таки стоаше на гора под городом со всею силою, не поступя ни с места. Воеводы же великого князя поидоша с озера к горе, опасаяся, поне же бе гора крута, и выправяся ис тех врагов въздоша на гору и поидоша к ним. И начаша первое з города пушки пушати и тюфяки и пищали и самострелы...»⁸ В результате боя Шемяка бежал, рать его разбили, «а город затворился». Видя разгром и бегство своего князя, галичане, оборонявшие город, сдались.

Несомненно, что город, упоминаемый в летописи под 1450 г., — это именно Верхнее городище. Ни Нижнее городище, спускающееся вниз до озера, ни, тем более, «Городовой вал», расположенный в низине, не соответствуют описанию крепости «на горе», к которой московские войска поднимались от озера по оврагам; описание в тексте летописи полностью соответствует расположению Верхнего городища⁹.

Трудно сказать: состояла ли оборона Галича в XV в. из двух крепостей — Верхней и Нижней, или же Нижняя к тому времени уже не играла никакой военной роли? — В таком случае верхний, напольный вал Нижней крепости должен был быть включен в систему обороны Верхней крепости, так как иначе ее площадка оказалась бы подверженной прямому обстрелу с вала.

Прорезка вала Верхнего городища выявила, что на поверхности вала лежит толстый слой обожженной глины и угля, отложившийся в результате пожара, уничтожившего наземные стены крепости. Судя по описанию в летописи событий 1450 г., Верхняя крепость не была взята штурмом, а сдалась московским войскам. После разгрома войск Шемяки московские воеводы не были заинтересованы в уничтожении крепости. Скорее наоборот, они могли лишь укрепить ее, оставив здесь гарнизон во главе с великокняжеским воеводой. По-видимому, пожар, уничтоживший крепость, относится не к 1450 г., а либо к более раннему времени, либо уже к событиям второй половины XV в.¹⁰

3

Резкие изменения, происходившие в развитии русского военно-инженерного искусства во второй половине XV в., привели к необходимости возведения в Галиче новой, более современной крепости. Крепость на Шемякиной горе была заброшена, а в 1 км к югу, на плоской низине, сооружена новая. Время ее постройки может быть пока определено лишь очень приблизительно — между серединой XV в., когда укрепленным центром Галича было еще Верхнее городище, и серединой XVI в., когда после взятия Казани отпала необходимость в сооружении в районе Галича новых мощных укреплений.

Новая крепость в Галиче относится, таким образом, к той группе оборонительных сооружений, которые московское правительство возвело для защиты все более расширяющихся рубежей централизованного Русского государства.

Хотя со второй половины XVI в. Галичская крепость теряет свое военное значение, однако за ее укреплениями все время продолжали

⁸ Московский летописный свод под 6958 (1450) г.

⁹ О том, что «город» в Галиче был расположен на горе, летописец упоминает также и под 1425 г. при описании въезда в Галич митрополита Фотия. — См. Московский летописный свод под 6933 г.

¹⁰ В Московской летописи указано, что Галич был сожжен московскими войсками в 1434 г. (Московский летописный свод под 6942 г.). Однако в Устюжской летописи отмечено, что великий князь «поиде сам на Галич, и повоева, и пожже, а город не взял». — «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 75.

следить. Последний раз военные действия происходили здесь в начале XVII в., когда Галич был сожжен отрядом Лисовского. После этого крепость вновь была восстановлена, однако военное значение ее падало, и укрепления скоро перестали поддерживать. Уже в росписном списке 1678 г. отмечено, что многие башни «стоят без верхов»¹¹. На одном из чертежей, относящихся, видимо, к первой половине XVIII в., башни еще показаны, а в экспликации к чертежу отмечено: «земляной вал, а по валу деревянные рубленые башни»¹². Однако уже на чертеже 1768 г. башни и стены отсутствуют и дан один земляной вал¹³.

«Городовой земляной вал», представляющий собой остатки третьей Галичской крепости, имеет вид мощного вала, окружающего приблизительно пятиугольную в плане площадку размером 270 × 370 м (рис. 2—1). Высота вала около 5,5 м, по гребню его всюду проходит горизонтальная площадка шириной 7—8 м. Перед валом в нескольких местах сохранились остатки рва; два участка их до сих пор заполнены водой и образуют небольшие пруды. Рва перед валом не было лишь с северной и восточной сторон, где городище вплотную примыкает к долине р. Кешмы. Сквозь вал проходит пять въездов, отмечающих места четырех проездных и одной таинчивой башни. Места глухих башен на валу не отмечены никакими внешними признаками.

Наиболее ранние описания Галичской крепости относятся уже к XVII в., и у нас нет никакой гарантии в том, что крепость этой поры точно соответствовала, даже по своей плановой структуре, крепости, существовавшей до пожара 1609 г.¹⁴ По-видимому, все же основа плановой структуры, расположение угловых и воротных башен не были изменены. Сопоставления описаний первой половины XVII в. с остатками земляного вала позволяют схематично реконструировать план Галичской крепости того времени (рис. 2—2).

4

Три городища, представляющие собой остатки крепостей древнего Галича Мерьского, отвечают трем основным этапам в развитии средневекового русского военно-инженерного искусства¹⁵. Первая, древнейшая крепость, основанная в середине XII в., построена в период господства тактики пассивной осады. Ко второму этапу, связанному с тактикой штурма, поддерживаемого камнеметными машинами, относится вторая крепость, построенная в начале XV в. Наконец, третья крепость, возведенная, по-видимому, в конце XV или начале XVI в., соответствует тактическим требованиям периода развития огнестрельной техники.

Переход из одного этапа развития военно-инженерного искусства к другому — последующему, далеко не всегда и не везде сопровождался переносом укреплений на новое место и созданием новой крепости. В этом отношении Галич — скорее исключение, чем правило. Более характерен, пожалуй, пример Москвы, где крепость, созданная в XII в., продолжала оставаться на старом месте вплоть до самого конца средневековья. Ко-

¹¹ Дополнения к Актам историческим, т. IX, № 29.

¹² ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 39.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 250. Планы городов Архангельской губернии, л. 3.

¹⁴ Изложение писцовой книги Галича 1628 г. имеется в работе П. П. Смирнова (Указ. соч., стр. 90—92). Содержание писцовой книги 30-х гг. XVII в. кратко изложено В. Самаряновым (Город Галич Костромской губернии в начале XVII в. — «Костромские губ. ведомости», 1877, № 48—49, а также отдельное издание — Кострома, 1880). В этих писцовых книгах в Галичской крепости отмечено 12 башен. Позднее крепость, по-видимому, была вновь несколько усилена, так как в росписи 1678 г. и на чертеже первой половины XVIII в. на валу указано не 12, а 15 башен.

¹⁵ П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. — КСИИМК, вып. 59, 1955.

нечно, Московский белокаменный Кремль Дмитрия Донского, сменивший деревянную крепость, а затем и кирпичный Кремль конца XV в. соответствовали по устройству различным этапам в развитии русской фортификации. Однако все эти крепости сменяли одна другую на одном и том же месте и поэтому естественно сохраняли более или менее ту же плановую схему, связанную с конфигурацией местности¹⁶.

В Галиче, в силу ряда конкретных причин политической истории города, старые укрепления не реконструировались, а были заброшены при переносе укрепленного центра на новое место. Конечно, для каждого этапа развития русского военно-инженерного искусства можно найти образцы укреплений, более типичные и более выразительные, чем Галичские городища. Но очень редко встречаются такие древнерусские города, где каждый из этих этапов представлен отдельным, самостоятельным памятником. В этом и заключается особый интерес оборонительных сооружений Галича Мерьского.

¹⁶ В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV—начала XVI вв. — СА, 1957, № 1.

Г. К. ВАГНЕР

ДЕРЕВЯННЫЙ БАРЕЛЬЕФ XVI в.
ИЗ с. ПУТЯТИНО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Во второй половине XIX в. в Рязанский музей поступил из с. Путятино бывш. Сапожковского уезда Рязанской губ. деревянный раскрашенный барельеф, изображающий архангела Михаила². Фигура вырезана на большой (116×62×6,5 см) цельной липовой доске с оставлением выступающих краев («ковчега»). Крылатый архангел изображен во весь рост в фронтальной позе, стоящим на облаковидном подножии, с обнаженным мечом на правом плече и с ножнами в опущенной левой руке (рис. 3). На архангеле воинское одеяние: сапожки, «ногавки» (штаны), туника, поверх нее — доспехи; на плечах «приволока» (плащ), скрепленная на шее круглой фибулой. Рельефная фигура расписана по левкасу, но первоначальный красочный слой покрыт позднейшими записями. Обращают внимание очень стройные пропорции фигуры (голова равна 1/8 фигуры), придающие ей, несмотря на архаическую фронтальность, черты героической приподнятости. В каталогах Рязанского музея барельеф датирован XV в.³

Несомненно перед нами очень интересное произведение древнерусского творчества, заслуживающее специального искусствоведческого исследования. Не ставя перед собой подобную задачу, остановимся лишь на датировке барельефа и его исторической интерпретации.

Сложившись еще в домонгольскую эпоху⁴, иконографический извод архангела Михаила в виде война с мечом на плече стал особенно популярен

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР 16 марта 1957 г.

² Труды VII АС в Ярославле, т. II. М., 1891, Прибавление IV, стр. 307, № 484. — Барельеф находился в Покровской церкви с. Путятино. Вместе с ним в Рязанский музей поступила из той же церкви резная фигура Николая Чудотворца (там же, № 485).

³ Рязанский государственный областной музей. Путеводитель. Рязань, 1926, стр. 63; Рязанский областной художественный музей. Каталог. Рязань, 1957, стр. 23, № 28-с.

⁴ Вопрос о сложении иконографии архангела-воина не входит в задачу настоящего краткого сообщения. Сюжетно этот извод связан прежде всего с библейским «явлением» архангела Михаила Иисусу Навину (Книга Иисуса Навина, V) и в византийском искусстве известен уже в доиконоборческий период (В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М., 1947, т. I, стр. 55—56, табл. IV; т. II, табл. 51). В русской домонгольской живописи и пластике он тоже был широко известен (Д. В. Айналов и Е. К. Редина. Киевский Софийский собор. — ЗРАО, новая серия, т. IV. СПб., 1890, стр. 314; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899, рис. 94, 96—97; вып. 2. Киев, 1900, рис. 322), однако в этот период явно господствовал не воинский, а «церемониальный» извод архангела в длинных одеждах, с железом и державой в руках (Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — Труды музея палеографии, вып. I. Л., 1928; вып. 2, без

в древнерусском искусстве после победы на Куликовом поле. К этому времени изображение архангела-воина приобрело очень широкий смысл. Еще в домонгольское время архангел Михаил понимался прежде всего как покровитель князей⁵. С течением времени, особенно в процессе борьбы среднерусских князей за преобладающую роль в объединении Руси, с ним стали связываться идеи сильной княжеской власти⁶, а вместе с этим — идеи покровительства русскому воинству, ведущему освободительную борьбу против татаро-монгольского ига. Кульминационным пунктом этого процесса, пожалуй, можно считать то место в Московском летописном своде (XV в.), где красочно описывается решающая роль архистратига Михаила и предводимого им «небесного воинства» в победе на Куликовом поле⁷. Героизированное изображение архангела-воина на знаменитой иконе Архангельского собора, связываемой преданием с победой на Куликовом поле⁸, должно было получить широкий резонанс⁹.

Рис. 3. Архангел Михаил. Деревянный барельеф первой половины XVI в. из с. Путятино (до расчистки).

года). «Военизация» образа архангела Михаила происходила параллельно с развитием икон «святых воинов», столь популярных в период борьбы с половцами, а позднее — с татаро-монголами. — См. подробнее: В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — Византийский временник, VI. М., 1953; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 134 и след.; его же. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — Труды отдела древнерусской литературы, XII. М.—Л., 1956.

⁵ Ипатьевская летопись под 6618—6619 (1110—1111) гг. Изображение архангела Михаила было на челе шлема князя Ярослава Всеволодовича.

⁶ Это хорошо прослеживается на строительстве архангельских соборов Иваном Калитой, князьями суздальско-нижегородскими, рязанскими и особенно тверскими. В 1365 г. митрополит Алексей строит в Кремле собор Чуда архангела Михаила, ориентируя его против трех главных восточных ворот Кремля, т. е. в значении «защитника стен» (сообщение Н. Н. Воронина).

⁷ «Яко в сии час аггелы помогааху христианом и святых мученик полки и великих христовых воин Георгия и Димитрии и Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершеннаго полка небесных сил великий архистратиг Михаил». — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 204.

⁸ Н. А. Демин. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. — Труды отдела древнерусской литературы, XII. М.—Л., 1956, стр. 315—316.

⁹ После Куликовской победы Дмитрий Донской проследовал в Михаилоархангельский собор для молебна и бил челом образу Михаила: «Заступник еси во век». С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907, стр. 53.

От XIV—XVI вв. сохранилось много изображений архангела-воина: в живописи, в пластике, в шитье (икона Архангельского собора; фреска Дионисия у входа в собор Ферапонтова монастыря; икона Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры; несколько резных панагий в Загорском музее¹⁰, каменная иконка из Новгорода; каменная иконка в собрании ГИМ; так называемое «Знамя Сапеги» и многие другие). Изображения архангела-воина были распространены и в XVII в., причем произведение Симона Ушакова было далеко не последним. Все это говорит о широкой популярности героической темы в древнерусском искусстве, отличающейся к тому же устойчивостью иконографии. Однако было бы неправильным рассматривать образ архангела-воина вне его конкретно-исторического развития. В каждом периоде он имел свои особенности, причем пластические изображения не всегда совпадали с живописными. Так, если героизированная фигура архангела-воина стройных «классических» пропорций складывается в русской живописи в XV в., то в пластике XV в. господствовал более «архаический канон»¹¹. Вытянутые стройные пропорции проникают в древнерусскую пластику с начала XVI в.¹², и это время следует считать нижней датой рязанского барельефа.

Верхнюю дату определить труднее. В живописи с середины XVI в. образ архангела-воина теряет черты воина-героя, насыщается чертами царственности, «вселенского величия». В руке архангела-воина снова появляется держава¹³, он часто изображается на коне, в царственных облачениях и т. д.¹⁴ В пластике же продолжал бытовать образ воина, сложившийся в XV—XVI вв.¹⁵ О близости рязанского барельефа к первой половине XVI в. говорит лаконизм и ясность его форм, не обремененных натуралистическими деталями. Трактовка складок плаща и самой фигуры близка к стилю фигур «мужей» новгородской кафедры (1533). Многообъемная профилировка верхнего борта «ковчега» тоже приближает датировку барельефа к первой половине XVI в., когда подобные профилировки были очень распространены в зодчестве.

Первая половина XVI в. кажется наиболее реальным временем возникновения рязанского барельефа еще и по историческим соображениям. В первой четверти XVI в. — 1520 г. — Москва окончательно ликвидирует рязанское княжество и берет на себя укрепление его южных рубежей. В первой половине этого же века здесь формируются звенья будущей Засечной черты Московского государства¹⁶. В 1566 г. Иван Грозный в течение месяца принимал произведенные работы по ее укреплению¹⁷. Основная линия Засечной черты шла, как известно, от Переяславля Рязанского на Тулу и далее¹⁸. Но юго-восточнее, по линии Шацк—Ряжск,

¹⁰ Указанием на памятники Троице-Сергиевой лавры я обязан М. В. Алпатову и Т. В. Николаевой.

¹¹ Только В. Ермолин применял в XV в. пропорции 1:9,5, в то время как в живописи XV в. применялись пропорции 1:12, 1:13 и даже 1:14. — См Ю. Олсуфьев. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1927, стр. 13, 40.

¹² Ср. фигуры «мужей» новгородской кафедры или фигуры так называемых «северных старцев».

¹³ Ср. изображение архангела на так называемом «Знамени Сапеги» («История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 685).

¹⁴ Ср. икону «Воинствующая церковь» или икону из г. Березова, которую русские казаки привезли с собой за Урал (Н. А. Абрамов. Старинные иконы в Тобольской епархии. — Известия археологического общества, т. 1. СПб., 1859, стр. 357).

¹⁵ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 2. Киев, 1900, табл. XXV, рис. 291; табл. XXVI, рис. 300.

¹⁶ А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916, стр. 4, 20 и сл.

¹⁷ ПСРА, т. XII, стр. 401—402.

¹⁸ А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты. — МИА, № 44, 1955, стр. 125.

была выдвинута в степь дополнительная засека, соединяемая с главной военными городками Михайловом и Пронском¹⁹. Шацкая засека проходила через с. Путятино²⁰.

В середине XVI в. строятся главные узловыя крепости этой юго-восточной передовой линии. В 1551 г. Иван Грозный вторично основывает г. Михайлов²¹, в 1551 или в 1553 г. возникает г. Шацк, до 1565 г. основывается г. Ряжск. Несомненно, эти городки возникли не в пустынном месте, а в окружении уже ранее сложившихся пограничных поселений. Население пограничных городков было в большей своей части военнослуживым²², причем жизнь его регулировалась Москвой вплоть до того, что строящиеся здесь новые храмы первое время находились в ведении не рязанского епископа, а московского митрополита²³. Вероятно, и характер посвящений новых храмов был не произвольным, а отражал какую-то идейную программу. В связи с этим интересно отметить очень большое количество храмов, посвящаемых (в XVI—XVII вв.) архангелу Михаилу. В начале XVI в. новый Архангельский собор строится в Переяславе Рязанском²⁴, затем строятся церкви Михаила в Туле, Михайлове, Шацке, Ряжске, Пронске²⁵. Около 50 храмов Михаила архангела, часть из которых датируется XVI в., разбросано вдоль окраинных южных уездов б. Рязанской губернии (Сапожковского, Данковского, Михайловского, Пронского, Скопинского)²⁶. Не следует ли это связать с сохранением здесь древней традиции, уходящей ко времени создания Засечной черты, когда культ архистратига Михаила — покровителя воинов — не мог остаться вне внимания ее устроителей. Известно, какое большое значение проблеме воинства уделялось в сочинениях Пересветова. В росписях Золотой палаты Кремля цикл воинских подвигов Иисуса Навина (с «явлением» архистратига Михаила) занимал немалое место. Библейский образ архистратига — воеводы небесных сил — должен был особенно интересовать Ивана Грозного, и не случайно Грозному приписывается литературное сочинение, посвященное архангелу Михаилу²⁷. Есть некоторые основания считать, что и сам Иван Грозный, и митрополит Макарий имели прямое отношение к «идейному укреплению» Засечной черты²⁸. В соборной церкви г. Михайлова хранилась старая запись о том, что во время закладки собора (1551) был найден образ архангела Михаила, который был послан затем

¹⁹ А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке, стр. 20; см. также С. Л. Марголин. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в. — Труды ГИМ, вып. XX. М., 1948, стр. 10, 13.

²⁰ А. Яковлев. Засечная черта..., стр. 20, 24.

²¹ А. Шекатов. Словарь географический Российского государства, ч. IV. М., 1805, стр. 259.

²² М. Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII вв. по писцовым книгам. — ТРУАК, т. XXIV, вып. 1. Рязань, 1911, стр. 15—26. — В частности, в г. Сапожке, к уезду которого принадлежало с. Путятино, посад совсем отсутствовал.

²³ Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, § 116.

²⁴ На эту тему автором подготовлена отдельная работа.

²⁵ И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 272, 286, 287; т. II, Рязань, 1885, стр. 10, 266.

²⁶ Сооружение храмов во имя архангела Михаила на «опасных» местах и «рубежах» характерно и для западноевропейского средневековья. Ср. О. А. Добнаш. Рождественская. Культ св. Михаила в латинском средневековьи. Пг., 1917, стр. 342—345.

²⁷ «Канон св. архангелу Михаилу грозному воеводе хранителю душ и тела...» (И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. — Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 554).

²⁸ Известно, например, что еще во времена Бориса Годунова строители южнорусских крепостей вели с собой из Москвы все необходимое для церковного строения вплоть до икон, антиминсов, риз и т. п. — Ср. Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 46—47.

в Москву. В Москве он был встречен Иваном Грозным и митрополитом Макарием, освящен и отправлен обратно в г. Михайлов, в связи с чем и собор и город получили свое имя. По некоторым старым источникам это был резной из дерева образ²⁹, т. е., очевидно, барельеф, такой же, как и барельеф из с. Путятино. В соборе г. Михайлова хранился и второй резной (из шифера) древний образ архистратига, что свидетельствует о какой-то твердой местной традиции³⁰.

Следует вспомнить, что с митрополитом Петром связывается появление резной статуи Николая Чудотворца в Можайске³¹; с митрополитом Фотием — утверждение резной статуи Николая Омчанского в Мценске³². В XVI в. митрополит Макарий освящает резные статуи Параскевы Пятницы и Николая Чудотворца в Пскове³³.

Очевидно, московская церковь учитывала особую склонность населения окраинных русских земель к пластическим изображениям, возможно хранящим древние местные традиции. Не исключено и другое. Большие резные из дерева иконы часто употреблялись как надвратные, в качестве «охранителей стен»³⁴. Это засвидетельствовано для Можайска, Москвы³⁵ и Коломны. Барельеф из с. Путятино тоже мог быть надвратной иконой пограничного южного острожка. Г-образное перекрестие меча архангела как будто свидетельствует о том, что исполнитель барельефа — монастырский мастер. Такие перекрестия в XVI в. были на монашеских посохах³⁶. Что касается создания барельефа, то этот вопрос требует более широкого исследования с учетом данных реставрационных работ³⁷.

²⁹ И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церкви и монастырей рязанской епархии, т. I, стр. 272; Д. Воздвиженский. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. — Исторический, статистический и географический журнал на 1827 год, ч. II, кн. 3 (июнь), стр. 217.

³⁰ Не лишне отметить, что когда в начале XIX в. учреждались гербы русским городам, г. Михайлов получил герб с изображением на одной половине поля крыльев архангела Михаила. — Полное собрание законов. Книга чертежей и рисунков (рисунки гермам городов). СПб., 1843, табл. 78.

³¹ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 203.

³² В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. — «История русского искусства», т. III, стр. 205.

³³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я пол. тома. М., 1917, стр. 367.

³⁴ Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934, стр. 416.

³⁵ Н. И. Петров. Резные изображения св. Николая Можайского и исторические судьбы их. — Труды XI АС, т. II, М., стр. 140; Н. Н. Соболев. Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин. — «Старая Москва», вып. 2, М., 1914, стр. 17—18; его же. Резные изображения в московских церквах. — Там же, стр. 88—89.

³⁶ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 186.

³⁷ В настоящее время барельеф расчищен. Мы не касаемся здесь ни вопросов реставрации, ни живописной характеристики памятника. Отметим лишь, что данные расчистки подтверждают датировку барельефа первой половиной XVI в. От находящейся в Рязанском художественном музее большой иконы архангела Михаила XVI в. («Чудо в Хонах») барельеф отличается живостью художественных черт памятников XV в. что позволяет приблизить датировку к 20—30-м годам XVI века.

А. Е. АЛИХОВА

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНИХ ГОРОДИЩ
КУРСКОГО ПОСЕИМЬЯ

Широкая долина р. Сейма богата памятниками различных эпох. Ее городища неоднократно привлекали внимание исследователей. В 1947 г. И. И. Ляпушкиным впервые было проведено широкое обследование всех известных по литературным и архивным данным городищ и селищ этого района. В результате получен обильный, преимущественно подъемный археологический материал. Не имея находок, позволяющих датировать комплексы керамики, И. И. Ляпушкин в статье, посвященной сейминским городищам скифского времени, привлекая косвенные данные, представил культуру городищ обследованного им района как нечто единое, ограниченное хронологически IV—II вв. до н. э.¹

Между тем некоторые особенности керамики, принятые И. И. Ляпушкиным в качестве хронологических признаков (например, отсутствие лощеной и инкрустированной посуды), представляют специфику района, сближающую его в этом отношении с городищами Посулья².

Датированный материал впервые был собран В. А. Ильинской, при раскопках Ширяевского городища, расположенного на украинском течении Сейма³. Верхний слой городища отнесен В. А. Ильинской к V в. до н. э., что выходит за пределы намеченных И. И. Ляпушкиным хронологических рамок.

На курском течении Сейма исследованиями ИИМК совместно с Курским краеведческим музеем выявлены городища, выделяющиеся некоторым своеобразием. Находки хорошо датированных вещей позволяют установить их относительную и абсолютную хронологию. Здесь часто встречаются два типа сосудов, различающихся по глиняному тесту, форме и отчасти по орнаменту. Совместное нахождение этих сосудов позволяло думать и об одновременности их бытования. Однако стратиграфическими наблюдениями на Плаксинском городище установлена их разновременность.

Плаксинское городище⁴ расположено в 3 км от Сейма, к югу от дер. Верхнее Плаксино Ленинского района, в глубине старого лога, порос-

¹ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в бассейне Сейма. — КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 67 и сл.; его же. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе днепровского лесостепного левобережья. — СА, XII, 1950.

² В. А. Ильинская. По поводу так называемой «зольничной» культуры. — КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 142—146.

³ В. А. Ильинская. Городище скифского времени на реке Сейм (на укр. яз.). — Археология, VIII, Киев, 1953.

⁴ Обнаружено в 1948 г. М. В. Воеводским (Деснинская экспедиция).

шего лесом, в урочище «Рыльск». С двух сторон оно ограничено оврагами, с напольной стороны к городищу идет спуск, в этом месте оно защищено тремя валами и рвами (рис. 4). На мысовой части, на краю пологого спуска, был также насыпан короткий вал (высотой 1,5 м). Размер площадки 120×40 м, высота городища у мысовой части — 28 м. В 1948—1949 гг.

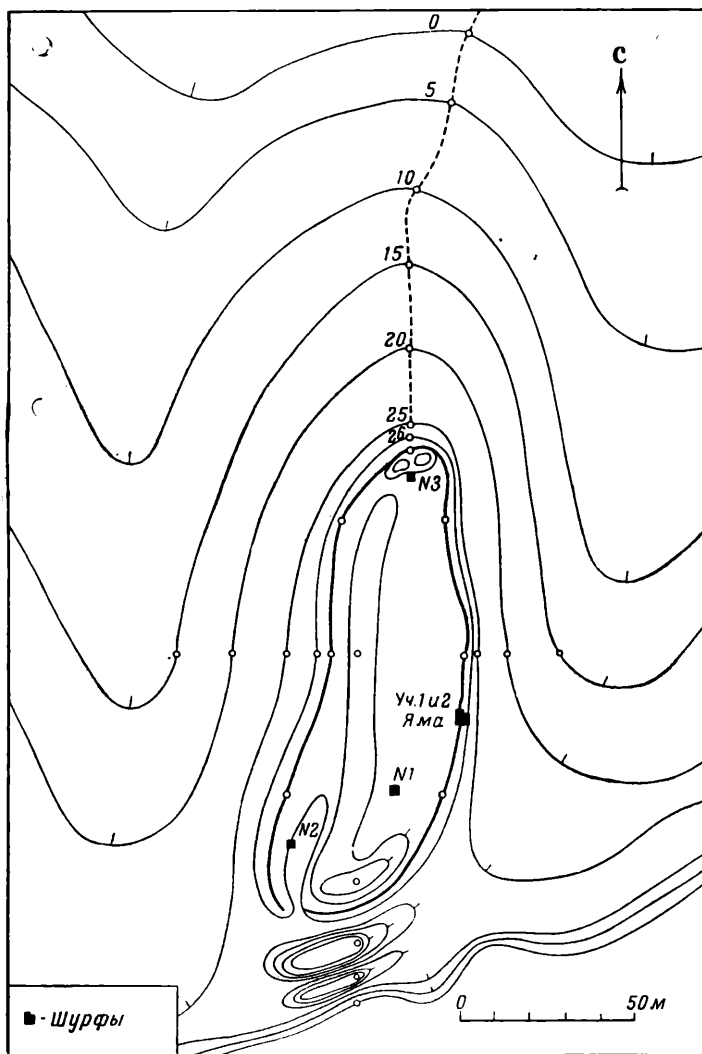

Рис. 4. План Плаксинского городища.

здесь были произведены небольшие работы, выявлен тонкий культурный слой с незначительным смешанным материалом. Иная картина прослежена в обнажении восточного склона городища, где на расстоянии 35 м от края внутреннего вала обнаружены напластования из двух слоев. Верхний состоял из черной супеси мощностью 50—55 см. Второй слой (толщиной 0,5 м), залегавший непосредственно под первым, — серый, рыхлый, с мелкими вкраплениями мергеля.

Керамика нижнего слоя отличается грубым тестом с примесью довольно крупных зерен шамота и плохой обработкой поверхности. Цвет ее серовато-желтоватый; она хорошо обожжена. По форме сосуды делятся на два типа.

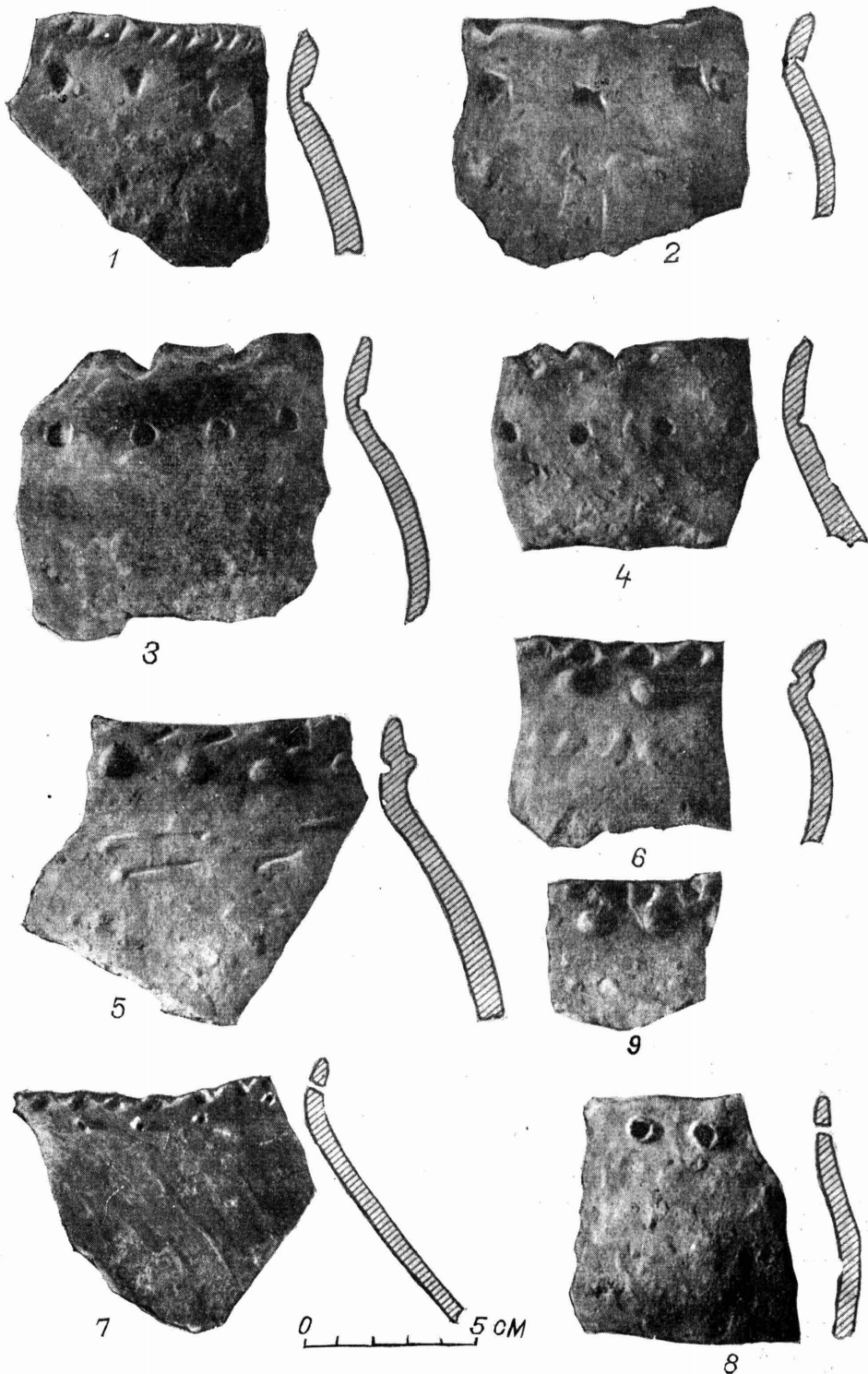

Рис. 5. Керамика нижнего слоя Плаксинского городища и городища «Кузина гора».

1, 4, 5, 7, 8, 9 — из Плаксинского городища; 2, 3, 6 — из городища «Кузина гора».

I тип — венчик отогнут наружу и плавно переходит в низко опущенные плечики. Орнамент чаще всего в виде зашипов по краю; ниже располагается ряд горошин, нанесенных круглой палочкой изнутри. Реже вместо горошин встречаются круглые ямки и проколы. Изредка по краю бывают насечки. Иногда орнаментирован только край (рис. 5—1, 4, 5, 7). Этот тип сосудов близок I типу керамики с Ширяевского городища⁵ и часто встречается также на Восточном Юхновском⁶.

II тип — сосуды баночной формы с небольшой, слабо выраженной шейкой и едва намечающимися плечиками. Эта форма типична для керамики всех юхновских городищ⁷. Для нее характерен тот же орнамент, что и для сосудов I типа (рис. 5—8).

Верхний слой содержал юхновскую керамику, резко отличную по внешнему виду от залегающей ниже. Она тонкостенная, с гладкой поверхностью, сделана из хорошо перемешанной глины с незначительной примесью мелкого песка. Некоторые сосуды имеют следы вертикального состругивания близ дна. Характерны баночные сосуды со слегка отогнутым краем и невыделенной шейкой. Преобладают сосуды без орнамента. Изредка встречаются ямки неправильных подпрямоугольных очертаний, нанесенные щепкой, расположенной под углом к поверхности (рис. 6—1—4, 6, 8), и орнамент из неглубоких плоскодонных ямок (рис. 6—5), образующих иногда треугольники, можно встретить иные типы ямочного орнамента (рис. 6—7, 9).

Следует остановиться еще на одной группе керамических изделий, которые, как нам кажется, могут служить хорошим датирующим материалом, — это глиняные блоки. Не останавливаясь на вопросе об их назначении, отметим, что для верхнего слоя Плаксинского городища были характерны блоки яйцевидной формы, аналогичные встреченным на западном Юхновском городище (А), а для нижнего слоя — округло уплощенные с глубокими ямками⁸. Этот тип блоков был распространен и на городище Кузина гора.

Из других находок отметим (в шурфе № 1) нож с горбатой спинкой и костяную трубку, найденную при зачистке стенки ямы.

Датировать встреченные на Плаксинском городище слои удастся по материалам двух ближайших городищ, расположенных в 3 км от него, на берегу Сейма (Иванский район) на Кузиной горе, как называется выдававшаяся здесь к берегу часть плато. На восточном конце на мысу расположено одноименное интересное городище, исследуемое в последние годы⁹. На нем обнаружены постройка, обрамлявшая всю площадку, и ряд оборонительных стен; прослежены два строительных периода. На городище встречен аналогичный плаксинскому комплекс керамики, причем основную массу составляет грубая посуда типа, известного по нижнему слою Плаксинского городища (рис. 5—2, 3, 6). В верхних же частях культурного слоя Кузиной горы — небольшая примесь юхновской тонкостенной керамики типа, встречавшегося и в верхнем слое Плаксинского городища.

Грубая керамика городища Кузина гора хорошо датируется находками чернофигурных сосудов, которые, по определению В. Д. Блаватского, относятся к рубежу VI—V вв. и началу V в. до н. э. Кроме того, здесь найдены обломки амфор VI в. до н. э. О дате юхновской керамики, с которой связан второй строительный период на городище Кузина гора, свидетельствует и

⁵ А. Ильинская. Городище скифского времени на реке Сейм, стр. 115.

⁶ А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова. — КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 31 и сл.

⁷ М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. — КСИИМК, вып. XXIV, 1949; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. — КСИА, вып. 7, Киев, 1957.

⁸ А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 35 — рис. 11—17 и рис. 11—10.

⁹ А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина гора. — СА, 1958, № 3.

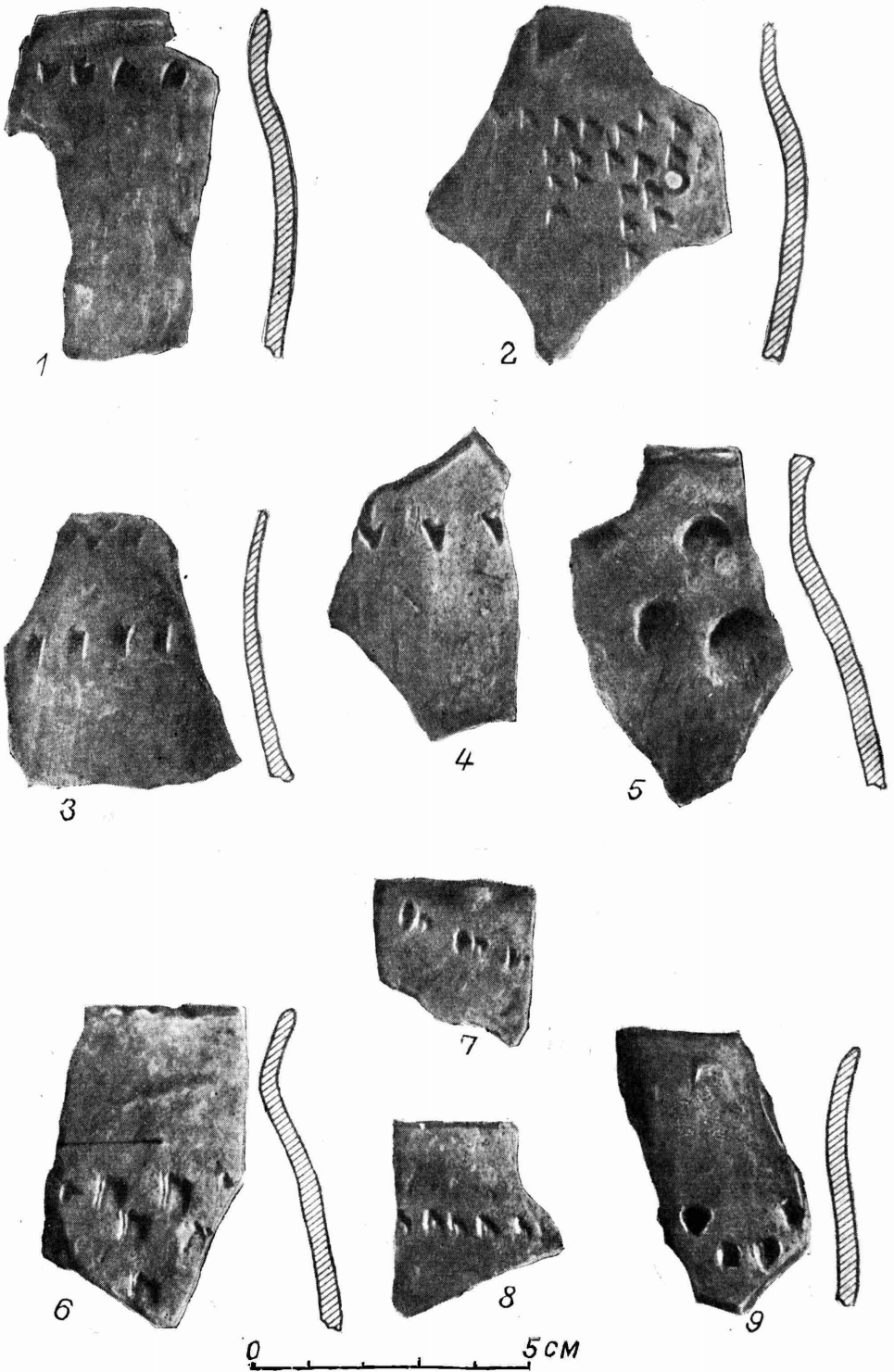

Рис. 6. Керамика верхнего слоя Плаксинского городища.

остальной обнаруженный материал, укладываемый в рамки V в. — начала IV в. до н. э. Это, в свою очередь, позволяет датировать напластования Плаксинского городища: нижний слой, содержащий грубую керамику, — рубежом VI—V вв. и V в. до н. э., верхний, с юхновской посудой, — концом V — началом IV в. до н. э. Эту датировку можно считать более или менее твердо установленной, так как для IV в. характерна юхновская керамика уже несколько иного облика, представленная на Александровском городище, на западном конце Кузиной горы.

Это городище, находящееся на расстоянии 1 км от предыдущего, было обитаемо короткий срок. Оно очень небольшое (30 × 70 м), расположено на склоне между двух овражков и защищено длинным низким валом и слабо выраженным рвом. В тонком гумированном слое (толщиной в 20—30 см), распространенном в восточной части городища, встречено немного керамики и найдены три скифских бронзовых наконечника стрел IV в. до н. э. Керамика очень тонкостенная, преимущественно без орнамента. Лишь изредка срез венчика бывает украшен насечками или ямками. Форма сосудов, техника обработки поверхности и глиняное тесто сохраняются прежними, известными по верхнему, юхновскому слою Плаксинского городища.

Приведенный материал дает наглядное представление об особенностях керамики городищ курского течения Сейма. Особенно интересна грубая керамика, назовем условно, — кузиногорского типа. Она встречена на многих городищах, обследованных и раскопанных А. Е. Алиховой и Т. Н. Никольской, и синхронна описанной В. А. Ильинской с Ширяевского городища, отличаясь по глиняному тесту и орнаменту.

В. А. Ильинская, принимая Ширяевское городище как эталон для памятников всего бассейна Сейма, отмечает отсутствие в керамике сейминских городищ примеси шамота, а среди элементов украшений сосудов — орнамента в виде горошин. Эти две особенности характерны для керамики городищ Посулья¹⁰. В действительности же для начала V в. до н. э. наблюдается несколько иная картина. На основании исследования керамики, в долине Сейма выделяются два района: Западное Посеймье, территориально примерно совпадающее с украинским течением Сейма, и Восточное, иначе Курское. Особенности, прослеживаемые в керамике этих районов, вполне объяснимы. Западноесейминская по орнаменту в виде проколов может быть сближена с грубой посудой городищ лесостепной полосы Поднепровья VII—V вв. до н. э. Этот орнамент, как отмечают Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, восходит к керамике, известной с городищ чернолесского типа¹¹. Восточноесейминская керамика по ряду черт может быть сближена с керамикой Посулья.

Своеобразие городищ Курского Посеймья составляют и напластования с юхновской керамикой, которая, как отмечает И. И. Ляпушкин, отсутствует в Западном Посеймье¹². Не упоминает о ней и В. А. Ильинская. Исследования описанных выше городищ ясно указывают на приход сюда юхновских племен в середине или конце V в. до н. э.

Открытые в последнее время на Суле и Северном Донце поселения эпохи поздней бронзы типа «Бондарихи», стоящие по керамике в одном генетическом ряду с юхновскими городищами Десны, на Сейме не обнаружены¹³. Поэтому пока трудно говорить, был ли этот приход юхновцев в Восточное Посеймье возвратом на свою исконную территорию, или мы имеем дело с их позднейшей экспансией?

¹⁰ В. А. Ильинская. Городище скифского времени на реке Сейм...

¹¹ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 80.

¹² И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры. — СА, XII, 1950, стр. 46.

¹³ В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках эпохи бронзы в левобережной лесостепи. — Археология, т. X, Киев, 1957 (на укр. языке).

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Г. ЕЛАГИНА и Н. Н. ПОГРЕБОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА ПО БЕРЕГАМ ИНГУЛА

В 1956 г. Исторический факультет МГУ и ИИМК АН СССР проводили работы по обследованию археологических памятников р. Ингул¹. Протяженность Ингула — самого крупного притока Южного Буга — 340 км; верховья его соприкасаются с бассейном Тясмина. В Южный Буг Ингул впадает у г. Николаева, ниже которого начинается Бугский лиман. Районы Тясмина и Бугского лимана обследованы достаточно полно. Побережье Ингула вплоть до последнего времени не подвергалось сплошной археологической разведке².

Работами 1956 г. охвачено нижнее течение Ингула на протяжении 100 км по правому берегу и 130 км по левому³. В результате разведки выявлено 50 пунктов древних поселений, 15 курганных групп и около 40 отдельных курганов (рис. 7). Эти данные нельзя считать исчерпывающими, так как некоторые участки береговой полосы, занятые современными постройками, не были обследованы; значительное количество курганных насыпей расположено вдали от реки и не вошло в полосу, охваченную разведкой.

подавляющее большинство обнаруженных поселений сосредоточено в низовьях реки, в пределах судоходной части современного Ингула. Следов искусственных укреплений на поселениях не отмечено. Для них характерно расположение на невысоких террасах коренного берега. На участках побережья, где были выходы известняковых или гранитных пород, признаков древних поселений нет.

¹ Экспедиция МГУ под руководством Б. Н. Гракова обследовала левый берег реки, экспедиция ИИМК под руководством Н. Н. Погребовой работала на правом берегу.

² О курганных раскопках и случайных находках в бассейне этой реки см.: В. Н. Ястребов, Погребальные обычаи в древних могилах бассейна реки Ингула. Древности. — Труды МАО, т. XII. М., 1888, стр. 108 сл.; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Северного Причерноморья Украинской ССР, ч. II, §§ 237—255. — Рукопись в научном архиве Ин-та археологии АН УССР.

Большую работу по выявлению и регистрации случайных находок и по обследованию отдельных участков Ингульского побережья проводит в течение ряда лет Николаевский краеведческий музей. В 1949 г. экспедицией Ин-та археологии были произведены разведки в верховьях Ингула. — См. А. И. Тереножкин, Разведки и раскопки 1949 года в северной части Кировоградской области. — Археология, т. VII, Киев, 1952, стр. 110 и др. (на укр. яз.).

³ Правый берег от г. Николаева до с. Ново-Петровки Привольненского района, левый берег от г. Николаева до границ Николаевской обл. у с. Розановки.

Собранный материал позволяет говорить о заселенности обследованного района в период каменного, бронзового и раннего железного веков. К последнему периоду относятся поселения скифского времени и II—IV вв. н. э. Многие памятники содержат материал двух-трех эпох.

Самый древний из обнаруженных пунктов расположен на левом берегу, в полутора километрах к северу от правобережного с. Софиевки (пункт 50)⁴. На поверхности лессового плато, возвышающегося на 8—10 м над уровнем реки, собраны кремневые отщепы и орудия. Кремь патинирован. Большинство орудий микролитических размеров. Среди них два округлых скребка на отщепах (диаметром 15—18 мм), восемь обломков и два целых экземпляра пластинок, шириной в 10—16 мм при длине 20 и 25 мм. На одном отщепе удлиненной формы — боковая ретушированная выемка. От перечисленных орудий отличается размерами округлый скребок (диаметром 35 мм), сделанный из массивного отщепа с сохранившейся на спинке коркой. Кроме кремня, на поверхности плато встречались очень мелкие обломки раковин речных моллюсков. Керамика отсутствует. Протяженность стоянки вдоль реки достигает 200—250 м.

Малочисленность и невыразительность находок не дает надежных оснований для датировки. Не исключена возможность, что этот памятник относится к мезолитическому времени.

Материалы эпохи бронзы встречены в ряде мест. В основном это обломки стенок лепных сосудов с штриховатой зачисткой поверхности. Глина сосудов в большинстве случаев плотная, без крупных примесей. Больше всего такой керамики обнаружено среди подъемного материала пунктов 5, 14, 25, 26, 28, 32, 33, 36. Единичные черепки есть и на других поселениях.

На некоторых поселениях обнаружены обломки керамики с резным штампованным орнаментом, находящим аналогии в материале катакомбной и срубной культур смежных районов.

Наиболее полно представлен резной орнамент. Он состоит из углубленных линий, расположенных в несколько горизонтальных рядов под венчиком сосуда (рис. 8—7). Иногда на тулове под этими горизонтальными линиями располагаются такие же линии, но косо поставленные по отношению к горизонтальным (рис. 8—8). Более сложен орнамент из параллельных или пересекающихся линий, пространство между которыми заполнено короткими штрихами (рис. 8—9, 10). Керамика с подобным орнаментом встречена в пунктах 2, 25, 26, 28, 36, 43.

Очень интересен обломок венчика сосуда с поселения Пересадовки 2 (пункт 33). На шейке и плечиках его расположен резной узор (рис. 8—11), напоминающий так называемые загадочные знаки на позднесрубных сосудах⁵.

Единичными экземплярами представлен штампованный орнамент. Его составляют отпечатки веревочки (пункты 26 и 33; рис. 8—12, 13), зубчатого штампа (пункт 33; рис. 8—14) и треугольные вдавления (пункт 2).

Кроме того, следует отметить орнаментацию в виде ногтевых вдавлений, расположенных по тулову в один или несколько горизонтальных рядов (пункты 2 и 37) и многоваликовую орнаментацию (пункт 26, рис. 8—15).

Формы сосудов отчетливо не прослеживаются. Выделяется группа сосудов с цилиндрическим горлом, поверхность которых покрыта резным орнаментом. Некоторые сосуды, по-видимому, принадлежат к типу баночных, а в двух-трех случаях к острореберным.

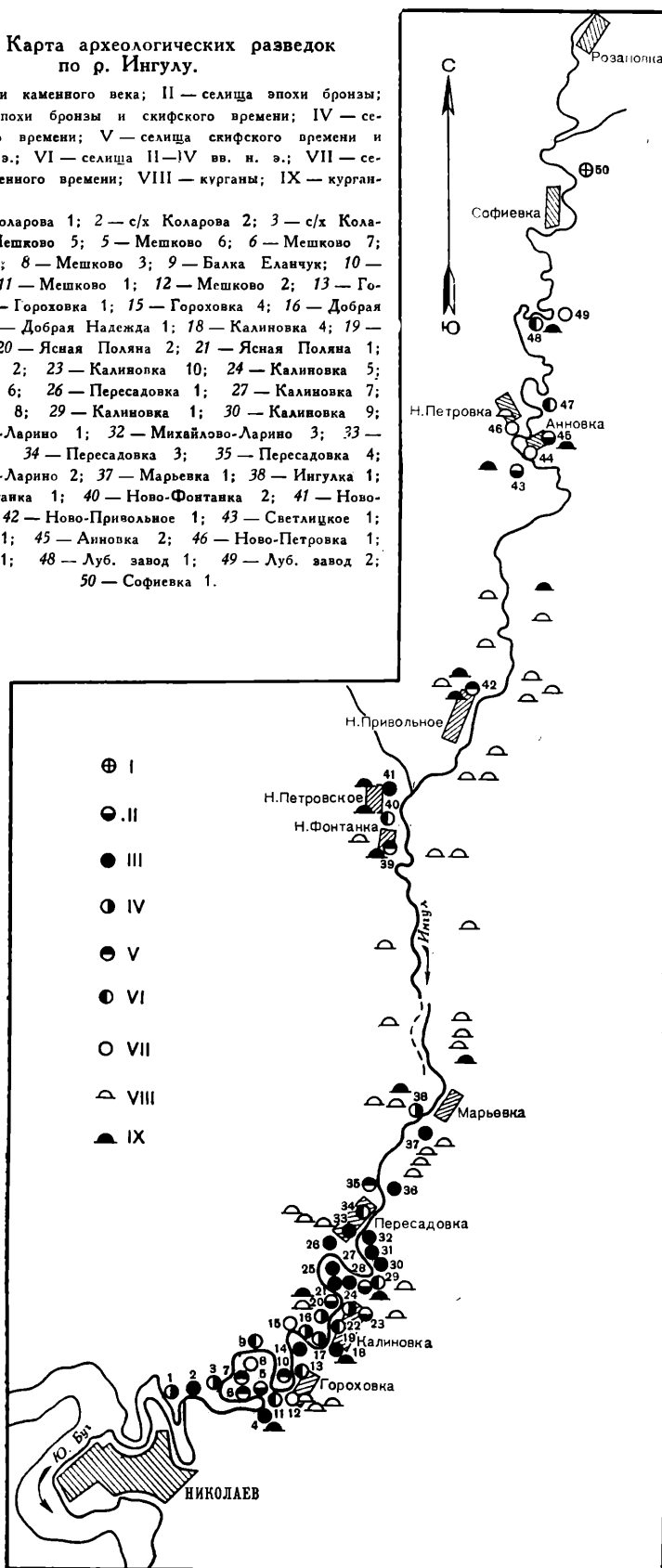
⁴ Здесь и далее номера пунктов соответствуют номерам местонахождений на карте (рис. 7).

⁵ А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. — ВДИ. 1953, № 1, стр. 193 с ил.

Рис. 7. Карта археологических разведок по р. Ингулу.

I — стоянки каменного века; II — селища эпохи бронзы; III — селища эпохи бронзы и скифского времени; IV — селища скифского времени; V — селища скифского времени и II—IV вв. н. э.; VI — селища II—IV вв. н. э.; VII — селища неопределенного времени; VIII — курганы; IX — курганные группы.

1 — с/х Коларова 1; 2 — с/х Коларова 2; 3 — с/х Коларова 3; 4 — Мешково 5; 5 — Мешково 6; 6 — Мешково 7; 7 — Мешково 4; 8 — Мешково 3; 9 — Баака Еланчук; 10 — Гороховка 3; 11 — Мешково 1; 12 — Мешково 2; 13 — Гороховка 2; 14 — Гороховка 1; 15 — Гороховка 4; 16 — Добрая Надежда 2; 17 — Добрая Надежда 1; 18 — Калиновка 4; 19 — Калиновка 3; 20 — Ясная Поляна 2; 21 — Ясная Поляна 1; 22 — Калиновка 2; 23 — Калиновка 10; 24 — Калиновка 5; 25 — Калиновка 6; 26 — Пересадовка 1; 27 — Калиновка 7; 28 — Калиновка 8; 29 — Калиновка 1; 30 — Калиновка 9; 31 — Михайлово-Ларино 1; 32 — Михайлово-Ларино 3; 33 — Пересадовка 2; 34 — Пересадовка 3; 35 — Пересадовка 4; 36 — Михайлово-Ларино 2; 37 — Марьевка 1; 38 — Ингулка 1; 39 — Ново-Фонтанка 1; 40 — Ново-Фонтанка 2; 41 — Ново-Петровское 1; 42 — Ново-Привольное 1; 43 — Светлицкое 1; 44 — Авиновка 1; 45 — Авиновка 2; 46 — Ново-Петровка 1; 47 — Смелянка 1; 48 — Луб. завод 1; 49 — Луб. завод 2; 50 — Софиевка 1.

Шурфовка поселения Калиновка 8 (пункт 28), относящегося к группе памятников эпохи бронзы, показала слабую насыщенность культурного слоя, толщина которого достигала 0,5—0,6 м. Мелкий строительный известняк обнаружен на поверхности поселения и в шурфах.

Во время разведки обнаружено большое количество кремневых отщепов и изделий, часть которых, по-видимому, относится к бронзовой эпохе. В двух случаях отмечены находки нуклеусов (пункты 39 и 42). В пункте 26 и в окрестностях с. Ингулки (пункт 38) найдены четыре трапециевидных вкладыша. Наиболее многочисленны находки скребков и ножевидных пластин. Восемнадцать кремневых орудий собрано в северной части с. Калиновки. Ножевидные пластины, целые и в обломках, имеют довольно высокую спинку. Поперечное сечение пластин треугольное или трапециевидное. Ретушью покрыт один, а иногда и оба края пластины (рис. 8—1, 2). Длина целых экземпляров 3,5—3,7 см при ширине 1,5—2 см.

Кроме описанных находок, встречены небольшие скребки на отщепах и прокола. В пункте 14, где собрана керамика эпохи бронзы, найден маленький округлый скребок диаметром 2 см, покрытый со всех сторон по краю и частично на спинке ретушью (рис. 8—4), а на поселении в пункте 28 — круглый скребок (диаметром 2,5 см) с высокой спинкой и крутой ретушью по краю. Скребоквидное орудие, изготовленное из массивного отщепа с дугообразной ретушью по одному краю, найдено в пункте 36 (рис. 8—5). Еще один скребок на плоском круглом отщепах обнаружен в пункте 30. Наконец, в северо-восточной части с. Мешково-Погореловка найден массивный концевой скребок (рис. 8—6).

Упомянем о двух каменных изделиях: на поселении в пункте 37 найден обломок обухной части полированного топорика катакомбного типа; в пункте 36 — гранитный терочник в виде четырехгранной пирамидки.

Гораздо богаче в подъемном материале представлена предскифская эпоха, характеризующаяся керамикой сабастиновско-обиточненского типа. К сабастиновской группе можно отнести сосуды с отогнутым наружу краем, переходящим в покатые плечи. Шейка в большинстве случаев не выделена. Эта форма типична для керамики сабастиновского этапа⁶. Большинство сосудов украшено налепными валиками, расположенными на расстоянии 2—2,5 см от края (рис. 9—1—5). Как правило, валики орнаментированы частыми пальцевыми вдавлениями или косыми насечками. На одном обломке валик орнаментирован насечками в виде косоугольного креста. Однако встречаются и гладкие валики, среди которых есть экземпляры с незамкнутыми концами. По-видимому, одновременны этой группе некоторые сосуды, покрытые резным орнаментом, аналогии которым известны на поселениях позднебронзового времени порожистой части Днепра⁷.

Значительная часть керамики сабастиновской группы имеет залощенную поверхность серого, серо-желтого и буроватого цветов.

На поселениях сабастиновского времени представлены и сосуды баночной формы, в большинстве случаев с горизонтально срезанным краем, поверхность иногда залощена. Наиболее выразителен материал сабастиновского типа на поселениях в пунктах 18, 41, 45.

Керамика обиточненской группы характеризуется сосудами с горизонтально или наискось срезанным краем, нависающим снаружи в виде козырька⁸. Лошение отсутствует. Валик у большинства сосудов этого типа

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, № 46, 1955, стр. 125, рис. 28, стр. 126.

⁷ А. В. Бодянский. Археологические исследования в порожистой части Днепра в 1947—48 гг. — АП, т. IV, Киев, 1952, стр. 174, табл. V (на укр. яз.); А. В. Добровольский. Каменные сооружения в Надпорожье. — АП, т. II, Киев, 1949, стр. 195, табл. I, рис. 12 (на укр. яз.).

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 153, рис. 37.

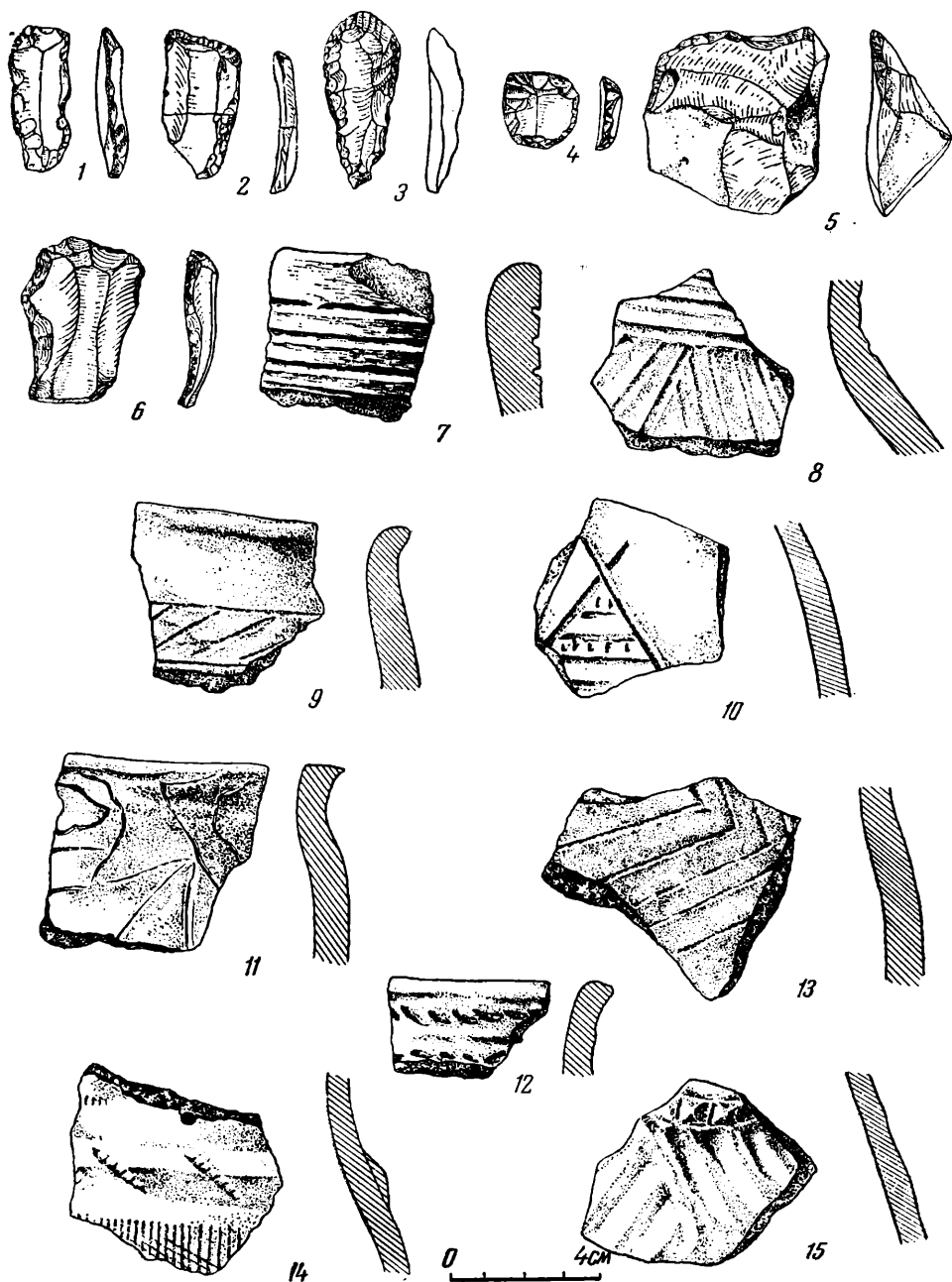

Рис. 8. Кремневые орудия и керамика эпохи бронзы.

1, 2 — с территории с. Клинновка; 3 — Пересадовка 4, пункт 35; 4 — Гороховка 1, пункт 14; 5. 10 — Михайлово-Ларино 2, пункт 36; 6 — с территории с. Мешково; 7—9, 12, 15 — Пересадовка 1, пункт 26; 11, 13, 14 — Пересадовка 2, пункт 33.

расположен под краем. Встречаются неорнаментированные валики и украшенные насечками и пальцевыми вдавлениями (рис. 9—6—9).

Отметим группу баночных сосудов, орнаментированных массивными налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, реже — насечками (рис. 9—10; рис. 10—1). На одном экземпляре под краем нанесен орнамент в виде подпрямоугольных наколов (рис. 10—2).

Выделяются среди описанного материала два фрагмента с Марьевского селища (пункт 37). Один из них — стенка сосуда с резным орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз (рис. 10—3); другой принадлежит нижней части тулова сосуда, покрытого серым лощением довольно высокого качества. Орнамент, аналогичный описанному выше, выполнен зубчатым штампом. Не исключена возможность, что эти фрагменты происходят из лесостепного, тясминского района, где в это время бытовали чернолесская и жаботинская культуры.

Наиболее выразительно группа керамики обиточненского типа представлена в пунктах 26, 33, 37, 41, 43.

На четырех поселениях предскифского времени — Пересадовке 1 и 2 (пункты 26 и 33), Ново-Петровском 1 (пункт 41) и Калиновке 4 (пункт 18) — заложены шурфы, которые на Пересадовке 1 и Калиновке 4 были расширены в раскопы. В результате шурфовки обнаружен культурный слой толщиной от 0,5 до 1 м с остатками каменного домостроительства. Наилучшей сохранности оказались жилища на поселении Пересадовка 1, где выявлен комплекс слегка углубленных в землю помещений с каменной кладкой на цоколе из больших камней, частью поставленных на ребро⁹.

В Пересадовке 2 развал каменного строения с находками керамики сабатиново-обиточненского типа обнаружен на глубине 0,35—0,5 м, причем, ниже развала, до глубины 0,95 м, залегал культурный слой, насыщенный главным образом костями животных. Следовательно, поселение на Пересадовке 2 бытовало длительное время и перешло к каменному домостроительству (во всяком случае на исследованном участке) на позднем этапе сабатиново-обиточненского периода. В Ново-Петровском поселении каменный развал встречен на глубине 0,8—0,85 м, а на Калиновке 4 — остатки каменного здания в виде развала средних и мелких камней на глубине 0,5—0,6 м.

Скифские памятники VI в. до н. э. — I в. н. э. определяются главным образом по обломкам амфор, обнаруженным почти на всех поселениях, зарегистрированных разведкой. Фрагментов, относящихся к VI—V вв. до н. э., немного: два венчика пухлогорлых амфор на пунктах 1 и 26; два венчика амфор V в. до н. э. (пункты 18 и 37) и две ножки хиосских амфор (пункт 18). Наиболее многочислен эллинистический материал, среди которого обломки гераклейских, синопских и фасосских амфор, в пунктах 2, 7, 27, 30 и др. К позднеэллинистическому и раннеримскому времени относятся обломки двустольных ручек и жолудеобразная ножка псевдокосских амфор, а также желобчатая ручка светлоглиняной¹⁰ (пункты 3, 26, 36, 37, 41 и др.). Часть амфорных ручек носит следы вторичного использования в качестве терочников или лощил.

Находки другой привозной керамики в материале разведок единичны. К ним относятся обломки позднего чернолакового и сероглиняного ольвийского сосудов из пункта 26.

Скифская лепная керамика этого же времени, хорошо известная по памятникам Нижнего Днепра и Бугского лимана, на ингульских поселениях представлена единичными экземплярами. Это обломки горшков с отогнутым

⁹ Результаты раскопок первого Пересадовского поселения будут опубликованы отдельно.

¹⁰ Определение амфор произведено И. Б. Зеест.

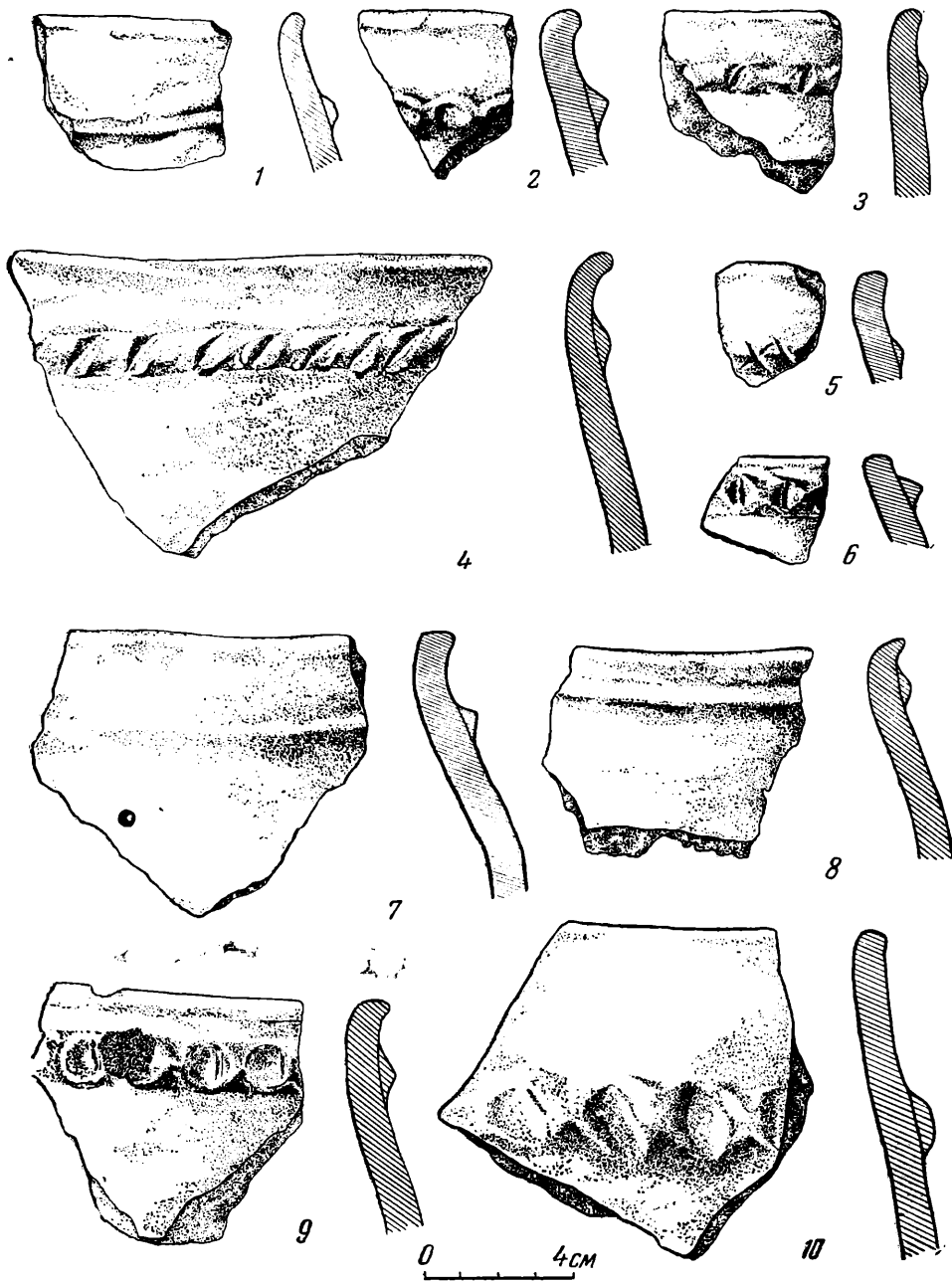

Рис. 9. Керамика предскифского времени.

1, 2 — Калиновка 4, пункт 18; 3, 4, 8, 9 — Пересадовка 1, пункт 26; 5 — Аниовка, пункт 45;
6, 7, 10 — Марьевка 1, пункт 37.

венчиком и округлым туловом. Сосуды орнаментированы пальцевыми вдавлениями или насечками по краю (рис. 10—4—6), ногтевыми вдавлениями по шейке (рис. 10—7) или косыми насечками по тулову (пункты 4, 14, 26, 41).

Скифскому времени принадлежит также обломок крышки сосуда, орнаментированной небольшими круглыми вдавлениями (пункт 18), и обломок дна с отпечатком ткани (пункт 36).

Выделяется небольшая группа лепной лощеной керамики позднескифского времени (II—I вв. до н. э.). К этому периоду относится однослойное поселение Калиновка 2 (пункт 22), где собраны обломки венчиков, покрытых серо-желтым и серым лощением. Подобная керамика есть в пунктах 4 и 26. При раскопках поселения в пункте 26 обнаружены обломки остропрофилированных мисок так называемого зарубинецкого типа¹¹. Находки металлических изделий скифского времени ограничиваются свинцовым коническим пряслицем и бронзовой пуговицей с пункта 30.

К скифскому времени следует отнести курганный группу из 25 насыпей, расположенную у северо-восточной окраины с. Калиновка. Кроме двух, курганы находятся на поле и сильно распаханы. У северо-восточного края группы расположен курган «Баба»¹². Насыпь его, длиной 110 м, шириной 60 м, высотой 6—8 м, вытянута с северо-запада на юго-восток и имеет две вершины. Насыпь сохранила довольно крутые склоны по всей окружности. Только юго-восточная часть ее повреждена во время последней войны. До 1917 г. на кургане стояла каменная баба¹³, регалии которой с несомненностью указывают на скифское происхождение.

Курган № 7 в этой группе был раскопан экспедицией МГУ. Насыпь сильно распахана и возвышалась над окружающим полем на 0,5 м. Диаметр его 20 м (рис. 11). В насыпи и на уровне древнего горизонта обнаружено около двухсот обломков амфор и лепной керамики. Ножки амфор относятся к IV—III вв. до н. э. В юго-восточном секторе, в плотном предматериковом слое, обнаружено впускное погребение № 1. Костяк, лежавший вытянутым на спине, ориентирован головой на север. Сохранность его плохая. При нем у правого плеча найден чернолаковый канфар, в области черепа — медные проволочные серьги (рис. 10—9); в области шеи и таза — несколько шаровидных пастовых бус, белых и цветных, диаметром в 5 мм. Канфар датирует погребение IV—III вв. до н. э.

По снятию насыпи в центре кургана обнаружена входная яма основного погребения (№ 2), вытянутая с запада на восток (рис. 11—II). Яму окружала утрамбованная лёссовая площадка диаметром в 6,5 м, представляющая могильный выкид. Выкид в свою очередь был окружен кольцом из необработанных известняковых плит и камней общей шириной в 1,2—1,25 м, сохранившимся *in situ* только в северной части. Диаметр кромлеха достигал 10 м.

Входная яма центрального погребения, глубиной 4,8 м (рис. 11), в нижней части была забита камнями, завал которых круто спускался от восточной стены к западной. Он содержал около сотни больших и массу мелких кусков известняка.

Катакомба расположена к западу от входной ямы. Вход в нее высотой 0,8 м, шириной 1 м забит крупными плитами, уложенными плашмя в 7 ярусов. Дромос отсутствует.

Катакомба — вместительная камера, вытянутая в широтном направлении (длина 4,5 м, наибольшая ширина 3,1 м, первоначальная высота достигала,

¹¹ Эта группа керамики хорошо представлена в материале позднескифских городищ Нижнего Днепра.

¹² О нем упоминает В. Н. Ястребов в т. XVII ЗОИИД.

¹³ В настоящее время находится в Николаевском краеведческом музее.

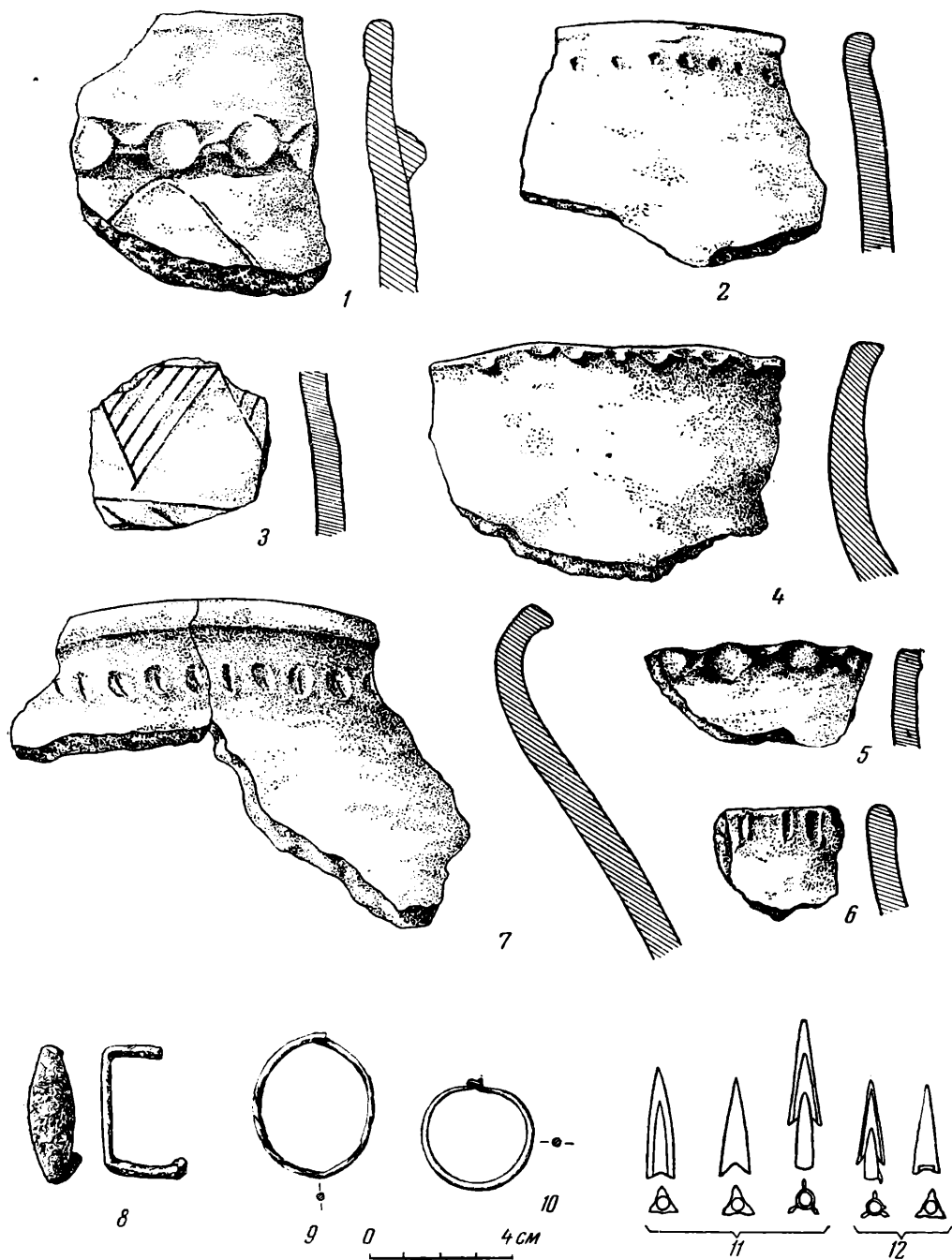

Рис. 10. Керамика предскифского времени и вещи из Кургана № 7.

1 — Светлицкое, пункт 43; 2, 3 — Марьевка, пункт 37; 4, 7 — Пересадовка 1, пункт 26; 5 — Гороховка 1, пункт 14; 6 — Мешково 5, пункт 4; 8, 10, 12 — из впускного погребения № 3; 9 — из впускного погребения № 1; 11 — из центрального погребения (8—12 — курган № 7).

по-видимому, 1,8 м), была ограблена через лаз, прорезавший ее северную стенку. На полу камеры обнаружены в полном беспорядке остатки мужского, женского и детского костяков. Из погребального инвентаря сохранились: три пращевых камня, шесть бронзовых наконечников стрел (рис. 10—11),

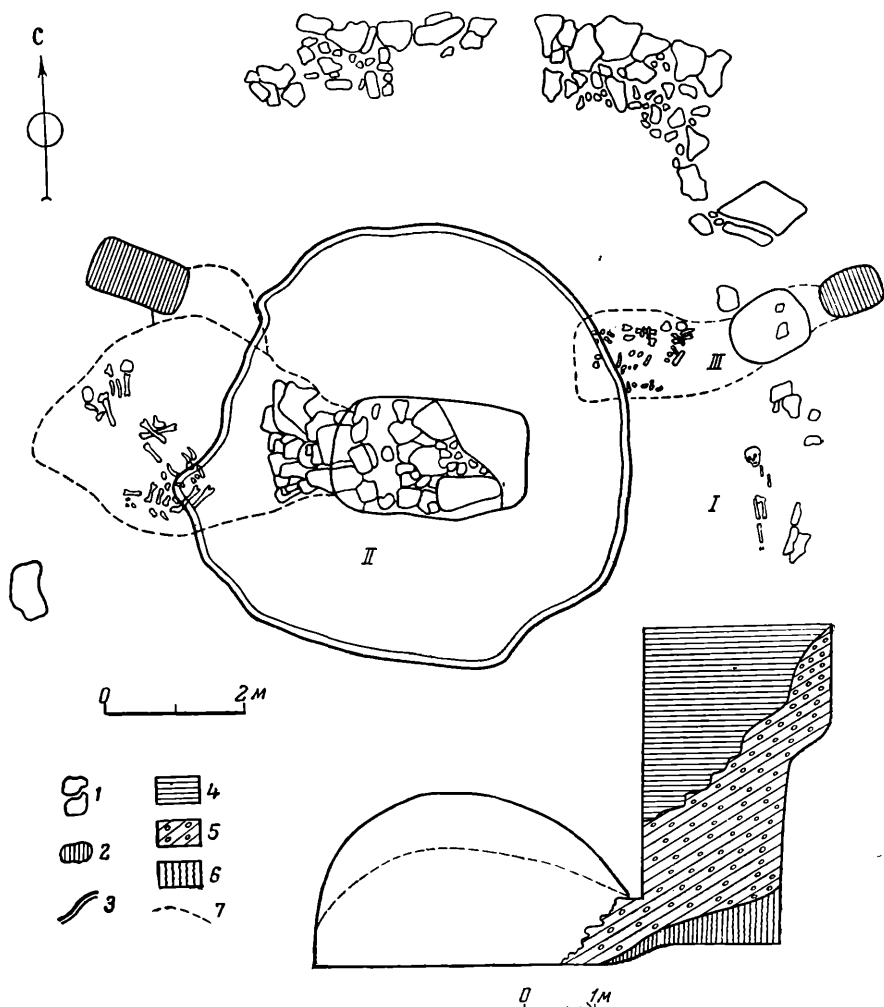

Рис. 11. План кургана № 7 и разрез центрального погребения.

I, II, III — погребения; условные обозначения на плане: 1 — камни; 2 — грабительские ямы; 3 — граница могильного выкола; на разрезе — 4 — черная рыхлая земля; 5 — каменный завал; 6 — насыпной песок; 7 — первоначальная высота катакомбы.

обломок серебряной пластины, шаровидная пастовая бусина (синяя с белыми глазками), стенка красноглиняной амфоры, четыре обломка железных ножей с горбатой спинкой, на одном из которых сохранилась костяная накладка ручки, три глиняных пряслица. На одном из камней заклада, вдающемся в катакомбу, стоял небольшой сероглиняный горшочек, сделанный на кругу и покрытый черным лощением (рис. 12—1). Среди скопления костей находились лучевая и локтевая кости лошади.

К востоку от центральной катакомбы обнаружено впускное погребение (№ 3). По конструкции оно аналогично центральному, но меньших разме-

ров и с дромосом. Это погребение также ограблено. На полу камеры разбросаны кости мужского, женского и детского скелетов, среди которых были и кости коровы (лопатка, локтевая кость и ребра)¹⁴. Найдено три бронзовых наконечника стрел (рис. 10—12), две проволочные, серебряная и медная, серьги (рис. 10—10), обломки двух железных ножей с горбатой спинкой и две фрагментированные железные скобы (рис. 10—8). Материал, найденный в погребениях, датирует их IV—III вв. до н. э.

Наиболее позднюю группу памятников составляют поселения II—IV вв. н. э. Собранная керамика однотипна и широко бытовала в ту пору на территории Северного Причерноморья. Керамика в подавляющем большинстве сероглиняная, сделанная на круге. По качеству изготовления она делится на две группы. Преобладают грубые сосуды, в основном горшки, с большим количеством кварца или песка в тесте. На Калиновке 1 (пункт 29) найдены крупные обломки большого пифосообразного сосуда с горизонтальным бортом, нависающим с внутренней стороны; с внешней, под краем, сосуд украшен двумя налепными валиками, расчлененными косыми вдавлениями.

Ко второй группе относится керамика из хорошо отмученной серой глины, покрытая лощением серого, реже черного цвета; это — остроресберные широкие миски, большие открытые сосуды с горизонтально расположенным краем, кувшины. На ручке одного из кувшинов (пункт 29) нанесен орнамент зубчатым штампом и оттисками в виде концентрических кружков (рис. 12—2). Несколько обломков орнаментированы горизонтальными рельефными рантиками и лощеными линиями.

1

2

Рис. 12. Сосуд и орнаментированная ручка кувшина

1 — сосуд из центрального погребения кургана № 7;
2 — ручка кувшина с поселения Калиновка 1, пункт 29.

¹⁴ По определению В. И. Цалкина.

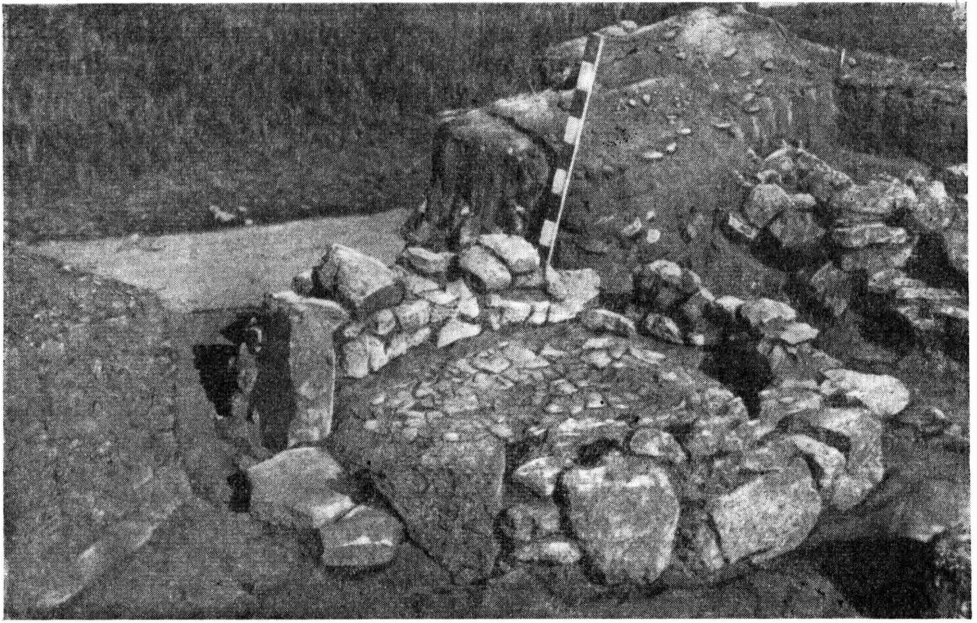

Рис. 13. Развал печи на поселении Калиновка 1 (пункт 29).

Лепной керамики мало и она не выразительна.

Время поселений определяют находки фрагментов амфор, светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных реберчатых, хорошо представленных в позднеантичных слоях и некрополях греческих колоний нашего Юга. В пункте 29 найден обломок дна открытой краснолаковой тарелки.

Среди единичных находок следует отметить также два биконических глиняных пряслица (пункты 9 и 40) и железный нож с прямой спинкой (пункт 35).

К поселениям II—IV вв. н. э. относятся пункты 9, 11, 13, 19, 21, 29, 34, 35, 40, 47, 48. Керамика этого времени есть и на других пунктах.

На поселениях Балка Еланчук (пункт 9), Ясная Поляна 1 (пункт 21) и Пересадовка 3 (пункт 34) были заложены шурфы и обнаружен культурный слой, мощностью 0,4—0,6 м, с остатками наземных прямоугольных каменных зданий.

На поселении Калиновка 1 (пункт 29) проведены небольшие раскопки. На площади в 32 кв. м вскрыт развал части каменного здания, внутри которого прекрасно сохранилась печь (рис. 13). Основание ее сложено из мелких известняковых плит, подогнанных друг к другу и заделанных глиной, образовавшей под. Стены сложены из камня. Большие плиты, окаймляющие устье печи, поставлены на ребро, следующие за ними плиты основания стен либо поставлены на ребро в два ряда с забутовкой, либо лежат плашмя. Местами сохранились 1—2 верхних ряда камней, более мелких, уложенных плашмя. Печь в плане подковообразной формы. Размеры ее — от устья до задней стенки — 1,5 м, вдоль задней стенки — 1,6 м. Свод, по-видимому, был глинобитным. Аналогичные по конструкции печи известны на ингулецких поселениях этого времени¹⁵.

Рядом с печью найден обломок известнякового корытца и две половинки верхнего камня жернова (диаметром в 0,4 м) из известняка. В центре его — прямоугольное отверстие (10 × 7 см).

¹⁵ Л. М. Славин. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 году. — КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 35—36.

Материал, полученный в результате работ 1956 г., дает общее представление о характере и времени бытования отдельных археологических культур на исследованной территории. Он свидетельствует о непрерывной заселенности берегов Ингула, по крайней мере с ямно-катакомбного времени и по II—IV вв. н. э. Наиболее интенсивные следы жизни относятся к предскифскому периоду и II—IV вв. н. э.

Интересна стоянка каменного века, открытая в пункте 50 (Софиевка). Возможно, она найдет аналогии в верхнем слое Владимировской стоянки на Южном Буге¹⁶. Показательно отсутствие в обследованном районе керамики усатовского типа, которую можно было здесь ожидать¹⁷. Археологический материал Ингула предскифского времени тесно связан с материалом Южного Буга, где известен ряд памятников этого времени, в том числе и поселение, давшее название сабаатиновскому этапу. От Сабаатиновского поселения ингульские отличаются наличием в них каменного домостроительства, что сближает их с одновременными памятниками порожистой части и низовьев Днепра¹⁸.

С другой стороны, довольно большая группа керамики с указанных поселений находит аналогии в памятниках, расположенных к востоку от Днепра (Обиточная 12, Чингульское селище) и выделяемых О. А. Кривцовой-Граковой в обиточненскую группу¹⁹. Следует отметить, что керамика обиточненского типа встречена к западу от Днепра впервые.

Наличие амфор VI—I вв. до н. э. в большинстве открытых разведкой пунктов указывает на продолжение жизни на берегах Ингула и в скифский период. Однако отсутствие выразительных комплексов лепной керамики и строительных остатков этого времени не позволяет говорить с уверенностью об оседлом характере жизни населения на Ингуле в скифский период.

Раскопанный у с. Калиновки курган выявил интересную и довольно сложную погребальную конструкцию. В общих чертах, по характеру погребального обряда и по типу погребальной камеры, этот памятник примыкает к группе степных скифских погребений IV—III вв. до н. э. Известную аналогию ему мы находим в кургане № 6 у с. Башмачки б. Екатеринославского уезда²⁰. Сходство прослеживается в наличии мощного каменного завала, которым забита входная яма, и в сооружении каменного пояса вокруг центрального погребения. Правда, в кургане Башмачки каменное кольцо являлось крепидой — в ингульском кургане оно находилось на уровне древней поверхности.

Расположение входной ямы и катакомбы сближает калиновский курган с четвертым типом погребальных сооружений Никопольского могильника²¹ и группой погребений Марицынского некрополя и некрополя у Николаевки²².

Наличие в ряде скифских курганов Никополя утрамбованного могильного выкида, окружавшего главное погребение, также позволяет сравнивать калиновский курган с никопольскими.

¹⁶ А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка у с. Владимировки. — КСИИМК, вып. XXI, 1947; его же. Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки. — КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹⁷ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. 1955, стр. 18.

¹⁸ А. В. Бодянский и А. В. Добровольский. Указ. соч.; А. В. Бураков. Раскопки в с. Змеевка, Херсонской обл. — КСИА, № 4, Киев, 1955, стр. 109 и сл.

¹⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., гл. III, § 5.

²⁰ А. А. Спицын. Раскопки, произведенные в 1897 году близ деревни Башмачки, Екатеринославского уезда. — ИАК, вып. 1, стр. 72 и др.

²¹ Б. Н. Граков. Скифские погребения Никопольского курганного поля. Рукопись в архиве ИИМК АН СССР.

²² M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Prähistorische Zeitschrift, B. V, Heft 1/2, 1913, стр. 1; M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gorodok Nikolaevka. — Там же, стр. 80 сл.

Поселения II—IV вв. н. э., открытые на Ингуле, входят в группу памятников, широко распространенных в степной полосе: на Южном Буге, Ингульце, Днепре, вдоль побережья Черного моря от Одессы до Бугского лимана. Одновременны им и весьма близки по керамическому комплексу лесостепные поселения черняховской культуры.

В результате последних исследований в степной полосе выделяются две группы поселений II—IV вв. н. э., отличающиеся по технике домостроительства. Одну из них, с легкими наземными постройками, можно связывать с пришлым населением; другую, с каменным домостроительством, — с местным²³. К этой второй группе и принадлежат ингульские поселения.

По-видимому, в IV в. н. э. древние поселения на Ингуле прекращают свое существование, что закономерно для всей степной полосы Северного Причерноморья. Это явление обычно ставят в связь с нашествием гуннов.

²³ Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э. Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 15—17.

П. Д. ЛИБЕРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ р. БЕРЕКИ¹

В 1956 г. Северодонецкий отряд продолжил разведки археологических памятников по р. Береке, начатые в 1955 г. в окрестностях с. Петровского. До сих пор в археологическом отношении этот район был очень мало известен.

Можно указать лишь на раскопки курганов в начале XX в. в Изюмщине, в окрестностях больших сел Мечебиловка и Великая Камышеваха В. А. Городцовым. При раскопках курганов встречены погребения, относящиеся только к эпохе бронзы, памятники скифского времени не были обнаружены². В 1901 г. профессор А. М. Покровский проводил раскопки курганов непосредственно на р. Береке, в окрестностях сел Отрадное, Раздольное, Новоселок, Бунаковка³. У с. Отрадное из группы в 15—20 насыпей раскопано пять курганов со скорченными погребениями; у с. Раздольное — три, в одном из них оказалось погребение с золотыми и бронзовыми вещами греческой работы (вещи и их местонахождение неизвестны); близ с. Новоселок в трех раскопанных курганах оказались скорченные и окрашенные погребения; у с. Бунаковки из группы в 15—20 насыпей, разбросанных в долине р. Береки, вскрыто 4 кургана. Среди скорченных и окрашенных костяков здесь оказалось одно погребение с бронзовыми вещами и железным ножичком (вещи также неизвестны). Надо полагать, погребения у с. Раздольного и Бунаковки с вещами греческой работы и железным ножом вполне могут быть отнесены к скифскому времени. В районе устья р. Береки уже в советское время проводил разведки Н. В. Сибилев, обнаруживший девять скифских поселений, расположенных на окраине дюн, на левой стороне р. Береки, и к востоку от с. Петровского⁴.

Можно, пожалуй, сослаться еще на археологическую карту Д. И. Багаля, составленную к XII Археологическому съезду, состоявшемуся в 1902 г. в Харькове. На карте нанесены главным образом курганы, отдельные случайные находки, поселения эпохи бронзы у с. Петровское, там же два

¹ В разведках принимали участие мл. научные сотрудники: Ю. С. Гришин, А. И. Пузикова; лаборанты: В. И. Бондарева, А. П. Панченко и фотограф В. П. Макаров.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. 1901 г. Труды XII АС, т. I. Харьков, 1902, стр. 174—225; е го же. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губ. — Там же, стр. 226—340.

³ А. М. Покровский. Доклад о раскопках курганов на заседании предварительного комитета. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I. Харьков, 1902; Д. И. Багаля. Объяснительный текст к археологической карте § 65, 73, 74, 75. — Труды XII АС, т. I.

⁴ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, карта 3.

городища и одно — у с. В. Камышеваха⁵. Вот, по существу, и все, что нам было известно об археологических памятниках на р. Береке.

Судя по имевшимся сведениям, можно было предполагать, что на р. Береке мы встретим интересующие нас памятники скифского времени. Но эти сведения были очень ограничены и противоречивы. Необходимо было проверить, к какому периоду относятся поселения и городища и какое отношение они имеют к памятникам лесостепи. Эту задачу экспедиция и поставила перед собой во время обследования.

В 1955 г. основной задачей экспедиции было обследование берегов р. Оскола⁶, р. Берека оставалась на втором плане, туда удалось съездить только на один день с целью ознакомления с городищами у с. Петровского и поселениями, известными Н. В. Сибилеву. Установлено, что указанные Д. И. Багалеем городища у с. Петровского никакого отношения не имеют к памятникам скифского времени. Так называемое городище к северу от села представляет собой не что иное как майдан, когда-то бывший большим курганом, ошибочно принятый за городище, а расположенное к югу действительно великолепное, прекрасной сохранности, с огромными валами и bastionами по углам городище, окруженное глубокими рвами снаружи, относится к первой трети XVIII в., как это показала небольшая шурфовка.

При обследовании мест поселений, указанных Н. В. Сибилевым, мы обнаружили только четыре поселения, расположенные на окраине дюнных песков ближе к с. Петровскому; причем собранный подъемный материал не давал никаких признаков принадлежности поселений к скифскому времени. На основании его можно было предполагать, что это — памятники эпохи поздней бронзы. Окончательное решение этого вопроса возможно лишь после накопления и изучения материала более широких разведок и раскопок.

В 1956 г. экспедиция продолжала работы. В районе с. Петровское были снова проведены поиски поселений, в результате обнаружено еще три и проведена шурфовка поселения № 1. Далее экспедиция поднялась вверх по левому берегу р. Береки вплоть до ее верховьев и с. Береки и затем спустилась по правому берегу. В результате маршрута обнаружено 29 поселений, 5 городищ, отмечены курганные группы, расположенные ближе к реке⁷, составлена карта (рис. 14).

К сожалению, памятники скифского времени не обнаружены. Однако более широкие разведки и раскопки на р. Осколе показывают, что если в ходе разведок и не было найдено на поселениях материалов скифского времени, то во время раскопок в некоторых случаях скифские вещи, хотя и в небольшом количестве, встречались. Так было на поселении у хутора Войновки. Надо полагать, аналогичное положение может повториться и на поселениях по р. Береке, которая географически лежит в пределах степи или могла быть в пограничной зоне между степью и лесостепью, благодаря чему использовалась кочевыми племенами и не столь интенсивно, как это наблюдается в основных местах обитания кочевников или, особенно, оседлых племен лесостепи. Однако все это может быть выяснено только при раскопках.

Пока же, как показали разведки, на всех 29 поселениях обнаружен материал эпохи бронзы, главным образом позднего периода; на этих же поселениях в семи пунктах встречена керамика салтовской культуры. Все городища относятся к памятникам средневековья. Относительно курганов и курганных могильников сказать что-либо очень трудно. Нередко они располагаются на высоком берегу (левый берег у с. Красный Лиман) или

⁵ Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте и карта. — Труды XII АС, т. I. М., 1905.

⁶ Результаты разведок на р. Осколе посвящена особая статья.

⁷ Курганы не все наносились на карту. Они более подробно показаны на археологической карте Д. И. Багалей, куда мы и отсылаем интересующихся ими.

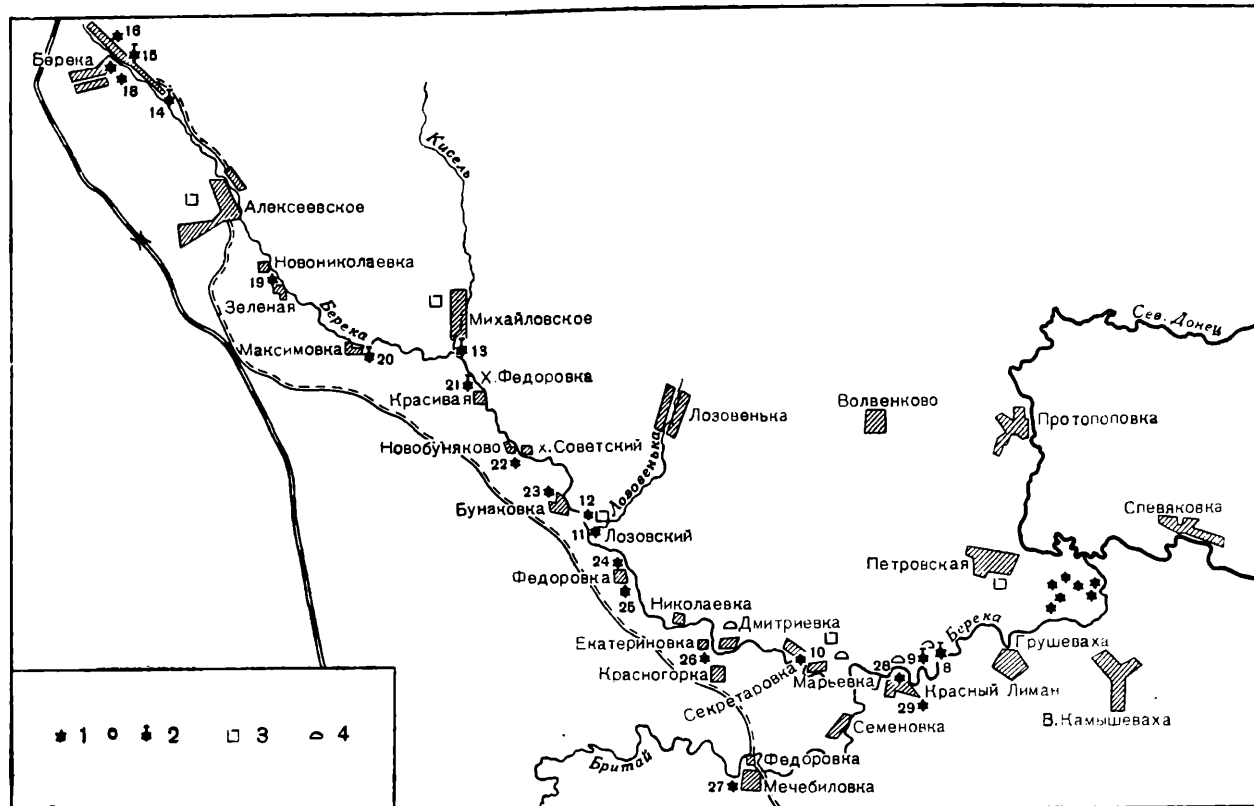

Рис. 14. Карта поселений по р. Береке.

1 — поселения эпохи бронзы; 2 — поселения эпохи бронзы и средневековья; 3 — городища; 4 — курганы.

на низком надпойменном берегу, иногда непосредственно на территории поселений (у хуторов Ново-Бунаковки и Бунаковки).

Обратимся к характеристике поселений у с. Петровское, определенных Н. В. Сибилевым как поселений скифских. Местоположение их на нашей карте и карте Н. В. Сибилева не вызывает сомнений в их идентичности. Нам удалось обнаружить из девяти только семь поселений. Дюнные пески теперь укреплены молодыми посадками соснового леса, травой и поэтому хорошо задернованы. Поселения находятся на краю песков и пойменной сырой низины, проникающей в виде излучины от р. Береки к северу, в глубь песков. Подъемный материал не велик, собрана только керамика, относящаяся к эпохе бронзы. Черепки с желтой или сероватой поверхностью в изломе — черные. В тесте иногда встречается примесь очень мелких кусочков, по-видимому, шамота.

Для более правильной характеристики культурных остатков на поселении № 1 на краю обрыва песчаного карьера был заложен шурф (6,5 × 1,5—2,5 м). Поселение это (самое южное) расположено к юго-востоку от с. Петровское, на заросшем, песчаном, невысоком всхолмлении, к югу от дюн. Культурный слой достигает 0,8 м. До глубины около 0,4—0,5 м встречается лепная и современная сделанная на круге, а ниже только лепная керамика эпохи бронзы. Среди нее — многоваликовая керамика, типа позднекатакомбной (рис. 15—1) и, по-видимому, более поздняя с валиками на шейке и на ребре сосудов, орнаментированная по валику зашипами (рис. 15—2, 3, 4). Валик в некоторых случаях треугольный, иногда без зашипов, но в большинстве зашипы довольно четки. Обломок с валиком на ребре (рис. 15—4), вероятно, принадлежал острореберному сосуду. На глубине 0,4—0,6 м встречены также обломки хорошо лощеной коричневатого цвета посуды (рис. 15—5). Часто встречались кремневые отщепы и ножевидные пластины. Во время разведки в 1955 г. на этом поселении найдено бочковидное пряслице (рис. 15—6).

Таким образом, ни в подъемном материале с поселений у с. Петровское, ни при шурфовке поселения № 1 не обнаружено керамики скифского времени, она вся относится, по-видимому, к концу эпохи бронзы с отдельными элементами позднекатакомбной культуры. Однако упомянутое пряслице скорее следовало бы датировать ранним этапом скифского времени. Находка эта не единична, если учесть отдельные предметы скифского времени из сборов Н. В. Сибилева. В «Древностях Изюмщины» есть ссылка на большое бронзовое зеркало с бронзовой же ручкой, украшенной рядом кружочков⁸, обычные скифского типа точильные брусочки с отверстиями на конце⁹, ранние бронзовые двухлопастные без шипов и трехлопастные с шипами наконечники стрел¹⁰.

Второе заслуживающее внимание поселение (№ 17) расположено на правом высоком берегу р. Береки, в с. Берека, на приусадебном участке колхозника А. Е. Блинова (и рядом). Поселение занимает крутой косогорчик, спускающийся в ложок, по которому протекает ручей, несколько ниже впадающий в р. Береку. Здесь были собраны несколько необычные для всех предшествующих поселений обломки лепной посуды. Основная масса черепков с желтоватой или желтовато-серой поверхностью, в изломе черная, обратная сторона также черная или серая. Встречаются обломки с красной поверхностью. Орнамент небогатый: сплошные зашипы по стенке сосуда (рис. 15—10), резные полосы, косой штамп по венчику, сплошная штриховка (рис. 15—9), горизонтальный валик овальной формы в нижней части

⁸ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. 1. Изюм, 1926, табл. XXVII р. 1а.

⁹ Там же, табл. XXVII, 6—9.

¹⁰ Н. В. Сибилев. Сборы на Петровских песках. — Архив Ин-та археологии АН УССР, оп. № 176.

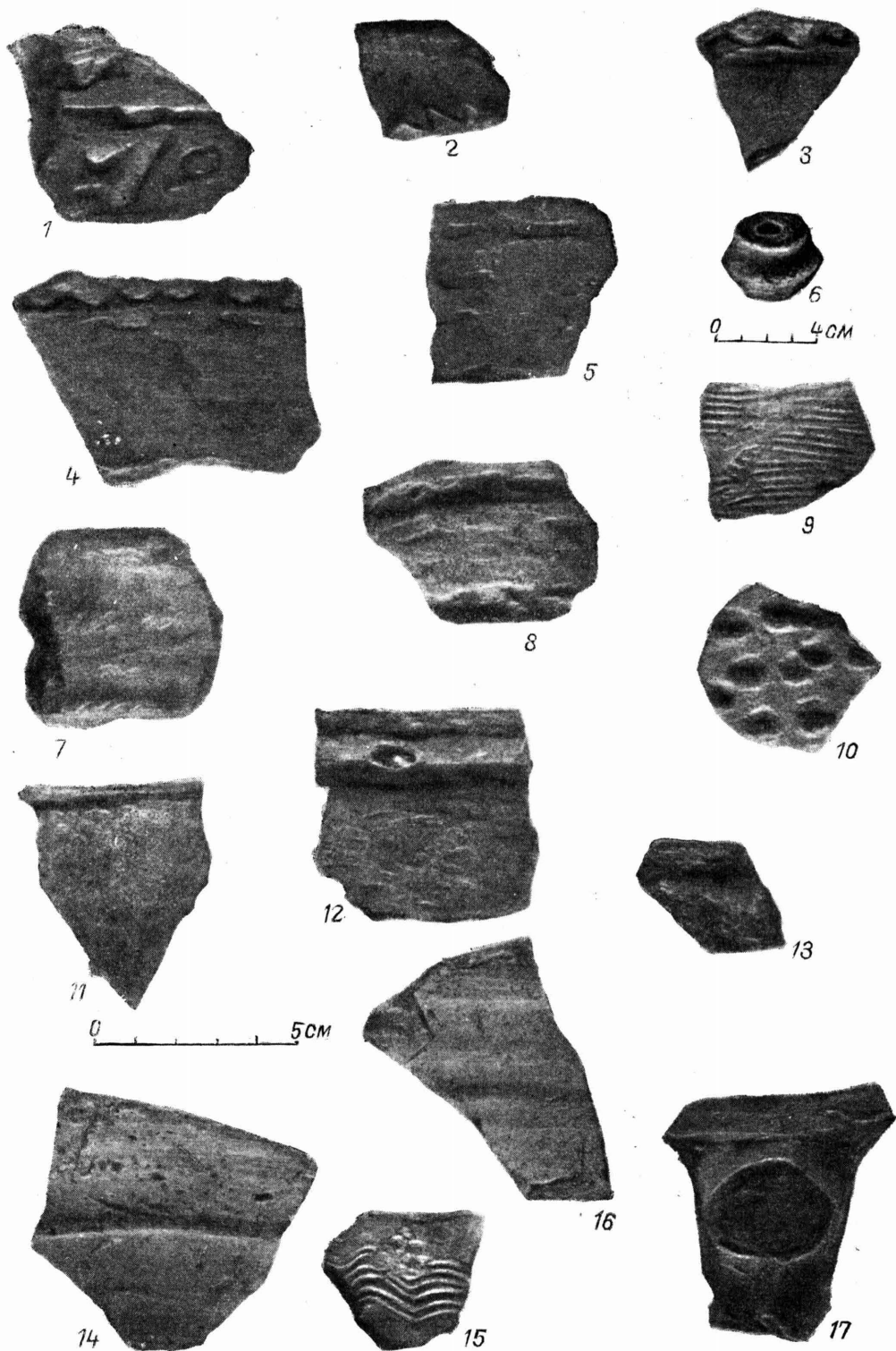

Рис. 15. Керамика с поселений по р. Береке.

1—6 поселение № 1 у с. Петровское; 7—10 — поселение № 17 у с. Береки; 11—13 — поселение № 27 у с. Межебиловка; 14, 15 — поселения № 8 и 9, левый берег, против с. Красный Лиман; 16 — поселение № 14 у с. Береки; 17 — поселение № 15 у с. Береки.

сосуда (рис. 15—8). Форма сосудов главным образом баночная, но есть и другого типа, с выступающим рантиком у дна. Так, например, был реставрирован (по одному обломку) баночный сосудик, высотой до 5—6 см, диаметром около 8 см, с заостренным венчиком. Второй сосуд (два обломка) представляет большую с невысокими стенками сковородку (рис. 15—7), диаметром около 30—31 см, высотой 5,3 см; стенка к венчику сходилась на конус, толщина дна до 1,3 см.

На поселении заложено шурф (2 кв. м), однако до глубины около 0,6 м, кроме нескольких невыразительных обломков керамики и до трех десятков мелких обломков костей животных, ничего не найдено.

Позднее происхождение баночного сосуда и сковороды не вызывает сомнений. К несколько более раннему времени, вероятно, можно отнести черепок с красной поверхностью и защитным орнаментом, свойственным скорее для катакомбной культуры. Однако поселение в целом может быть отнесено к эпохе поздней бронзы.

Поселение (№ 27) у с. Мечебиловка, представляющее определенный интерес, обнаружено на невысоком правом берегу р. Бритаи, на приусадебном участке колхозника А. П. Харченко. Поселение прорезано вдоль современным рвом, в засыпке которого и за его пределами встречается лепная керамика. Отметим фрагменты сосудов с треугольным валиком под венчиком (рис. 15—12, 13) и выступающим несколько наружу, как бы намечающимся валиком на венчике (рис. 15—11). Последний особенно резко заметен на другом обломке (рис. 15—13). Поверхность черепков желтая или иногда черная, на обороте — серая, излом обычно черный. В глиняном тесте некоторых фрагментов заметна примесь шамота. Форма сосудов баночная, изгиб венчика наружу только намечается. Нет еще выразительной шейки, шейка является продолжением стенки сосуда и загнута внутрь. Среди подъемного материала встречен обломок плоской крышки сосуда диаметром до 10 см и толщиной 1,5 см.

Таким образом, и это поселение, вероятно, может быть датировано самым поздним этапом эпохи бронзы, если не предскифским временем.

Все остальные поселения, насколько можно судить по подъемному материалу, не могут быть датированы более поздним временем, чем эпоха поздней бронзы. Некоторые из них близки поселению № 27 (поселения № 26 у с. Екатериновки, № 8 и 9, может быть, № 18 у с. Береки и № 28 у с. Красный Лиман), другие — более раннего времени, т. е. относятся к катакомбной культуре. К последней группе, вероятно, можно отнести поселения № 21 у хут. Федоровки и № 23 у с. Бунаковки. Однако керамика всех поселений обладает одним общим признаком, свойственным глиняной посуде эпохи бронзы, — чистая, мелкозернистая черная глина в изломе черепка и редкое появление (в наиболее поздней керамике) примеси шамота (поселение № 27 у с. Мечебиловка).

Несколько слов о поселениях салтовской культуры. Они встречены в семи пунктах, непосредственно на поселениях эпохи бронзы, главным образом на левом берегу р. Береки: № 8 и 9 на левом берегу, против с. Красный Лиман; три поселения — в районе с. Михайловское — № 13 (левый берег), у хут. Максимовки № 20 (правый берег) и у хут. Федоровки № 21 (левый берег) и два поселения в с. Береке — № 14 и 15 (левый берег).

Материалы салтовской культуры обычно немногочисленны. Это обломки узкогорлых амфор и хозяйственной посуды с зигзагообразным или горизонтальным резным орнаментом (рис. 15—14, 15, 16, 17).

Экспедиция осмотрела, кроме того, пять городищ или, точнее сказать, крепостей, по своему устройству совершенно одинаковых. Все они обычно находятся на самом высоком участке местности. Крепость представляет собой квадрат со сторонами в 90—100 м, ориентированный по странам света, ограниченный валом высотой до 5—7 м, шириной в основании до

25 м и окруженный снаружи широким рвом глубиной иногда до 2 м (с. Петровское). По углам идут мощные бастионы на северо-запад, северо-восток, юго-восток и юго-запад, достигающие длины 40 м от угла валов. В каждой крепости один широкий въезд, обязательно посередине северной стороны, а напротив него, в центре, как правило, огромная яма (возникшая, возможно, в результате взрыва во время оставления крепости). Около крепости у дер. Марьевка сохранился длинный редут в виде рва и вала со стороны поймы.

Эти крепости составляли мощную оборонительную систему русского государства XVIII в. по линии рек Береки и Оскола. Основная часть их расположена на левом берегу р. Береки (с. Петровское, дер. Марьевка, хут. Лозовенька, с. Михайловское). На правый берег реки они переходят у с. Алексеевское, в верховьях р. Береки.

На карте Д. И. Багалея по р. Береке зафиксирована только одна такая крепость у с. Петровского, все остальные не отмечены. У с. Великой Камышевахы Д. И. Багалея указывает еще одну крепость, которую нам посетить не удалось. Вполне возможно, что это такой же майдан, как и майдан-«крепость», помеченный на карте Д. И. Багалея к северу от с. Петровское.

В результате разведок экспедиция установила отсутствие сколько-нибудь заметных признаков поселений и тем более городищ скифского времени. Если в эпоху даже поздней бронзы на р. Береке жили племена с довольно густо расположенными поселениями (что может свидетельствовать об оседлом образе их жизни), то в эпоху раннего железа, когда кочевой образ жизни населения в степях Украины принял широкие размеры, отсутствие поселений показывает, что р. Берека в это время была пограничной зоной между племенами степи — кочевыми и лесостепи — оседлыми. Однако спорадическое появление скифских кочевых племен на р. Береке не исключено, а потому при постановке серьезных раскопок на отдельных поселениях могут быть найдены небольшие остатки материальной культуры скифских кочевых племен. Это в некоторой степени уже подтверждается исследованиями на р. Осколе в 1955—1956 гг., наличием подъемного материала на песках у с. Петровское и, по-видимому, отдельных редких погребений в курганах эпохи бронзы на р. Береке.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА
В 1954 ГОДУ

В 1954 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР, совместно с Московским гос. университетом и при участии Новороссийского музея краеведения производились раскопки Раевского городища¹.

Городище расположено к северу от станицы Раевской на довольно высоком ровном плато, имеющем небольшой наклон с северо-востока на юго-запад, к югу от р. Маскага. Очертания городища, обрамленного валообразной насыпью, близки параллелограмму, вытянутому с юга на север (рис. 16). Длина его в среднем 220 м, ширина 180 м. (Если включить и валообразную насыпь, то эти цифры возрастут на 15—20 м.) Площадь городища внутри вала около 4 га. Его окружала оборонительная стена², разобранный в 30-х годах текущего столетия. Валообразная насыпь и склоны холма городища сильно заросли деревьями и кустарником. В северной части западной стороны был расположен въезд — отлогий пандус, который, постепенно повышаясь, тянулся с юга на север, входя в городище около северо-западного угла. Примерно посередине южной стороны в новое время сооружен еще въезд, для чего была прокопана насыпь и прорублена просека в зарослях по склону холма. Вся площадь городища в течение многих лет распахивалась глубокой вспашкой.

Съемка показала значительную неточность старого плана³. Для установления характера культурных напластований и оборонительных сооружений произведены раскопки в семи пунктах, общей площадью 240 кв. м. На отсеке I (4 × 4 м) — в юго-восточном углу раскоп был доведен до материковой скалы на глубине 0,52—1,29 м.

Исследование показало глубокую перекопку: следы поздних повреждений наблюдались на глубине до 0,4 м, а средневековых — до 0,64 м. Ниже залегал плотный серовато-коричеватый суглинок, по-видимому, не потревоженный с позднеантичного времени. Там обнаружены сравнительно немногочисленные находки, по преимуществу римского и отчасти эллинистического времени: черепки остродонных амфор, пифоса, соленов, осколок нижней части массивного стакана из прозрачного зеленоватого стекла с рельефным орнаментом в виде ов и обломки жернова из твердого камня зеленоватого цвета.

¹ Начальником отряда был В. Д. Блаватский, его заместителем — Т. В. Блаватская, старшими на отсеках — Н. А. Онайко, Т. Б. Тишкова, Г. А. Кошеленко, Г. В. Черемушкин и Н. А. Гутцов.

² См. о ней: В. Сизов, Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. — МАК, вып. II. М., 1889, стр. 112.

³ В. Сизов, Указ. соч., табл. XXV, рис. 2.

Выше залегал пласт (толщиной в среднем 0,23 м) гумированного суглинка сероватого цвета с большой примесью щебня. Находок здесь было больше, относятся они к античному и средневековому времени. Это — черепки амфор, в том числе реберчатых, лепных из глины черного и коричневого цвета, с примесью толченой ракушки и мелкой гальки, а также кусок боспорского солена.

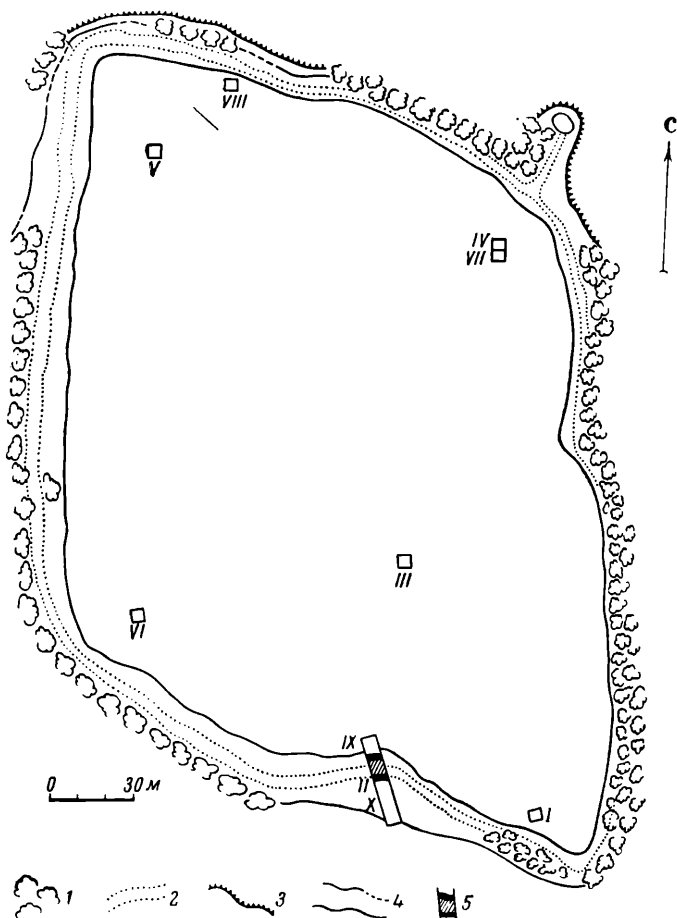

Рис. 16. План Раевского городища.

I—X — раскопанные отсеки; 1 — заросли; 2 — каналы; 3 — обрыв над рекой Маскага; 4 — границы валообразной насыпи; 5 — развал стеной.

Наконец, выше лежал пласт (толщиной 0,29—0,4 м) перепаханного гумуса с примесью щебня, заключавший сравнительно немногочисленные находки античного и средневекового времени и современные предметы. Там обнаружены черепки амфор, в том числе реберчатых и рифленых, обломки посуды из оранжево-коричневой глины с красными полосами и фрагмент боспорского солена.

В северо-восточном углу городища разбит раскоп площадью 32 кв. м (отсеки IV и VII). На IV отсеке раскоп доведен до материковой скалы или лежащей на ней глины, обнаруженных на глубине 1,26—1,55 м. Нижнее напластование (толщиной 0,11—0,20 м) состояло из беловатой глины, в которой встречались немногочисленные находки — обломки остродонных

амфор, черепок лепного сосуда, фрагмент сосуда с полосой коричневого лака и часть бортика очага из глины с примесью рубленой соломы.

Выше, на глубине от 1,15—1,35 м до 1,03—1,26 м, обнаружены развалы каких-то сооружений из плитового камня. На том же уровне обнаружены куски сырцово обожженной посуды, подвергшейся действию огня, вероятно остатки печей или очагов.

Еще выше лежал пласт гумированного суглинка (толщиной 0,4 м), заключавший обломки остродонных амфор, в том числе первых веков нашей эры, сероглиняной и лепной посуды, фрагмент боспорского сосуда с росписью белой краской по красной облицовке⁴ и кусок нижнего жернова (рис. 17—7).

Выше залегал античный слой толщиной 0,6—0,8 м, перекопанный в средневековое время; он состоял из гумированного суглинка, в котором обнаружено много черепков остродонных амфор, в том числе римского времени, реберчатых и рифленых, обломков лепной посуды и среди них с украшениями в виде налепов, фрагменты простых тонкостенных сосудов, чернолаковой посуды из серой глины, краснолаковый и фрагментированный простой канфар из светлой желто-оранжеватой горгиппийской глины (рис. 17—2); форма канфара близка по типу сосудам, обнаруженным в прошлом столетии В. Сизовым⁵. Кроме того, найдены куски черепицы, в том числе горгиппийской, глиняное пряслице в виде сильно приплюснутого конуса, черепки большого средневекового широкогорлого сосуда, украшенного волнистым орнаментом, кости домашних животных, в том числе мелкого рогатого скота и свиньи.

Выше лежал пласт гумуса толщиной 0,14—0,15 м, заключавший обломки остродонных амфор, ручку косской амфоры эллинистического времени и куски современных железных изделий.

Довольно близкая картина наблюдалась и на соседнем отсеке VII. Там античные напластования также были повреждены в средневековое время. Общий состав находок такой же, как и на отсеке IV, только число их больше. Раскоп доведен до материковой глины или скалы, обнаруженной на глубине 1,95 м.

Среди находок отметим черепки лепной черноглиняной посуды, украшенной волнистым орнаментом, несколько черепков с красной облицовкой, горло глиняного сосуда с сеткой для процеживания (рис. 17—1), глиняное пряслице биконической формы, два пирамидальных грузила из светло-желтой слабо обожженной глины (рис. 17—6), обломок солена, части обожженного сырцового очага толщиной 0,035 и 0,06 м, обломок оселка, кусок розоватого гранита, возможно, от зернотерки, кусок железного шлака и кости животных.

В северо-западном углу городища было разбито два отсека — V и VIII.

На отсеке V встречены маловыразительные находки. Материк — беловатая глина — обнаружен на глубине 1,19—1,22 м. Выше, до горизонта 0,67—0,72 м, залегал пласт сероватого, местами немного гумированного суглинка, заключавшего обломки остродонных амфор, простой тонкостенной, сероглиняной и лепной посуды, фрагменты венчика широкогорлого сосуда, кости животных, в том числе козы и свиньи.

В верхней части напластования обнаружены развалы рваных плитняковых камней средних и мелких размеров, возможно остатки цоколей стен. Глубина залегания их от 0,61—0,81 м до 0,68—0,9 м.

Выше лежал пласт гумированного суглинка (толщиной около 0,35 м). В нем найдены черепки остродонных амфор, лепной посуды, фрагменты

⁴ Ср. В. Д. Блаватский. История античной росписной керамики. М., 1953, стр. 283.

⁵ В. Сизов. Указ. соч., стр. 122, рис. 32.

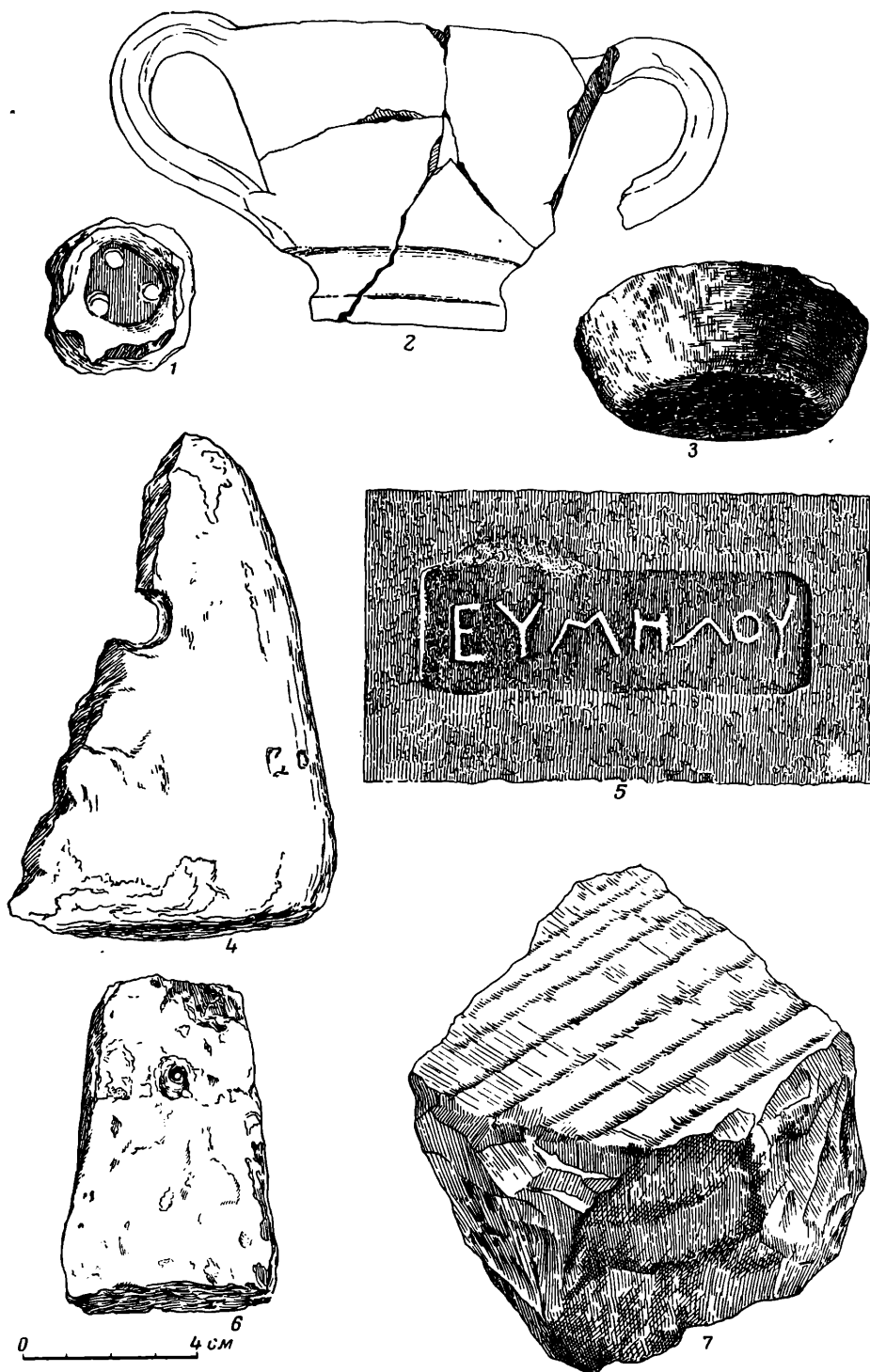

Рис. 17. Раевское городище. Глиняные и каменные изделия.

1 — горло глиняного сосуда с сеткой для процеживания; 2 — канфар из горгиппийской глинны; 3 — керамическая пробка; 4 — конусовидное глиняное грузило из слабо обожженной желтовато-серой глинны; 5 — клеймо на горгиппийском солесе; 6 — грузило из слабо обожженной светло-желтой глинны; 7 — кусок нижнего жернова.

краснолаковых и чернолаковых (сероглиняных) сосудов, округлое пряслице, небольшой обломок костяного гребня и кости животных.

Еще выше залегал слой гумуса, толщиной 0,32—0,35 м, в котором встречены черепки остродонных амфор, в том числе — реберчатых и рифленых, сероглиняной и лепной посуды и сосуда с красной облицовкой.

На отсеке VIII вскрыты напластования с маловыразительными находками. Однако достойно внимания, что нижний пласт здесь относится примерно к III—II вв. до н. э.; он лежал на материке, обнаруженном на глубине 1,12—1,3 м, и состоял в нижней части из беловатой или коричневой глины и суглинка, общей толщиной около 0,5 м. В них найдены обломки остродонных амфор, в том числе эллинистического времени, тонкостенной и лепной посуды; среди последних — черепок сосуда, разбившегося по шву «ленты»; кости животных, в том числе — лошади. В верхней части описанного напластования, на глубине 0,70—0,82 м обнаружена группа рваных камней. Выше лежал пласт гумированного суглинка, около 0,6 м толщиной. В суглинке найдены обломки остродонных амфор, черепки тонкостенной глиняной посуды, лепной из коричневой глины. Отметим фрагмент блюда для рыбы, сделанного из горгиппийской глины, ручки сероглиняного лощеного кувшина, чернолакового реберчатого сосуда III в. до н. э., дна стеклянного балъзамария римского времени, куски черепиц и кости животных, в том числе крупного рогатого скота.

Выше лежал пласт гумуса 0,15—0,21 м толщиной.

Отсек VI был разбит в юго-западном углу городища. Раскоп доведен до материка — беловатой глины, обнаруженной на глубине 1,2—1,35 м. Выяснено, что напластования перекопаны до самого материка еще в позднеантичное время; в верхнем пласте встречались находки средневекового периода.

Над материком залежала коричневатая глина белоглазка (толщина пласта 0,45 м), заключавшая малочисленные находки, датируемые от конца IV в. до н. э. до позднеантичного времени: черепки остродонных амфор, в том числе реберчатых, лепной посуды из коричневой глины, чернолакового сосуда из серой глины и кусок горгиппийского солена. На глубине 0,70—0,99 м обнаружено небольшое скопление камней.

Над пластом глины белоглазки залегал гумированный суглинок, а над ним — гумус 0,32—0,36 м толщиной. В суглинке встречены черепки остродонных амфор, простой тонкостенной посуды, лепных сосудов, керамическая пробка (рис. 17—3), пряслице округлой формы, куски соленов, один из них горгиппийский с клеймом боспорского царя Евмела — ΕΥΜΗΛΟΥ (рис. 17—5), а также кости мелкого рогатого скота. Среди находок в гумусе отметим железный черешковый наконечник стрелы с широким плоским листовидным острием около 0,11 м длиной.

Отсек III был разбит в центральной части городища, к юго-востоку от его середины. Раскоп доведен до материковой скалы на глубине 1,28—1,41 м. Над скалой лежал пласт белесой глины, около 0,14 м толщиной, в котором найден только один обломок лепного сосуда из черной глины.

Выше залегал слой позднеантичного времени, в основном состоявший из светлого суглинка. Толщина этого слоя в среднем около 0,6 м. В нем найдены черепки остродонных амфор, в том числе реберчатых, обломки посуды сероглиняной, из коричневой глины, а также лепной, куски черепиц, фрагментированное, плохо обожженное глиняное грузило, конусовидное, с одним отверстием для подвешивания (рис. 17—4), галька величиной с куриное яйцо, возможно, служившая метательным камнем для пращи, и кости животных.

Выше лежал пласт гумированного суглинка (0,3 м), который был перекрыт слоем гумуса (0,3 м). В суглинке обнаружены находки, относящиеся к античному и средневековому времени: черепки остродонных амфор, в том

числе реберчатых, лепной посуды, стенки красноглиняного сосуда с нанесенным гребенкой волнистым орнаментом, куски черепицы из оранжевой глины, узкий железный наконечник стрелы (черешковый), 0,086 м длиной (рис. 18—1).

Примерно по середине южной стороны городища окружающая его валообразная насыпь была прорезана новой дорогой. Здесь был разбит раскоп площадью 112 кв. м. Средняя часть его перекрывала насыпь, южная выходила за пределы городища, а северная включала небольшой участок на его окраине.

Под довольно тонким пластом гумуса обнаружена каменная насыпь, шириной около 7,5 м (по профилю — 8,35 м), состоявшая из плитняковых и отчасти известняковых камней средних и мелких, хотя встречались и крупные камни. Между камнями лежал гумированный суглинок. В средней части насыпь была нарушена канавой, прорезавшей ее до основания, а затем сильно заплывшей. Наибольшая толщина насыпи отмечена в северной части; там подошва ее лежала на глубине 1,9 м от нынешней дневной поверхности, а покрывавший гумусный слой достигал 0,2 м. В южной части насыпь оползала более интенсивно (в канаву и вниз по склону холма) и толщина ее меньше: подошва лежит на глубине не более 1,55 м при толщине гумусного слоя до 0,1 м.

Насыпь обрамлена рядами довольно больших блоков из плитняка или песчаника, образующих своего рода панцири, каждый около 0,8 м шириной. Внутри «панцирей» развал рваного камня. По внешнему виду насыпь несколько напоминает вал. Однако более вероятно, что это развал бута, образовавшегося в результате выборки стены и перемешавшегося с землей.

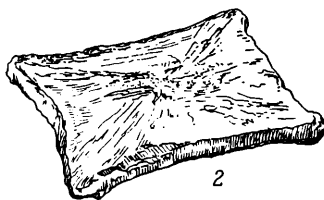
К «панцирю» внутренней стороны насыпи примыкали остатки вымостки из больших песчаниковых плит, лежащих на подстиле из рваного камня. Глубина поверхности плит 1,03 м, подошвы — 1,35 м. В длину с востока на запад они тянулись на 1,5 м, в ширину — на 0,6 м.

Вымостку, вероятно, следует считать остатками стратегической дороги, проходившей вдоль внутренней стороны оборонительной линии городища (рис. 19).

Ниже вымостки лежал глинистый пласт толщиной 0,24 м, заключавший малочисленные черепки остродонных амфор, сероглиняной посуды, лепных сосудов из черной глины и кусок керамического шлака. Еще ниже — лежал на материке пласт глины 0,26 м толщиной, заключавший несколько обломков остродонных амфор I—II вв. н. э. и кусок черепицы.

Над остатками вымостки вскрыт слой, датируемый позднеантичным временем. Там, в гумированном суглинке, найдены черепки амфор III—I вв. до н. э. и первых веков н. э., амфор с рифлеными стенками, обломки простых тонкостенных сосудов, лепных и сероглиняных, фрагмент венца пифоса, обломки солонев из оранжеватой глины, кусок керамического шлака, а также железный гвоздь.

В южной части раскопа, под гумусным пластом (0,2—0,5 м), залегал покоящийся на материке довольно мощный слой гумированного суглинка,

0 4 см

Рис. 18. Раевское городище. Железный черешковый наконечник стрелы из отсека III (1) и свинцовая гира из отсека II (2).

Рис. 19. Остатки стратегической дороги вдоль южного края Раевского городища.

насыщенный рваным камнем. Слой этот, толщиной 0,32—1,4 м, делился на три горизонта. В нижнем (толщиной 0,9 м) — обнаружены обломки остродонных амфор, в том числе синопских, лепных черноглиняных сосудов, фрагменты рыбного блюда со следами ремонта, куски черепицы, в том числе горгиппийской, а также козий рог со следами отпила.

Средний горизонт (толщиной 0,1—0,04 м) заключал россыпь камней (в которую постепенно переходила каменная насыпь развала стены). Камни лежали беспорядочно. Среди них встречались черепки остродонных амфор эллинистического времени (отметим клейменую ручку родосской амфоры), фрагменты посуды простой тонкостенной и лепной из черной глины, куски черепицы, в том числе горгиппийской, и кости животных.

В верхнем горизонте (толщиной 0,1—0,2 м) обнаружено несколько обломков остродонных амфор, в том числе двуствольной ручки косской амфоры с плохо оттиснутым клеймом ...EΟΥ.

У восточного края раскопа, на глубине 0,8—1,09 м, обнаружен костяк большой собаки, очевидно, зарытой в IV в. н. э. С костяком лежал сброс черепков остродонных амфор, простых и лепных сосудов, осколок прозрачного стекла и два краснолаковых фрагмента. Один — часть края блюда с отогнутым наружу бортиком; по бортику нанесен волнообразный рифленый орнамент; глина тонкая, розоватая, по-видимому горгиппийская. Аналогичное большое краснолаковое блюдо найдено в одной из фанагорийских могил IV в. н. э.⁶ Другой обломок — также край блюда, с довольно круто поднимающимися вверх чуть выпуклыми боковыми стенками; он напоминает форму другого, сравнительно небольшого блюда из той же фанагорийской могилы.

⁶ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. — Труды ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 44 и сл., табл. IX, рис. 3.

Отметим главнейшие находки в верхнем гумусном пласте. Там обнаружены обломок тонкостенной миски, покрытой красной обмазкой, куски черепицы из светло-коричневой и оранжеватой глины, свинцовая гири (рис. 18—2) в виде тонкой пластины почти квадратной формы, приблизительно $0,045 \times 0,045$ м, весом 50,3 г (вероятно, $\frac{1}{8}$ пантикапейской мины⁷), часть каменного желоба, может быть водостока, и кусок железного шлака.

Датировка оборонительных сооружений городища сопряжена с немалыми трудностями. Доступные нам данные стратиграфии недостаточны. Естественно предположить, что укрепления возникли при основании поселения, ибо иначе не было бы смысла селиться на таком высоком, труднодоступном месте, сравнительно отдаленном от речки.

Разбор части каменной насыпи дал следующие находки: обломки остродонных амфор, среди которых были черепок с просверленным отверстием для ремонта и двустольная ручка косской амфоры, черепки простой тонкостенной посуды, в том числе миски, лепных сосудов (из коричневой, черной и красноватой глины), сероглиняных, фрагменты черепицы, в том числе горгиппийской, куски керамического и железного шлака, кости домашних животных, в том числе мелкого рогатого скота и свиньи. Однако эти находки не решают вопроса о времени возникновения укреплений. Насыпь, вероятно, представляет не остатки вала, а возникла в результате выборки камня из стены, поэтому черепки, возможно, попали туда в недавнее время.

Что же касается мостовой стратегической дороги, то она не может быть отнесена ко времени раньше I—II вв. н. э.

Учитывая изложенное, можно наметить следующий вывод: оборонительные сооружения городища, возникшие одновременно с основанием поселения в конце IV—начале III в. до н. э., очевидно, подвергались капитальным перестройкам в последующее время — в первых веках н. э.

Раскопки 1954 г. показали, что культурные напластования Раевского городища сильно повреждены перекопкой в средневековое и новое время. Особенно большой ущерб принесла выборка камня из оборонительных сооружений. Судя по полученным данным, поселение существовало, вероятно, с конца IV в. до н. э. (находка клейменной черепицы боспорского царя Евмела⁸). С этого времени жизнь на нем, по-видимому, продолжалась в течение античной эпохи и отчасти средневекового периода.

Стены построек сооружались из плитового камня; печи или очаги в них были из светлой беловатой глины, а крыши покрывались черепицей (пантикапейской и горгиппийской).

Ряд находок позволяет характеризовать хозяйство обитателей Раевского городища. О земледелии или, точнее, мукомольном деле свидетельствуют обломки жерновов ручных мельниц, о скотоводстве — кости крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей. О наличии гончарного и кузнечного ремесла можно говорить судя по кускам железного и керамического шлака, о косторезном деле — по обломку отпиленного рога козы, а по находкам пряслиц и слабо обожженных глиняных грузил — о наличии ткацкого дела.

⁷ Вес пантикапейской мины составлял примерно 409,5 г (В. Д. Блаватский. О пантикапейской весовой системе. — СА, XXIII, 1955, стр. 201 и сл.).

⁸ Следует обратить внимание на то, что возникновение Раевского городища (вероятно, укрепленного поселения на окраине Боспорского государства) связано со временем правления Евмела. Это явление можно поставить в связь со свидетельством Диодора (Diod. XX, 25) о том, что Евмел предоставил тысяче каллатийцев город и область для поселения. Мы далеки от мысли о возможности отождествления Раевского городища с этим городом. Однако основание Евмелом обоих этих поселений, вероятно, является частью единого плана по укреплению границ Боспорского государства.

Обломки посуды, главным образом тары, выявляют торговые связи с боспорскими городами, особенно Горгиппией и Пантикапеем, а через их посредство — с Синопой, Косом, Родосом и другими эгейскими центрами. Вероятно, с мелочной торговлей в поселении связана находка свинцовой гири. Характер находок свидетельствует о довольно скромном достатке населения. Художественной посуды не было найдено, черепки чернолаковой, краснолаковой и стеклянной встречались в малом количестве. Керамика античного типа явно преобладает над местной.

Городище, расположенное в труднодоступной местности, было укреплено каменной стеной, вдоль которой с внутренней стороны проходила мощеная стратегическая дорога.

В заключение отметим, что установить древнее название Раевского городища, как и других боспорских поселений, расположенных в глубине страны, весьма трудно. Очень заманчиво идентифицировать его с одним из поселений, упоминаемых Птоломеем⁹, однако мы не имеем достаточных оснований для этого.

В том же 1954 г. экспедицией была произведена рекогносцировка в районе Широкой балки, под Новороссийском. Примерно на расстоянии 1 км от устья р. Чухобль, по ее правому берегу, начинаются запущенные виноградники, которые тянутся вдоль реки. За виноградниками — небольшое поле. В более отдаленной от моря части этого поля найдены обломки горла и ручки остродонных амфор эллинистического времени.

⁹ Cl. Ptol., V, 8.8.

Н. А. ОНАЙКО

РАСКОПКИ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА
В 1955—1956 ГОДАХ

В 1955—1956 гг. продолжались возобновленные В. Д. Блаватским раскопки на Раевском городище¹. Для исследования валообразной насыпи, окружающей городище, в юго-западном углу его был разбит раскоп площадью около 130 кв. м².

Раскопки показали, что здесь, на глубине до 3 м, залегал слой, датированный концом IV—III в. до н. э. и состоящий из суглинки с большим количеством глины белоглазки (мощностью от 0,4 до 1,2 м). В этом слое частично выявлено каменное здание, довольно точно ориентированное по странам света; вскрытая часть его (рис. 20—1) — прямоугольной формы (длина — 11,30 м, ширина — 5,15—7 м). Стены основного помещения *a* достигают толщины 1,2 м. Они, как и стены помещения *b*, сложены (на глинистом растворе) из средних и малых камней (песчаник, мергель, иногда известняк), между которыми встречается мелкий бутовый камень, служивший главным образом для забутовки внутренней части стен. Однако строгого разграничения панциря от внутренней забутовки не наблюдалось. Нижние ряды стен состоят из камней более крупного размера. Особенно большие блоки, длиной до 1,8 м, отмечены в восточной (12) и южной (11) стенах, а также на углах здания (рис. 20). Для кладок применялся рваный и грубо отесанный камень. В стене (11) обнаружен небольшой рустованный квадрат известняка.

Стены здания поставлены непосредственно на материковую скалу, реже — на материковую глину. В некоторых местах при закладке стен скала подтесывалась, и тогда первый ряд камней впускался в материк приблизительно на 0,1 м³. В высоту стены сохранились до 1,6 м. Разрушенной оказалась восточная половина северной (13) стены. Здесь зафиксирован завал камней; в нем найден венчик синопской амфоры III—II вв. до н. э. На южной стороне южной стены (11) сохранились остатки штукатурки, однослойной, с шероховатой поверхностью и без росписи.

Помещение *a* занимает площадь 21 кв. м. Внутри него, на материковой глине встречено небольшое количество галек, — вероятно, остатки пола. Здесь же, у южной стены (11), на глубине 1,8—2 м отмечены следы

¹ См. статью В. Д. Блаватского в настоящем выпуске КСИИМК.

² Работы производились на средства ИИМК АН СССР и Новороссийского краеведческого музея под руководством автора, при участии сотрудника музея Т. Б. Тишковой.

³ О глубине залегания подошв и верхних горизонтов стен можно судить по пунктирам, показывающим линию рельефа современной поверхности.

разрушенного очага. Это — обломки обмазки толщиной около 0,08 м, мелкие камни неправильной формы и кусочки угля; среди них — плохо сохранившаяся железная пластинка.

В помещении *а* было, очевидно, четыре входа. В северной и южной стенах проемы сравнительно широкие (около 2 м), расположенные друг против друга (рис. 20—*I*). Проход в восточной стене у юго-восточного угла помещения (12) был шириной около 1 м. В нем сохранился порог высотой до 0,4 м. Четвертый вход, как мы предполагаем, находился в западной стене (7) и был расположен симметрично проему в восточной, соединяя помещение *а* с комнатой *б*. Этот вход впоследствии заложено; уцелели только остатки заклада (рис. 20—*IV*).

Основанием для предположения о когда-то существовавшем здесь проеме послужили следующие данные. Южный конец западной стены (7) не сложен впереплет с южной (11), что наблюдается в остальных углах помещения. В кладке этой части стены, приблизительно на расстоянии 1 м от угла, замечен шов, отсутствуют горизонтальные постели, которые, хотя и небрежно, но соблюдались в других стенах. Ширина стены (7) в этом месте уже на 0,15 м, по сравнению с шириной той же стены в остальной ее части. Кроме того, на интересующем нас отрезке нет штукатурки, в то время как остальная часть стены ею покрыта. Очевидно, западная стена (7) была покрыта штукатуркой в длину на 3,6 м, т. е. до входа. Это подтверждает и направление штукатурки, которая у проема шла на срез.

В помещении *б* такой же штукатуркой были покрыты и сохранившиеся отрезки двух других стен. Штукатурка здесь двуслойная, расписная. Роспись состоит из вертикальных чередующихся полос, причем каждая включает три узких линии, нанесенных красной краской. Полосы шириной около 0,05 м расположены друг от друга примерно на расстоянии 0,7 м. При зачистке штукатурки краска сильно бледнела, а иногда и совсем исчезала. Но в тех местах, где она была, хорошо видны борозды инструмента или веревочки, по которым накладывалась краска. Возможно, такие же широкие полосы шли и в горизонтальном направлении стен. Здание имело, вероятно, и архитектурные украшения, так как в обломках свалившейся штукатурки найдена часть гипсового рельефа — пальметы. Необходимо отметить, что высота расписной штукатурки в некоторых местах больше, чем высота дошедших до нас ее стен. Она сохранилась в грунте после того, как был выбран камень из стен. Поэтому, заметив это обстоятельство, мы стремились сохранить штукатурку *in situ*. Особенно сложно в этом отношении проходила фиксация ее на западной стене (7), где она выступала почти на 0,6 м выше уцелевшей кладки.

На южной и северной стенах помещения *б* штукатурка достигает в высоту 0,45 м (рис. 20—*IV*). От этих стен сохранились лишь нижние ряды камней; их длина — 2,2 м, ширина — 0,9 м, высота — до 0,3 м. Стены сложены впереплет со стенами помещения *а* и как бы служат их продолжением (рис. 20—*I*). Пол помещения *б* уложен вымосткою из мелкого ракушечника, выявленной на глубине 1,5 м; площадь ее 5,2 × 2,2 м. В юго-восточном углу вымостка повреждена (рис. 21—2). Возможно, разрушение ее на этом участке было связано с закладкой когда-то существовавшего здесь проема. Западный край вымостки, как и края северной и южной стен, обрывается. Вымостка лежит на материковой глине, на 0,3 м выше уровня подошвы нижнего ряда кладки стены (7) и на 0,1 м ниже подошвы камней северной и южной стен помещения *б*.

К юго-восточному углу здания примыкает стена (10), идущая от северного борта раскопа, которая сложена впереплет со стенами помещения *а* и одновременна им (рис. 20—*I*). Она открыта в длину на 1,1 м; ее ширина 0,8 м, высота до 0,8 м. К этому же углу с востока примыкает

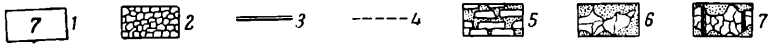
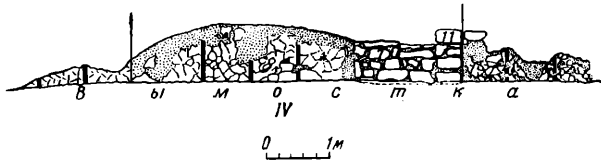
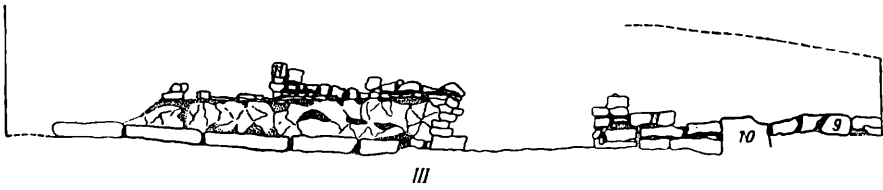
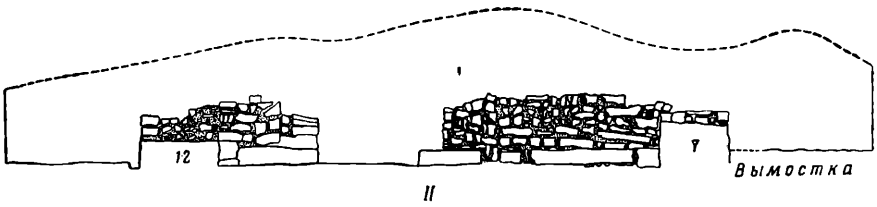
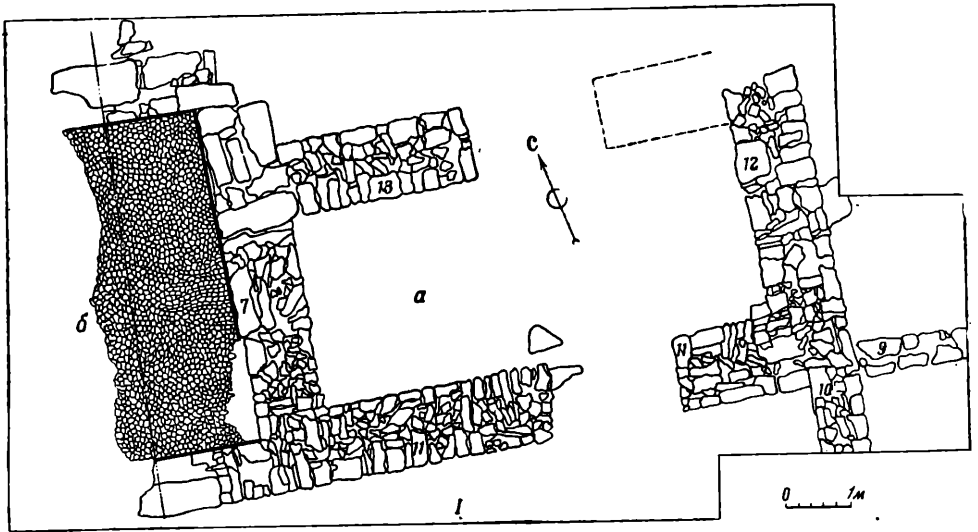

Рис. 20. Раевское городище. План и разрезы раскопов 1955—1956 гг.

I — план раскопок; *II* — северный фас стены № 11; *III* — южный фас стен № 11 и 9; *IV* — разворот стен помещения б. Условные обозначения: 1 — кладка стен и их номер; 2 — вымостка; 3 — остатки расписной штукатурки на стенах помещения б; 4 — несохранившаяся часть северной стены № 13 помещения а; 5 — каменная кладка на глиняном растворе; 6 — остатки штукатурки на стенах; 7 — остатки расписной штукатурки на стенах помещения б; а, б — помещения.

еще одна стена второго строительного периода (9), как и предыдущие, сложенная на скале, сильно возвышающейся в этом месте. Длина стены (9) достигает 2 м, ширина — 0,5 м, высота — 0,2—0,4 м, глубина залегания подошвы кладки — 1,2—1,4 м. Сверху, на одном из камней, сохранились следы глиняной обмазки. Между стенами (10 и 9), примыкающими к углу здания, прослежена на глубине 1 м обмазка пола площадью 0,8 × 0,8 м.

Кроме уже упомянутых находок, выявленных в слое IV—III вв. до н. э., отметим следующие. Внутри помещений найдено большое количество горгиппийской черепицы, в том числе с клеймом ΕΥΜΗΛΟΥ. Сравнительно немногочисленны обломки амфор, простой столовой посуды и лепных горшков; среди них есть дно горгиппийской амфоры IV—III вв. до н. э.⁴, несколько обломков синопских и гераклеийских амфор эллинистического времени, родосских кувшинов, единичные фрагменты чернолаковых канфаров IV—III вв. до н. э. Из металлических предметов упомянем обломок ножа и небольшой кусок шлака. Остеологический материал⁵ представлен костями крупного (корова) и мелкого (овца) рогатого скота, свиньи, курицы и рыбы (чешуя осетра)⁶.

Над слоем IV—III вв. до н. э. лежал сильно перекопанный пласт последующего периода существования городища. Это гумированный мусорный суглинок, содержащий завалы камней и большое количество бутового камня — остатков разобранный крепостной стены.

Петрунутый, сравнительно хорошо сохранившийся слой эллинистическо-римского времени зафиксирован на небольшой площади XII, XIII и XX отсеков, под строительными остатками какого-то более позднего каменного сооружения, обнаруженными над помещением а, ближе к его северной стене (11). Уцелели два ряда грубо отесанных небольших камней (розовый песчаник), образующих угол. Длина западного ряда 6,25 м, северного — 3,1 м, высота — до 0,25 м. Глубина залегания подошвы кладок — 0,6—1,1 м. Камни сложены насухо и часто неплотно друг к другу. В некоторых местах на кладке, а также внутри помещения на одном уровне лежали плоские плиты плитняка и серого песчаника средних размеров. На кладке № 1 найдены две монеты конца II—I в. до н. э.⁷ (рис. 22—1, 2).

На расстоянии 2,5 м от северо-западного угла помещения, у северной его стены, выявлены остатки разрушенного очага (глубина залегания 0,90—1,25 м). К ним относились мелкие камни и часть обмазки пода. На обмазке были заметны следы беловатой золы и угля; здесь же лежали обожженные камни и обломки сосудов, известных для позднеэллинистического и римского времени. Позднеэллинистический слой, достигавший толщины до 0,8 м, содержал и другие находки: железные четырехгранные, загнутые посередине под прямым углом гвозди (рис. 23—2), обломки черепицы, небольшое количество стенок амфор, простой посуды и один венчик чернолаковой миски II в. до н. э. Особо следует отметить фрагменты мисок с темно-красной густой обмазкой. Это керамика местного производства. Она встречается в слоях поселения чаще, чем привозная греческая.

Выше, над строительными остатками, открыта кладка (6). Глубина залегания 0,4—0,7 м, площадь 2,2 × 1 м. Состоит она из ряда крупных и средних блоков (песчаник) и небольшого количества мелких камней между ними. В прослойке грунта, отделявшей нижележащие кладки № 1 и 4,

⁴ См. материалы раскопок Анапы в 1949 г. В. Д. Блаватским. — Фонды ГМИИ.

⁵ Определен В. И. Цалкиным.

⁶ В. Д. Лебедев и Ю. Э. Лапин. О рыболовстве в Боспорском царстве. — МИА, № 33, стр. 199, табл. 1, 1.

⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. XI, III, 20, 23.

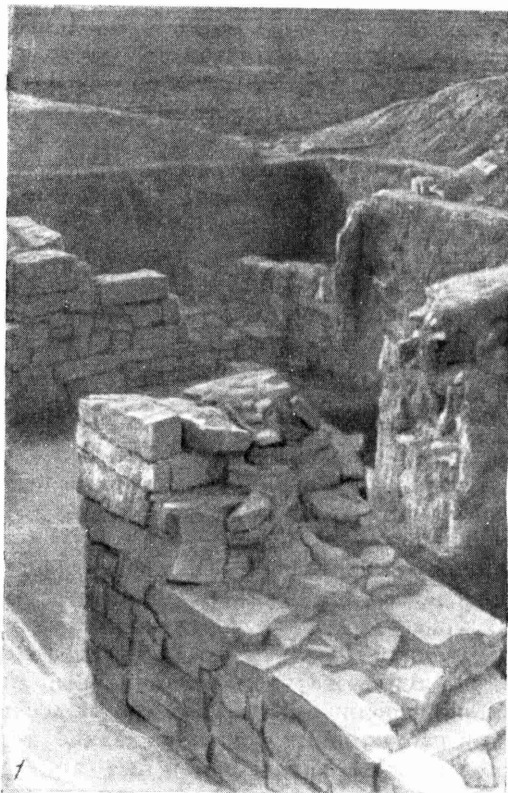

Рис. 21. Раевское городище. Помещения, вскрытые в 1955—1956 гг.
1 — помещение а, вид с северо-запада; 2 — юго-западный угол
помещения б.

вещей не обнаружено. Возможно, кладка № 6 принадлежит сооружению, воздвигнутому вскоре после гибели нижележащего здания в I в. до н. э. или на рубеже н. э. Вероятно, это и была та крепостная стена, которую видел В. Сизов⁸. На это указывают большие блоки (0,3 × 0,5 × 0,85 м), размеры и направление кладки. Она находится почти в центре валообразной насыпи и должна была достигать в ширину более 2 м, что не противоречит нашим представлениям о крепостных сооружениях поселений античного времени.

Таким образом, по стратиграфии рассматриваемого участка раскопа прослеживается существование городища непрерывно с конца IV в. до н. э. до I в. н. э.

Сильно перекопанные слои, относящиеся к первым векам нашей эры, достигали толщины 1,2 м (отсеки XI—XIV) и содержали материал, в котором встречались находки и более раннего времени. Это куски металлического шлака, черепицы, обломки амфор (хиосских, типа «Солоха I», косских, синопских, светлоглиняных I в. до н. э.—I в. н. э., реберчатых), простых тонкостенных (есть ручки кувшинов II—III в. н. э.) и лепных сосудов. Появляются, правда в единичных экземплярах, фрагменты лощеной посуды. По-прежнему довольно часто встречаются черепки с красной обмазкой. Краснолаковая керамика представлена меньшим количеством и датируется не позднее I в. до н. э. Встречены также кости крупного рогатого скота, оленя, свиньи.

Над стеной № 9 был обнаружен череп лошади, под ним лежал железный серп III—IV вв. н. э. (рис. 23—6)⁹. К тому же времени относится и железный топор (рис. 23—1)¹⁰. Отметим также глиняные круглые грузила, глиняные ялчики (рис. 22—4), фрагментированный верхний жернов (рис. 22—3). Здесь же упомянем каменный нижний жернов из случайных находок на городище (рис. 22—6). Плоские прямоугольные жернова с линейными насечками и круглые гладкие нередко находят на Прикубанских городищах, где они вошли в быт в первых веках нашей эры¹¹. Наиболее типичны из них первые. Рабочая поверхность (0,56 × 0,43 м) нижнего жернова из Раевского городища покрыта врезанными линиями, образующими елочку. Верхний жернов, с отверстием и пазом, сделан из ракушечника и также напоминает по форме жернова, известные для Прикубанья. Рабочая поверхность его гладкая (0,29 × 0,25).

Средневековый слой открыт на отсеках XIV—XVII. Мощности его до 1,3 м. Это сильно гумированный темный суглинок с большим количеством щебня. Каких-либо строительных остатков он не содержал. Встречались куски обмазки жилищ, причем на обмазке заметны отпечатки хвороста или камыша. Из находок в этом слое заслуживают внимания фрагментированная небольшая амфора из черной глины с мелкими белыми включениями (рис. 22—5), единичные обломки сосудов с красным лощением, железные кресала (рис. 23—7, 8), агатовая буса, заготовка сердоликовой бусы, кремневое изделие в форме крючка и др. Не ранее как XIV—XV вв. н. э. следует датировать железное четырехгранное копье с яблоком под пером (рис. 23—10)¹². Средневековые стрелы найдены при сборах на поверхности городища (рис. 23—3—5).

⁸ В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. — МАК, вып. II, 1889, стр. 111 и сл.

⁹ В. Д. Блаватский. Харакс. — МИА, № 19, 1951, стр. 269, рис. 11, 2.

¹⁰ Там же, стр. 268, рис. 10, 4.

¹¹ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. — МИА, № 23, 1951, стр. 144.

¹² В. А. Городцов. Описание холодного оружия. Копья и пики. Отчет Российского исторического музея за 1911. Приложение. М., 1913, стр. 19; М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 38.

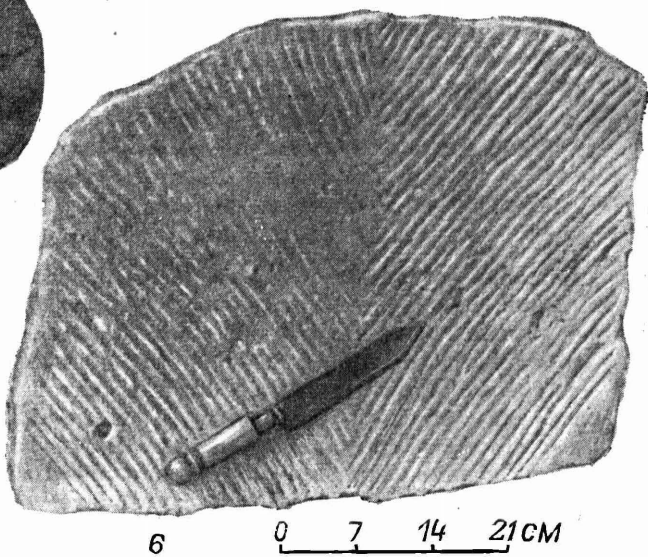
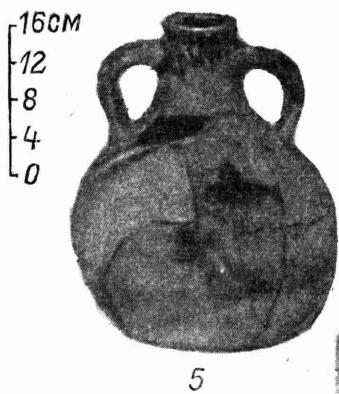
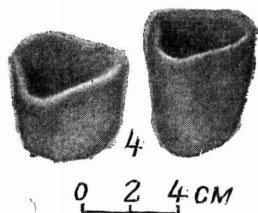
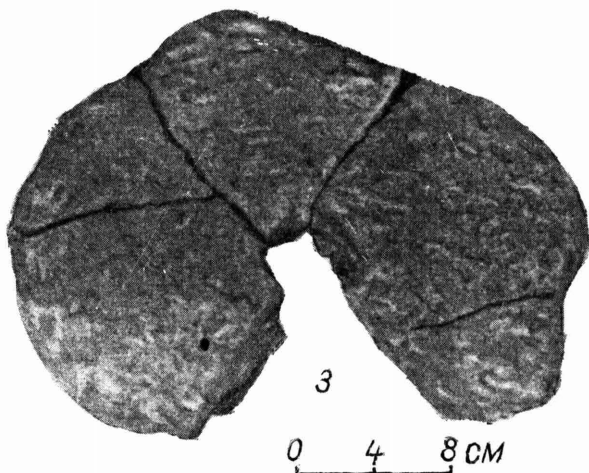
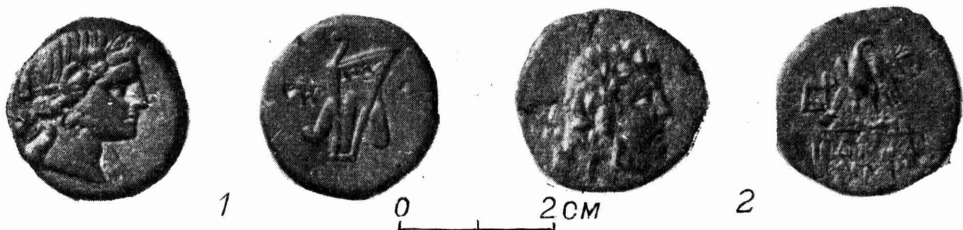

Рис. 22. Находки из раскопок Раевского городища.
 1, 2 — монеты конца II—I в. до н. э.; 3 — верхний жернов; 4 — дьячки; 5 — амфора;
 6 — нижний жернов.

В 1956 г. вскрыта небольшая площадь — отсек XXII — за валообразной насыпью, на расстоянии 10 м к западу от основного раскопа. Мощность культурного слоя (твердый суглинок) здесь оказалась небольшой — около 0,6 м. Количество находок также невелико. Они состоят из довольно невыразительных фрагментов черепицы, амфор, простой и лепной посуды.

Сравнивая результат раскопок отсеков XXII и X (из раскопок 1954 г.), можно предположить, что граница городища в течение всех периодов его

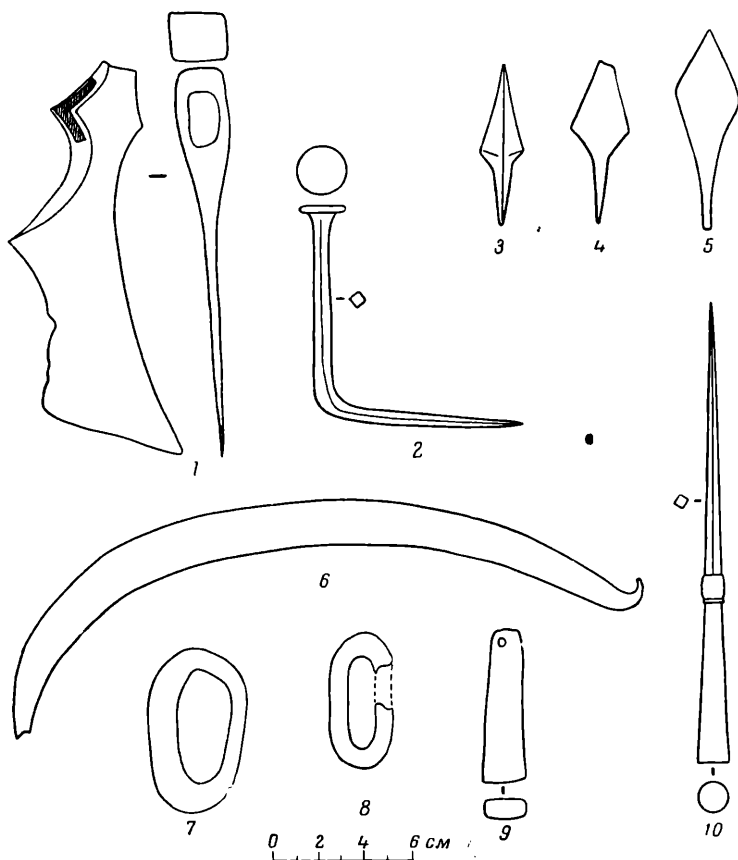

Рис. 23. Находки из раскопок Раевского городища.

1 — топор; 2 — четырехгранный гвоздь; 3—5 — наконечники стрел; 6 — серп; 7, 8 — кресала; 9 — точильный камень; 10 — четырехгранный наконечник копья.

существования почти не менялась. Она проходила главным образом по современной валообразной насыпи. Открытые нами помещения являются частью каменного здания IV—III вв. до н. э., расположенного в самом углу городища; из четырех входов, имеющих в основном помещении, два — сквозные и довольно широкие, рассчитанные на провоз через них грузов. Таким образом, помещение было, по-видимому, проходным, связующим. Проем в северной стене выходит к обрыву над р. Маскагой. Отсутствие в помещении орудий труда и обычной для жилых комплексов разнообразной домашней утвари характеризует его скорее как служебное. Здание бытовало довольно длительное время. Разрушение восточной половины северной стены (№ 13) относится, вероятно, к III—II вв. до н. э.

Остатки вскрытой части здания свидетельствуют о высоком уровне строительной техники, а его основное помещение в известной мере напо-

минает помещения домов Пантикапея¹³ и Семибратнего городища¹⁴. Вместе с тем оно имеет и свои особенности, из которых наиболее характерно применение в кладках крупноблочного цоколя, несущего каменные стены. Этот прием, возможно подражающий кладке сырцовых стен, является новым вариантом строительной техники для азиатского Боспора.

Наши наблюдения при раскопках приводят к мысли о том, что Раевское городище не относится к тем поселениям, возникновение которых на азиатском Боспоре в середине IV в. до н. э. связывают с возросшим спросом на боспорский хлеб в государствах Средиземноморья. Отсутствие сельскохозяйственных орудий, остатков злаков, большого количества импортных изделий в эллинистических слоях — все это заставляет думать, что поселение не было сугубо сельскохозяйственным, а потому и его торговые возможности были весьма ограничены. Возникновение городища, вероятно, следует связывать со стратегическими целями. Необходимость в создании здесь поселения объяснялась общими мероприятиями по укреплению восточных границ Боспора. Военное, стратегическое значение Раевского городища подтверждается его обширностью, солидностью стен и характером месторасположения: речка Маскага, впадающая в Анапский лиман, могла служить связью укрепленного города Горгииппии с этим сторожевым постом¹⁵.

Этим целям в основном оно продолжало служить и в последующие периоды своего существования. На рубеже нашей эры, когда особенно усилился нажим сарматских племен на города Северного Причерноморья¹⁶, Раевское городище вновь, по-видимому, укрепляется: обносится каменной крепостной стеной. В слоях, относящихся к первым векам н. э., наблюдаются большее количество находок, изменяется их характер. Появляются находки, свидетельствующие о более широком развитии сельскохозяйственного и ремесленного производства. Однако и теперь городище, очевидно, не имело торгового значения.

Из упомянутых предметов ремесла особенно интересны металлические изделия. Спектральный анализ¹⁷ (см. таблицу) показал, что все элементы, обнаруженные в исследованных образцах, известны в составе керченских и таманских руд. Наличие же мышьяка в них позволяет предположить местное происхождение железных руд, послуживших сырьем. Таким образом, вопреки принятому до сих пор мнению, мы находим еще одно доказательство возможностей использования таманскими¹⁸ и керченскими¹⁹ металлургами местной железной руды. Как показывает новейшее изучение вопросов, связанных с процессами металлургии, керченская и таманская железная руда, очевидно, все-таки была пригодна для изготовления орудий труда и оружия путем обогащения ее и выплавки в сыродутных горнах. Металлурги Раевского городища владели этим процессом, по-видимому,

¹³ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, № 56, 1957, стр. 49 и сл., рис. 25.

¹⁴ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище). — СА, VII, 1941, стр. 258 и сл.

¹⁵ В. Сизов. Указ. соч., стр. 112 и сл.

¹⁶ В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. — Вестник МГУ, 1949, № 7.

¹⁷ Анализы осуществлялись в лаборатории МГУ Ю. Л. Щаповой и А. Н. Репиним.

¹⁸ Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 56. Древние племена Северного Кавказа имели развитую металлургию еще в эпоху бронзы. — См. А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. — МИА, № 23, стр. 120.

¹⁹ И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. — МИА, № 56, стр. 172 и сл.

Спектральный анализ железных изделий из Раевского городища

№	Образец	Fe	Sr	Cr	K	Mn	Ca	Co	Ni	Na	V	Mo	Al	Si	Mg	Pb	Ti	Zn	Cu	Sn	As	P	Дата	Музей и номер коллекции	
1	Обломок ножа . . .	1	—	—	—	—	5	5	5	—	—	—	5	—	5	—	5.5	—	—	—	5.5	—	IV—III вв. до н. э.	Новороссийский музей, № 150	
2	Гвоздь	1	—	—	5	—	5	5.5	5.5	—	—	5.5	5	5	5	—	—	—	4	—	—	—	II—I вв. до н. э.	То же, № 170	
3	Гвоздь	1	—	—	—	5.55	5	5	5	—	5.55	5	5.5	5	5	—	5.55	—	5	—	—	—	То же	„ „ № 194	
4	Гвоздь	1	—	—	—	5.55	5	5	5	—	5	5.5	5	5	5	—	5	—	4	—	—	—	То же	„ „ № 205	
5	Топор	1	—	—	—	—	5	5.55	5.5	—	—	5	5	5	5	—	5.55	—	5	—	5.55	—	III—IV вв.	„ „ № 183	
6	Кресало	1	—	—	—	5.55	5	5.5	5	—	5.55	4	5	5	5	—	5.55	5.55	5	—	5	—	} Средние века	„ „ № 60	
7	Кресало	1	—	—	—	5.55	5	5	4	—	—	5	5.55	5.55	5	—	—	—	5	—	—	—		„ „ № 175	
8	Наконечник стрелы	1	5.55	—	—	5	4	5.5	5	—	5.55	5	5	4	5	—	5.5	5.55	5	—	5.55	—		„ „ № 242	
9	Наконечник стрелы	1	—	—	—	—	5	5.55	—	—	—	4	5	5	5	5.55	5.55	5.55	4	—	5	—		„ „ № 243	
10	Наконечник стрелы	1	5.55	—	—	5.55	5	5.5	5.55	—	5.55	5	5	5	5	—	5.55	5.55	5	—	—	—		„ „ № 244	
11	Наконечник копья	1	5.55	—	—	5.55	5	5.55	5.5	—	5.55	4	5	4	5	—	5.5	5.5	5	5	5.5	—		„ „ № 71	
12	Шлак (из раскопок 1954 г.)	2	5.5	5	3	5	4	5.55	5.5	4	5.5	5	4	4	5	5.5	—	—	—	—	—	—		5.5	
13	Элементарный состав керченских руд*	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+					+	+

* Н. Е. Ефремов. К генезису железорудных месторождений Керченского и Таманского полуостровов. — „Советская геология“, № 5, 1938, стр. 74.

еще с эпохи эллинизма. С деятельностью ремесленников-металлургов связаны также льячки и находка на городище точильного камня (рис. 23—9), которые, как известно, употреблялись главным образом при металлургических работах.

В керамике первых веков нашей эры замечается увеличение количества сосудов античных форм. Основное место занимает простая тонкостенная посуда. Она, как и черепица, — горгиппийского производства. Сходство глин и форм в керамических изделиях Горгиппии и Раевского городища несомненно.

Как и большинство городищ Азиатского Боспора, Раевское поселение никогда не было чисто греческим. Сначала в нем известную роль играли скифо-меотские племена, затем сюда проникают отдельные представители сарматских племен, известная часть из которых переходила к оседлому образу жизни. Появление новых форм сосудов из грубой глины в средневековую эпоху свидетельствует о том, что в состав населения вливаются новые этнические элементы из массы окружавших его в то время племен.

Дальнейшее изучение Раевского городища позволит уточнить ряд вопросов, связанных с определением этнического состава его населения. В этой связи необходимы также более широкие исследования Причерноморского побережья Северного Кавказа. Судя по письменным источникам, у восточных границ Боспора жили многочисленные племена, история которых тесно связана с историей Боспорского государства. Среди них упоминаются керкеты, тореаты и другие, обитавшие за Синдской гаванью.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1956 ГОДУ

Летом 1956 г. Нижне-Донская экспедиция ИИМК, Ростовского и Таганрогского краеведческих музеев продолжала начатые в 1955 г. раскопки древнего Танаиса¹.

Основные работы, как и в 1955 г., были сосредоточены на территории городища в трех пунктах: расширены заложенные еще в 1955 г. раскопы I и II и начат новый IV раскоп в юго-западном углу городища с целью выяснения характера городских построек и оборонительных сооружений в этой части города. Некрополь раскапывался в двух пунктах к востоку от северо-восточного угла городища (раскопы III и V).

На раскопе I в центральной части городища работы 1956 г. ограничили прирезкой двух квадратов общей площадью 32 кв. м. Обнаружено продолжение постройки I в. до н. э.—I в. н. э., открытой еще в 1955 г. В юго-восточном углу раскопа расчищена часть подвального помещения III в. н. э. Так же как и другие подобные сооружения, известные по предыдущим работам (раскоп II), стены подвала сложены из рваного камня на глине, пол глинобитный (рис. 24—1). При расчистке подвала найдены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор и медная монета Савромата II (196—210 гг. н. э.). Неожиданной оказалась находка амфоры совершенно необычной формы с широким плоским дном и небольшими ручками у плечиков. По форме она могла бы быть отнесена уже к IV в. или даже раннему средневековью, но находка ее в хорошо хронологически определяемом комплексе заставляет признать существование амфор подобных форм уже в III в. н. э.

К тому же времени относятся открытые на раскопе I колодец и несколько земляных ям. Колодец обнаружен в восточной части раскопа, глубина его 4,1 м, но верхняя часть выкладки разрушена, и в древности он, вероятно, был несколько глубже. Верхняя часть — четырехугольная в сечении, размером 0,6 × 0,8 м (рис. 24—2). На глубине 1,4 м колодец расширяется; дно его достигает 1,25 м в диаметре. Стены плотно выложены камнем. Колодец был весь заполнен грунтом. На дне найдены 14 целых или разбитых, но подбирающихся остродонных светлоглиняных амфор с узкими горлышками и коротким туловищем и отдельные фрагменты еще многих таких же амфор.

¹ Состав экспедиции: начальник — Д. Б. Шелов, зам. начальника — А. К. Корovina, начальники раскопов — Т. М. Арсеньева, В. В. Кропоткин, А. И. Болтунова, И. С. Каменецкий, научные сотрудники и практиканты: И. В. Поздеева, М. М. Герасимова, И. Е. Никонов, Г. Н. Карпова, Ф. И. Пыжьянов, С. Н. Братченко, В. Г. Степанов, Л. Н. Иванова, реставратор — Е. А. Болотникова, фотограф — Д. Г. Перцев.

Рис. 24. Танаис. Раскоп I.

1 — подвал III в. н. э.; 2 — колодезь III в. н. э.

На раскопе II в северо-восточном углу городища в 1956 г. вскрыто 182 кв. м, с тем, чтобы выявить продолжение оборонительной стены и провести исследование примыкающего к ней комплекса II—III вв. н. э.

Остатки восточной оборонительной стены выявлены на протяжении еще 13 м. Таким образом, общая длина прослеженного участка составляет 19 м. Однако, если участок стены, открытый в 1955 г., сравнительно хорошо сохранился (в высоту до 2,2 м), то часть, открытая раскопками 1956 г., оказалась разрушенной современной выборкой камня. Удалось

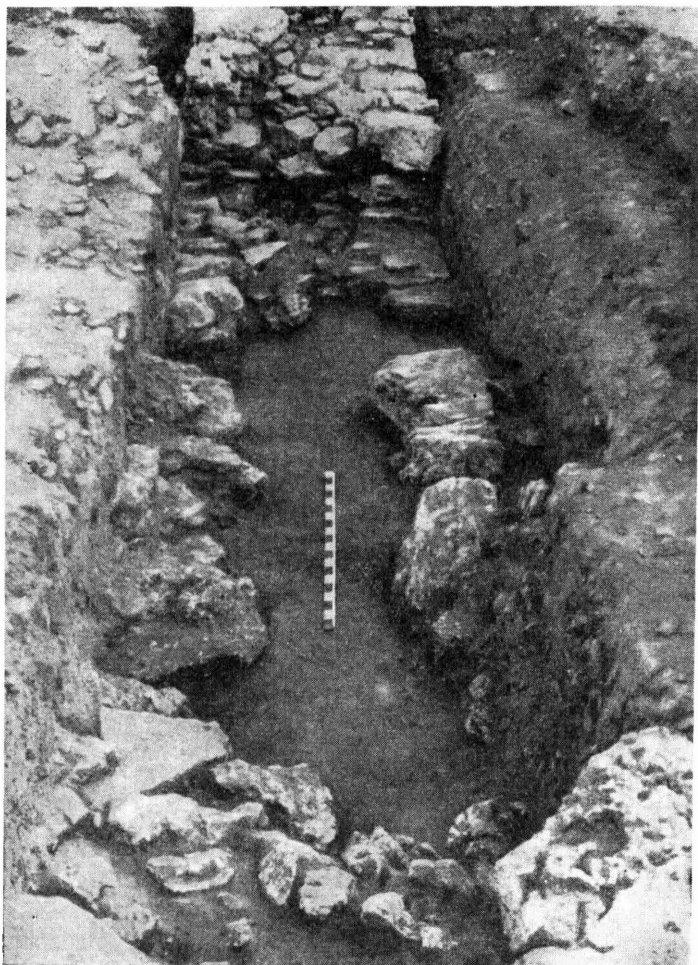

Рис. 25. Танаис. Раскоп II. Остатки оборонительной стены.

проследить не столько самую стену, сколько глубокую канаву, образовавшуюся в результате выборки (рис. 25). Только на дне канавы уцелели отдельные крупные камни, составлявшие фундамент. Судя по этим камням, кладка стены и на этом участке была такой же, что и на открытом в 1955 г.

К западу от оборонительной стены находится комплекс жилых и хозяйственных помещений II—III вв. н. э., большей частью открытых еще в 1955 г. С востока этот комплекс ограничивается стеной № 20, идущей почти параллельно оборонительной на расстоянии 1—2 м от нее. В 1955 г. был расчищен только западный фас стены № 20, пространство же между ней и оборонительной стеной не раскапывалось. Теперь была удалена часть грунта между этими стенами. Оказалось, что это пространство заполнено не обычным культурным слоем, а специальной засыпкой из мелкого камня, суглинка и культурных остатков. У стены № 20 нет четкого западного фаса: видимо, она сооружалась одновременно с засыпкой, с расчетом на то, что будет составлять одно целое с засыпкой и оборонительной стеной, которая таким образом значительно утолщалась. Находки в засыпи определяют дату сооружения стены № 20 и жилого комплекса, к которому она принадлежала. Находки в подавляющем большинстве относятся к I в.

до н. э.—I в. н. э., что позволяет датировать засыпь примерно первой половиной II в. н. э. Таким образом, выясняется время возникновения жилого комплекса, погибшего, как показали раскопки 1955 г., в середине III в. н. э. Раскопка засыпи позволяет установить и *terminus post quem* для сооружения оборонительной стены. Она была воздвигнута, по крайней мере на вскрытом нами участке, не позднее середины II в. н. э., либо одновременно со строительством жилого комплекса, либо незадолго до этого, вероятно на протяжении той же первой половины II в. н. э.

Сооружение всего комплекса еще в первой половине II в. н. э. подтверждается и находкой в вымостке дворика трех боспорских монет, обнаруженных после сильного дождя в щели между плитами. Все они прекрасной сохранности, две из них принадлежат Рискупориду II (68—92 гг. н. э.), одна — Котису I (68—69 гг. н. э.). Совершенно очевидно, что они были утеряны и попали в щели вымостки в первой половине II в. н. э., вероятно вскоре после сооружения всего комплекса.

Раскопки 1956 г., помимо того что они позволили определить дату возникновения, дополнили и уточнили наше представление о жилом комплексе, раскопки которого начаты в 1955 г. Обнаружилось, что выложенное камнем глубокое и узкое вместилище в центре дворика, первоначально принятое за колодезь, служило цистерной для сбора дождевой воды. В вымостке дворика открыты следы водостока, подходившего к горловине цистерны.

Исследовано принадлежавшее этому же комплексу помещение В; глинобитный пол его лежит на глубине около 2 м от современной поверхности; в юго-западном углу находился очаг: стены здесь обожжены, встречается много угля, золы. При раскопках попадались также остатки обгорелой соломы, может быть, от перекрытия.

Под помещением В, как и под другими помещениями комплекса, открыт глубокий подвал, занимающий меньшую площадь, чем само помещение, и как бы сдвинутый под его восточную часть. Обнаруженное еще в 1955 г. подвальное помещение исследовано теперь полностью, глубина его около 2,6 м; пол составляет материковый суглинок; стены выложены мелким и средним камнем, как и стены подвалов Г и Б. При раскопках здесь, в отличие от подвалов Б и Г, находок встречено мало. К моменту гибели жилого комплекса подвал В, по-видимому, был пустым, если не считать большой амфоры, обнаруженной в 1955 г.

К западу от помещения Б открыт дворик, соединяющийся с восточным двориком (расчищенным в 1955 г.) узким проходом. Большая часть дворика в древности была занята навесом, примыкавшим с запада к стене помещения Б; свободным оставался лишь узкий проход шириной 0,6—0,8 м. Сохранились выкладки, служившие опорой для столбов навеса, они состоят из крупных правильных прямоугольных плит, положенных плашмя, одна около другой, как бы образуя каменную дорожку. В плитах имеются круглые или прямоугольные углубления, служившие для укрепления деревянных столбов, поддерживавших навес. Столбы отстояли друг от друга на расстоянии 1,2 м. Пространство под навесом вымощено плитами, как и весь дворик.

Все описанные сооружения функционировали во II—III вв. н. э. в период существования здесь жилого комплекса с подвальными помещениями и погибли около середины III в. н. э.

Остальные строительные остатки на раскопе II принадлежат более позднему времени. Они открыты в юго-западной части раскопа, в верхних слоях, на глубине менее 2 м, и очень плохо сохранились, так как слои разрушены почти сплошной выборкой камня в новейшее время.

При работах на раскопе II в культурном слое собрано довольно много находок, в большинстве относимых ко II—III вв. н. э. Наиболее ранние

из них — единичные фрагменты позднеэллинистической керамики (черный лак III—II вв. до н. э., косские аморфные ручки, родосские ручки с клеймами, ранний красный лак). Большинство находок встречено в засыпи между оборонительной стеной и стеной № 20. Там же найдено огромное количество фрагментов светлоглиняных амфор с двухствольными ручками и желудеобразной ножкой. Наиболее многочисленными были обломки светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э., иногда с надписями и знаками, нанесенными красной краской или с клеймами на горле. Почти столь же часто встречались обломки красноглиняных широкогорлых массивных амфор, подавляющее большинство которых относится к III в. н. э., но некоторые из них, возможно, принадлежат уже IV в. Остальные находки также обычны: фрагменты лепной и простой круговой посуды, краснолаковой керамики первых веков н. э., каменные грузила, пряслица, боспорские монеты I—III вв. н. э., светильники, железные гвозди, куски глиняной обмазки, кости животных. Сравнительно небольшое число фрагментов амфор может быть твердо датировано IV в. н. э., в том числе обломки стенок с рифлением. К этому же времени относится бронзовая пряжка и найденная вместе с ней просверленная боспорская медная монета (другая просверленная боспорская монета найдена на раскопе IV). Из отдельных находок следует упомянуть обломок глиняного штампа, подобного найденным в 1955 г. в подвале Г, но с другим рисунком, и каменный полированный топор, обнаруженный в слое IV в. н. э. Топор был еще в древности сломан по сверлине (отсутствует обух), и в толстой части его начали было сверлить новое отверстие, но бросили, не закончив.

При раскопках в верхнем слое встречались в небольшом количестве отдельные обломки человеческих костей, в том числе черепа. Видимо, в этом слое находились либо позднейшие средневековые захоронения, либо, что вероятней, останки людей, погибших при разрушении города. Но кости были полностью разрушены при перекапывании верхних слоев городища добытчиками камня.

Подобное явление наблюдалось и на раскопе IV, где также встречались отдельные обломки костей человека.

Раскоп IV был заложен в юго-западном углу городища с таким расчетом, чтобы захватить участок западной оборонительной стены.

Наиболее ранний комплекс помещений выявлен в западной части раскопа. Здесь вскрыты остатки двух помещений и дворика, вымощенного крупными известняковыми плитами с гладкой, потертой поверхностью (рис. 26—1).

В одном из помещений хорошо сохранился очаг (1,4 × 1 м). Он был обложен камнями; под составляла плотная обожженная глина — печина; в центре на плоском камне находился глиняный столбик в виде усеченного конуса. В очаге и около него обнаружено много золы и угля, но не встречено никаких находок, определявших его назначение.

При раскопках помещений и мощеного дворика непосредственно на полу и на вымостке собрано много керамики. В подавляющем большинстве это обломки светлоглиняных амфор с двухствольными ручками, датированных I в. н. э. Наряду с ними изредка попадались фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками ранних типов, черепки лепной и лощеной керамики, краснолаковые фрагменты. Весь этот материал дает основание для твердой датировки комплекса помещений — I в. н. э. Все другие сооружения, открытые на раскопе IV, существовали в более позднее время, когда перечисленные выше помещения уже перестали функционировать.

К востоку от описанного комплекса проходил пояс оборонительных укреплений, прикрывавший город с западной стороны. Открыт пока лишь небольшой участок сооружений, и взаимное их отношение не может быть

Рис. 26. Танаис. Раскоп IV.

1 — остатки здания I в. н. э.; 2 — помещение А, III в. н. э.

точно установлено, но можно высказать все же некоторые предварительные соображения.

Основная оборонительная линия на этом участке состояла из двух вплотную соприкасавшихся стен, № 5 и № 16, тянувшихся с юга на север. Видимо, западная стена № 16 являлась дополнительным панцирем, пристроенным снаружи к первоначальной стене № 5. Оба панциря сложены из крупного и среднего камня, слегка подтесанного с лицевой стороны. Ширина основной стены (№ 5) — около 2 м, ширина дополнительной — 2,2—2,4 м. Зачистка восточного панциря показала, что стена № 5 покоится на материковой скале, в то время как подошва внешнего панциря (стена № 16) лежит, кажется, на более высоком уровне, выше остатков здания I в. н. э. Эти стратиграфические наблюдения и сопровождающий материал позволяют датировать постройку дополнительного панциря II—III вв. н. э. Для определения времени сооружения основной стены у нас еще недостаточно данных. Чтобы решить этот вопрос и уяснить ряд конструктивных особенностей, потребуется расширение раскопа на юг и на север и разборка части позднейших сооружений.

С востока к оборонительной стене примыкает большое помещение А (рис. 26—2). С запада оно ограничено стеной № 5, бывшей, видимо, одновременно и оборонительной и стеной помещения. На внутренней, восточной ее поверхности хорошо сохранились куски глиняной обмазки.

Северная часть помещения не доследована: она уходит под борт раскопа. Ширина помещения 4,2, длина не менее 6,5 м. Не только стены, но и пол его был обмазан глиной. Глинобитный пол прослежен на небольшом участке в 3 кв. м в центральной части помещения. В северо-западном углу он вымощен плоскими плитами. В восточной части открыта зольная яма, высеченная в скале, подстилающей пол. Форма ее почти цилиндрическая, слегка расширяющаяся книзу. Верхний ее диаметр — 1,5 м, нижний — 1,66 м, глубина — 2 м. Яма оказалась заполненной золой, среди которой были найдены кости животных и керамика, в том числе обломки светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных амфор II—III вв. н. э., фрагменты лепных и лощеных сосудов, дно стеклянного сосуда квадратной формы, краснолаковые фрагменты, пряслице, бронзовый колокольчик. Этими находками яма датируется III в. н. э., как и все помещение.

Погибло помещение А в результате пожара. Стены его хранят следы копоти. По всему полу залегал слой пожарища, состоящий из перегоревшего дерева, золы, обгорелых камней, кусков пережженной глины и т. д. На уровне пола прослежены остатки горелых деревянных балок от перекрытий, лежавших поперек (с запада на восток). Почти все помещение, особенно в своей западной части, было заполнено каменным завалом. Слой пожарища соответствовал такому же слою в помещении Б на раскопе II (1955 г.).

При раскопках обнаружено много различных находок, хорошо датирующих гибель помещения А серединой III в. н. э. В числе их две медные монеты, обнаруженные на полу: боспорский сестерций II—начала III вв. н. э. и денарий Рискупорида III (210—226 гг. н. э.). Найдено много обломков светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э. (многие из них со знаками и надписями красной краской), боспорских красноглиняных амфор, обломки лепной и краснолаковой посуды того же времени, фрагменты стеклянных сосудов (в том числе расписанных красками), железные гвозди, лепные светильники, пряслица, пирамидальные глиняные грузила, обуглившиеся зерна пшеницы, очень немного костей домашних животных. Из отдельных предметов следует упомянуть голубую пастовую египетскую пронизку в виде сфинкса и железный втульчатый наконечник копья.

К востоку от помещения А находился большой мощеный двор. Вымостка его из больших каменных плит горизонтальна и лежит почти на одном

уровне с полом (на 0,15 м ниже его). Из помещения во двор ведет дверной проем с пороговой плитой. Плиты вымостки кое-где выбраны, и на месте их образовались неглубокие ямы. Посреди открытого участка вымостки обнаружен колодец. В плане он имеет вид неправильного прямоугольника со слегка округленной южной стороной. Размеры устья 0,75 × 0,8 м; глубина около 3,7 м. Стенки колодца неровные, большая часть их грубо высечена в скале и только наверху, на глубину до 1,6 м выложены камнем. Внизу колодец переходит в глубокую расщелину скалы. При его расчистке найдено большое количество фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор и костей домашних животных. В северо-восточной части вымостки были вкопаны в землю три большие остродонные красноглиняные амфоры, от которых сохранились нижние части. Амфоры были, видимо, одновременно вымостке и колодцу, которые датируются и стратиграфическими условиями и находками тем же временем, что и помещение А, — первой половиной III в. н. э. Наиболее показательна в этом отношении находка на плитах вымостки денария Рискупорида III (210—226 гг. н. э.).

Помимо описанных сооружений на раскопе IV открыты остатки стен зданий, принадлежащих более позднему периоду существования города — IV в. н. э. Эти остатки столь незначительны, что не позволяют судить о том, каким сооружениям они принадлежали. Только одна стена, идущая параллельно оборонительной стене II—III вв. н. э., но залегавшая выше нее на мусорном грунте, изобилующем керамикой II—III вв. н. э., может быть определена как оборонительная стена IV в. Она сложена из средних и мелких камней неправильной формы, среди которых попадаются отдельные крупные блоки. Западный (наружный) панцирь имеет заметный наклон, так что подошва ее выступает на 0,5 м к западу из-под верхних камней. Стены позднего времени сложены очень небрежно, из плохого материала и не могут выдержать никакого сравнения с монументальными постройками более раннего периода.

В западной части раскопа IV на глубине 1,23 м от поверхности обнаружено погребение. Костяк вытянут на спине, головой на северо-запад; руки положены вдоль туловища. Инвентаря не было и для определения времени захоронения нет никаких данных. Погребение безусловно позднее комплекса I в. н. э., находившегося ниже и, вероятно всего, — раннесредневековое, относящееся ко времени, когда город перестал существовать.

При работе на раскопе IV в культурном слое найдено большое количество различных предметов, характерных для танаиских слоев, главным образом I—III вв. н. э.: обломки амфор, светлоглиняных узкогорлых (часто с надписями краской) и красноглиняных боспорских, лепной керамики, краснолаковой и стеклянной посуды, глиняные пряслица, каменные грузила, куски обмазки стен, железные гвозди, боспорские монеты и т. д. В западной части раскопа, в районе жилого помещения I в. н. э., встречено много обломков амфор и краснолаковых сосудов этого времени, также уже хорошо известных для Танаиса типов. Находки предметов более раннего времени (III—I вв. до н. э.) единичны. Сравнительно немного керамики, которая может быть датирована IV в. н. э.

Из отдельных находок могут быть упомянуты обломок железного серпа, часть костяного гребня, фрагменты стеклянных сосудов с росписью, бронзовая фибула.

Раскопки некрополя Танаиса были продолжены в двух местах: расширена площадь начатого в 1955 г. раскопа III и разбит новый V к северо-востоку от городища. В общей сложности за два сезона работ вскрыто 79 погребений (59 в 1956 г. и 20 в 1955 г.).

Погребения, которые могут быть датированы по найденному инвентарю или по стратиграфическим данным, все относятся к периоду от II в. до н. э. до III в. н. э. Только одно погребение № 15 (35), судя по найденным сосудам, принадлежит уже раннесредневековому времени.

Э. А. СИМОНОВИЧ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КОЛОЧИН I
В ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

Городище у д. Колочин Речицкого района Гомельской области открыто разведками Славянской экспедиции ИИМК 1951 г. В 1955—1956 гг. здесь были произведены раскопки¹ на площади 256 кв. м.

Городище Колочин I расположено в 0,5 км на восток от деревни, на обрывистом берегу пересохшего протока р. Днепра. Оно почти квадратной формы (42 × 42 м) и сильно укреплено. С напольной стороны сооружены два вала и два рва. Кроме того, как показали раскопки, с других трех сторон над крутыми склонами по краям городища был насыпан невысокий вал, по-видимому, с частоколом. Насыпь содержала много золы (рис. 27); он, вероятно, был сооружен в поздний период существования городища, причем при его возведении использованы зола очагов и культурные наслоения более раннего времени. Землю брали, должно быть, с центральной части городища, так как здесь заметно понижение и почти отсутствует культурный слой. В насыпи вала встречаются обломки посуды зарубинецкого времени и, в меньшем количестве, милоградской (рис. 28).

В северной части городища, где вскрыт небольшой участок, к внутренней стороне вала примыкал слой пожарища: докрасна прокаленная земля, угли и остатки сожженных деревянных плах. В отдельных случаях удалось проследить наклонно лежащие на валу плахи; может быть, это части упавшего тына, и остатки каких-то других сооружений. Свидетельством того, что площадка городища использовалась в ранние и поздние периоды его существования, служат хозяйственные и столбовые ямы. Судя по скудным находкам в них керамики зарубинецкого и послезарубинецкого времени, а также и по более и менее темному цвету земли заполнения ям, они были вырыты в разное время.

Большинство столбовых и хозяйственных ям сосредоточено в западной части основного раскопа. Там, судя по разрезам, вал с внутренней стороны резко обрывался. Очевидно, здесь вплотную к нему примыкали какие-то наземные столбовые конструкции. Аналогичная планировка известна по раскопкам П. Н. Третьякова на городище Тушемля на Смоленщине². Очаг из камней, вскрытый на глубине 0,25 м, вероятно, был связан с одним из подобных сооружений (квадрат 17).

Не вполне ясно, служила ли площадка городища местом постоянного обитания. Обращает внимание комплекс находок, среди которых выделяются орудия труда, повседневно использовавшиеся в быту. Следует

¹ На средства Гомельского и Речицкого музеев.

² П. Н. Третьяков. Города-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 178, рис. 7.

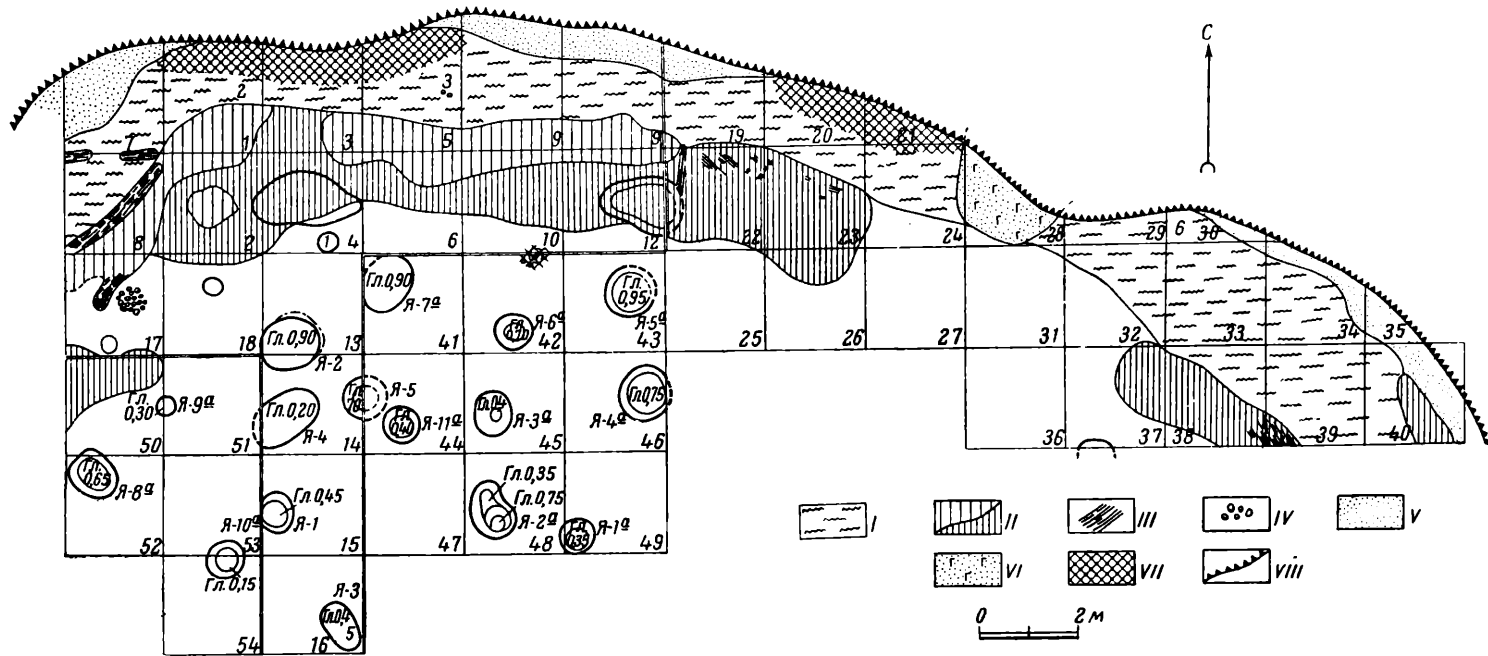

Рис. 27. План раскопа в северной части городища Колочин I.

I — вольный слой; II — углистый слой; III — угли и плахи; IV — камни; V — песок; VI — гумусированный песок; VII — скопления керамики; VIII — линия берегового обрыва; находки — 1 — железный наконечник копья; 2, 3 — железные рыболовные крючки; 4 — железное шило; 5, 6 — глиняные прялки; 7 — бронзовая подвеска.

отметить глиняные пряслица и рыболовные принадлежности — два железных крючка, один из которых найден среди скопления керамики, пещня и глиняное грузило (рис. 29—2, 3, 7, 10).

Прежде чем перейти к описанию вещей, упомянем о небольшом раскопе в южной части площадки и шурфах, заложенных к западу и востоку от городища.

Разведочный раскоп, примыкающий к первому большому валу, показал, что вдоль него также прослеживается интенсивный слой пожарища. Здесь встречено много обломков глиняной посуды и найдена упомянутая выше железная пещня (рис. 29—10).

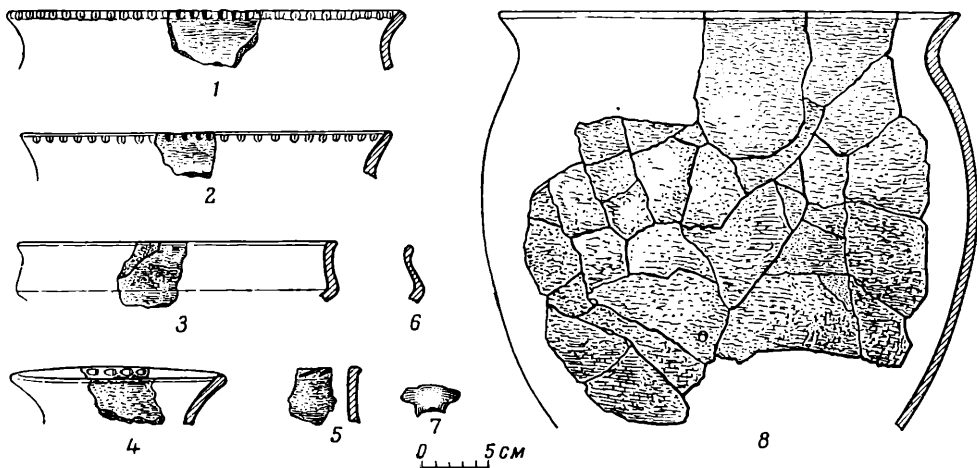

Рис. 28. Керамика милоградско-зарубинецкого времени с городища Колочин I (1—8).

На восток от городища, на другом берегу оврага, заложен шурф (4 × 2 м), недалеко от обрыва, на пашне, где было прослежено зольное пятно. Раскопки показали, что здесь была неглубокая западина. В ней найдены единичные черепки посуды послезарубинецкого времени.

На запад от городища, где на пашне встречаются разрозненные фрагменты древней посуды, заложено 6 шурфов. Однако шурфовкой 1955 г. и дополнительным обследованием в 1956 г. вокруг городища не удалось выявить остатков каких-либо построек или захоронений.

Мощность культурного слоя на городище Колочин I невелика. Даже на участках, примыкающих к валу, она достигала 0,7—0,8 м. По мере удаления от обрыва в середине площадки, где культурный слой разрушался вспашкой, глубина его уменьшается до 0,4—0,5 м. Наиболее отчетливо фиксируются слои, относящиеся к послезарубинецкому и зарубинецкому времени. Материал дозарубинецкого периода на городище представлен скудно. В числе ранних находок — раздавленный красноватый сосуд (рис. 28—8) милоградского типа (квадрат 15, глубина 0,65 м), и бронзовая трапециевидная подвеска (рис. 29—6), украшенная врезанными линиями, окруженными точечными выпуклостями (квадрат 30, глубина 0,8 м; может быть, лежала на склоне городища). Эта подвеска напоминает бляшку из Чех, опубликованную Т. Сулимирским в его работе, посвященной высоцкой культуре³. Обломок еще одной такой бляшки, украшенной пунсонными линиями, происходит из подъемного материала городища в Асаревичах

³ Т. Sulimirski. *Kultura wysocka*. Kraków, 1931, стр. 82, табл. XXV, 19.

(Комаринского района БССР). Среди развала керамики, из которого собран упомянутый нами сосуд, найден обломок какого-то глиняного предмета с конически сужающимися концами (рис. 28—7), возможно, относящегося к этому же времени. Единичные обломки керамики встречались в культурном слое, трудно отделимом от зарубинецкого.

Находки, датируемые зарубинецким временем, как правило, встречались на глубине 0,5—0,7 м, хотя попадаются также среди материалов из

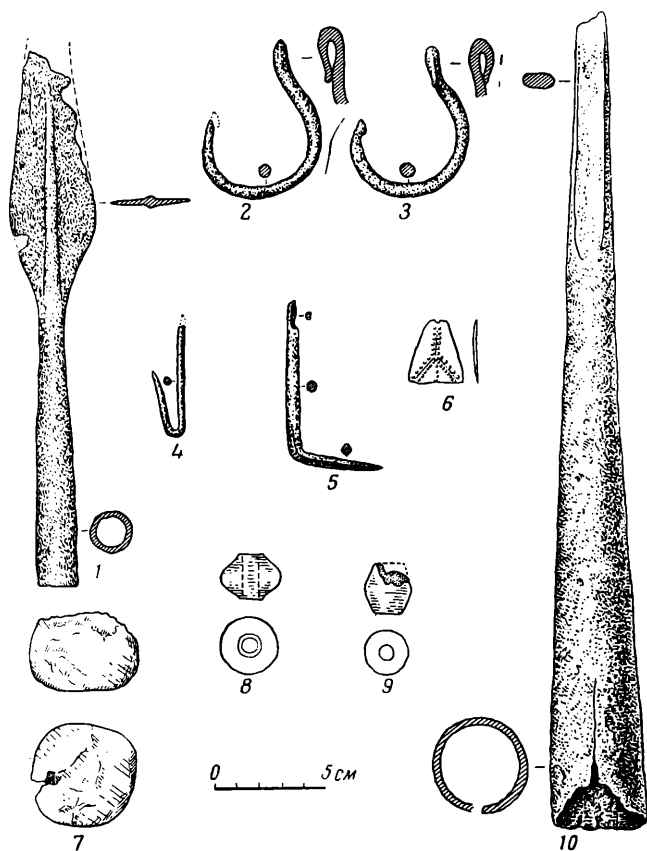

Рис. 29. Металлические изделия (1—5, 10), глиняные пряслица (8, 9) и грузило (7) с городища Колочин I.

верхнего слоя. Случаи перемещения в верхние слои более древних предметов легко объясняются не только выборкой культурного слоя для подсыпки вала, но и рытвем хозяйственных ям и последующей вспашкой площадки. К зарубинецкому времени следует отнести горшки, украшенные по краю ногтевыми вдавлениями и насечками, причем интересен фрагмент, украшенный подобным образом с внутренней стороны венчика (рис. 28—1, 2, 4, 5). Типичны для этого периода желтоватые лощеные миски (рис. 28—3, 6). Может быть, глиняное пряслице, найденное у края городища на глубине 0,8 м (квадрат 30), также следует отнести к этому слою (рис. 29—8).

Находки в верхнем культурном слое встречались главным образом до глубины 0,4—0,5 м. О степени насыщенности культурного слоя керамикой дает представление таблица подсчетов числа находок (см. стр. 74).

Следует заметить, что на квадратах 28—40 картина менее типична (по этим участкам проходит вал), и здесь установлена большая толщина и перемешанность культурных слоев.

Глубина, м	Количество обломков керамики в квадратах	
	28—40, площадь 52 кв. м	41—49; 50—53, площадь 52 кв. м
0—0,15	51	не взяты
0,15—0,25	60	20
0,25—0,45	59	65
0,45—0,55	86	58
Всего . . .	256	143

Керамика позднего периода существования городища собрана в основном в месте выброса обломков посуды за вал с северной стороны. Кроме того, обнаружено скопление черепков — остатков двух сосудов послезарубинецкого времени (квадрат 42). Комплекс находок чрезвычайно своеобразен.

Вся керамика вылеплена от руки. Наиболее типичны удлиненные, чуть биконические сосуды средних и больших размеров, с оттянутым валиком в месте перегиба

тулова; край их почти не выделен, в срезе округлый или угловатый; диаметр края достигает 42 см; под ним иногда бывает массивный налепной валик с косыми врезами. Сосуды эти грубо сформованы и на поверхности их видны желобки от заглаживания пальцами (рис. 30—1, 3, 6, 9, 12).

Другую большую группу составляли горшки средней и малой величины удлиненно баночной формы, со слабым утолщением тулова в средней части и со слегка отогнутым закругленным краем (рис. 30—2, 4, 5, 8, 10). Редкими находками можно считать конические мисочки (рис. 30—7). Для какой-то особой цели в дне одного из горшков было просверлено рядом два отверстия (рис. 30—11). Однако маловероятно, что это сосуд для отцеживания творога. За оба сезона раскопок встречено только два небольших обломка костей животных. Среди городищ Южной Белоруссии, небогатых костными остатками, что отчасти объясняется разрушающим действием песчаной почвы, Колочин I выделяется своей бедностью.

В дополнение к перечисленным находкам из верхнего слоя, кроме глиняных пряслиц (рис. 29—9) и рыболовных принадлежностей, о которых уже говорилось, упомянем обнаруженное в квадрате 48, на глубине 0,5 м, погнутое железное шило (рис. 29—5). В маленькой ямке на глубине 0,6 м, в квадрате 4, найден наконечник железного копья (рис. 29—1) с удлиненной тонкой втулкой, почти равной длине пера, и с продольным ребром. Это копье, наряду с керамикой, позволяет, хотя бы предварительно, в широких границах, решить вопрос о датировке позднего слоя городища. В Южной Белоруссии теперь уже достаточно хорошо изучены памятники первых трех веков н. э. Слой зарубинецкого времени, как уже отмечалось, подстилает и предшествует культуре, представленной материалами позднего слоя.

Не менее известны также славянские памятники Белоруссии эпохи Киевской Руси. Им много внимания уделено в работах В. Б. Антоновича, В. З. Завитневича, А. Н. Лявданского, Е. Р. Романова, Б. А. Рыбакова, А. В. Успенской и др. Славянские курганы на Гомельщине копали В. З. Завитневич и Е. Р. Романов.

Мне пришлось в ближайшем окружении Колочина возле Чаплинского городища раскопать две землянки эпохи Киевской Руси, причем там же в раскопе найдено скопление керамики роменско-боршевского типа. В материальной культуре послезарубинецкого слоя Колочина I и известных памятников роменско-боршевских, а также эпохи Киевской Руси трудно усмотреть хоть что-нибудь общее. Это важно в данном случае для решения вопроса о датировке колочинского городища. Судя по такому

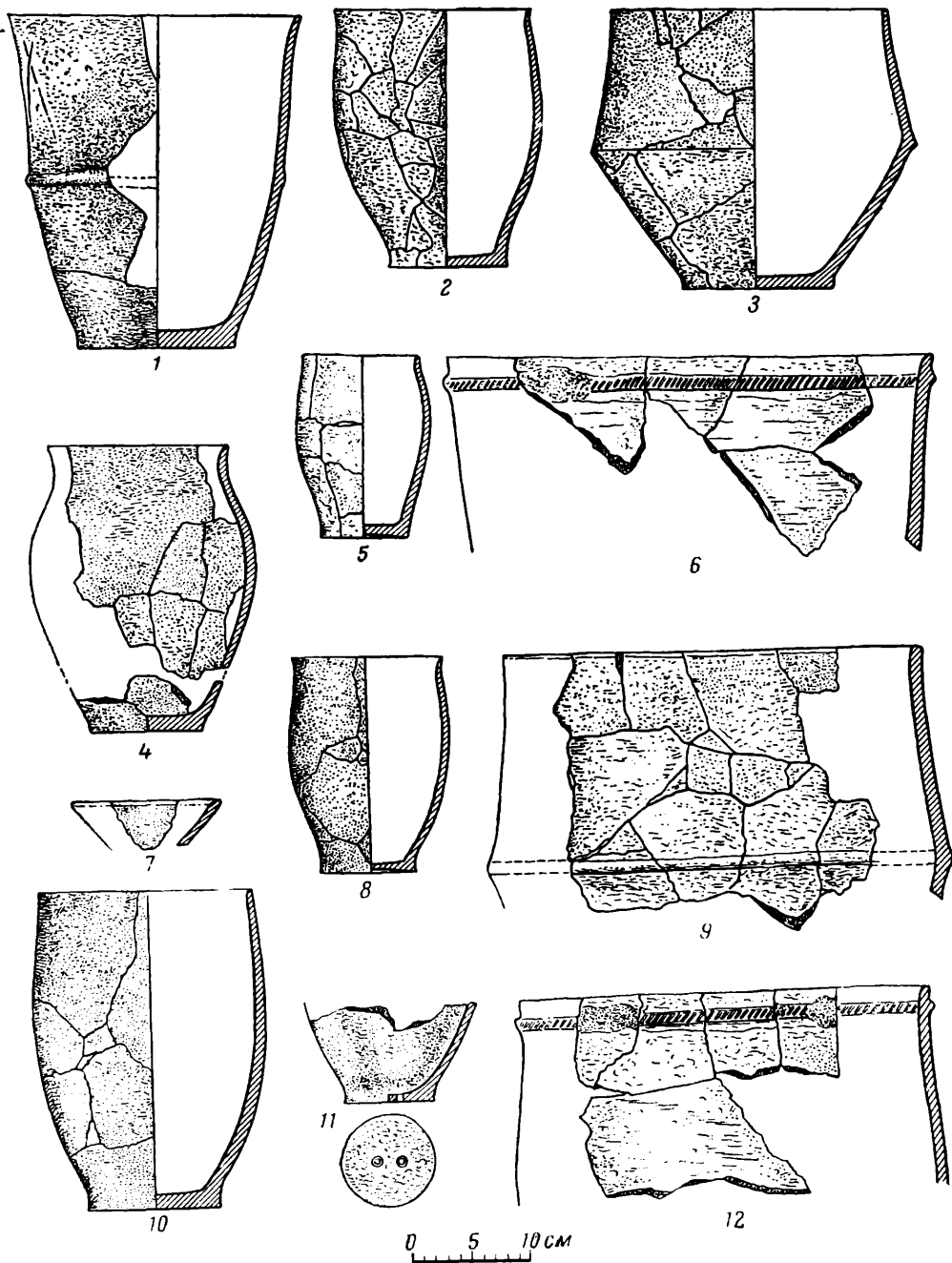

Рис. 30. Керамика середины I тысячелетия н. э. (1—12) с городища Колочин I.

несходству, вероятнее всего, что те и другие памятники, т. е. колочинского типа и роменско-боршевские, а тем более культуры Киевской Руси отделены друг от друга значительным промежутком времени. Наконечник копья из Колочина I подтверждает это наблюдение, его можно сравнить с группой копий из памятников, близких к середине I тысячелетия н. э., опубликованных у Х. А. Моора⁴.

О возможности отнесения городища к V—VI вв. н. э. свидетельствует и керамика. Правда, первый и основной тип биконических сосудов городища не находит прямых аналогий. Их отсутствие заставляет искать более отдаленные по территории и времени аналогии. Подходя чисто формально, эти сосуды напоминают урны, известные по материалам лужицкой и высоцкой культур на территории Польши, отделенные целым тысячелетием от наших находок⁵. Сравнение это могло бы казаться закономерным, учитывая традиционные связи с западными культурами. Однако явных промежуточных звеньев между керамикой обоих типов во милоградской, ни в зарубинецкой культурах нет. Обращаясь к хронологически более близким памятникам на востоке, мы пытаемся сравнить этот тип горшков с мощинской группой керамики. Однако и тут видим, насколько резко приземистые биконические горшки мощинского типа отличаются от колочинских⁶.

Самую близкую аналогию первому типу поздней керамики городища Колочин I пока можно найти в материалах раскопок Ю. В. Кухаренко в Н. Быхове. Там обнаружена урна, потревоженная вспашкой и, вероятно, связанная с погребением и трупосожжением. Эта урна, как и весь могильник, по наблюдению Ю. В. Кухаренко, выпадает из ряда известных могильников зарубинецкого времени⁷. В старых раскопках в Н. Быхове, на территории могильника найдена, как упоминает Е. Р. Романов, свинцовая вислая византийская печать, которую он относит к VIII в.⁸

Немного больше возможностей для сопоставления дает другой тип поздней керамики колочинского городища. Баночные формы горшков живо напоминают сосуды с городища Тушемля⁹. Формы раннекарчакской группы керамики как будто бы имеют общие черты с сосудами этого типа. Однако при сравнении характерной посуды карчакского типа, приведенных в статье Ю. В. Кухаренко¹⁰, на всех сосудах южной группы замечаем более резко выраженные плечики, чем на сосудах из Белоруссии. Колочинские баночной формы несколько напоминают единственный публикуемый Ю. В. Кухаренко сосуд с более северных территорий (с. Виртки, Ленинского района, Брестской области)¹¹.

Итак, рассматривая комплекс керамики позднего слоя городища Колочин I, отметим своеобразие этого памятника, стоящего особняком среди большого числа памятников, обследованных в Южной Белоруссии. Слабая изученность материальной культуры середины I тысячелетия н. э. в Южной Белоруссии повышает значение исследований городища у д. Колочин.

⁴ Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland, teil I. Tartu, 1929, S. 512; Teil II. Tartu, 1938, tab. XXXVII, 4—7.

⁵ K. Salewicz. Cmentarzysko cialopalne ludności kultury łuzyckiej w Myśluborzu (pow. Opoczno, woj. Kielickie). — Wiadomości archeologiczne, XV, 1938, ab. XLVII—XLVIII; T. Sulimirski. Указ. соч., tab. XVII, 9 а; XXIII, 3.

⁶ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Вогаи и Днепра. М., 1899, стр. 7, таб. III, 9, 10; стр. 21, таб. XVI, 12.

⁷ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. — КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 85.

⁸ Е. Р. Романов. Археологические разведки в Могилевской губернии. — Записки северо-западного отделения РГО, вып. 3, 1912, стр. 38.

⁹ П. Н. Третьяков. Указ. соч.

¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. — КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 35, рис. 10.

¹¹ Там же. стр. 35, рис. 10, 7.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 1956 ГОДА
В ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ

Начиная с 1954 г. Западновинским отрядом Славянской экспедиции ИИМК совместно с Великолукским областным музеем ежегодно проводились раскопки городища у д. Городище близ г. Великие Луки, продолженные и в 1956 г. Одновременно отрядом изучались славянские памятники предшествующей поры, стоявшие в центре внимания всей экспедиции. Были предприняты рекогносцировочные раскопки на одном из ранее обследованных городищ — городище у д. Рудня Пореченского района Великолукской области. Произведено дополнительное обследование восточного берега оз. Урицкого и обнаружены городища у оз. Орелье к северу от д. Рудня и в урочище Демидиха при истоке р. Неспицы из оз. Несьпо, к югу от д. Рудня.

Городище у оз. Орелье принадлежит к пока еще не известному на данной территории типу городищ с высокими валами, близкому литовским пилкалнисам. Большое городище в урочище Демидиха относится к типу убежищ конца I тысячелетия н. э.; оно защищено несколькими валами и рвами и почти лишено культурного слоя.

Основной объект работ — городище, расположенное к северу от дер. Рудня, на возвышенном участке гряды восточного берега оз. Урицкого, — относится к типу распространенных на Западной Двине более древних городищ на возвышенности, защищенных полукольцевыми валами и рвами. Оно находится в лесу; его оборонительная система хорошо сохранилась: три полукольцевых вала, разделенных рвами, сооружены с незащищенных сторон, западный склон круто обрывается в сторону озера (рис. 31).

Отрядом была вскрыта площадь в 56 кв. м; раскоп прошел от середины восточного склона по направлению к центру. В западной части раскопа, захватившей верхнюю площадку городища, обнаружен развал постройки, в восточной раскрыты остатки проходивших в валу деревянных оборонительных сооружений.

Расположенная у края площадки постройка, судя по сохранившимся остаткам, представляла собою жилое сооружение столбовой конструкции. Обнаружены столбовые ямы, следы обгорелых плах вдоль стен и земляная завалинка, а внутри жилища — развал очага со стоявшим на нем лепшим из рыхлой глины сосудом баночной формы и развал миниатюрной печидомницы для выплавки железа.

По конструкции и встреченным находкам (лепная посуда профилированной и баночной формы, железные поделки, пряслица и проч.), это сооруже-

ние наиболее близко жилым постройкам ранее исследованных городищ, появляющихся начиная с середины и преимущественно в третьей четверти I тысячелетия н. э.¹ Небольшой объем работ на городище Рудня, относительно плохая сохранность исследованной постройки и ограниченность находок не дают пока возможности уточнить датировку памятника.

Остатки оборонительных сооружений на восточном конце раскопа, на участке до 8 м длиной, вдоль земляного вала, представляли собою части

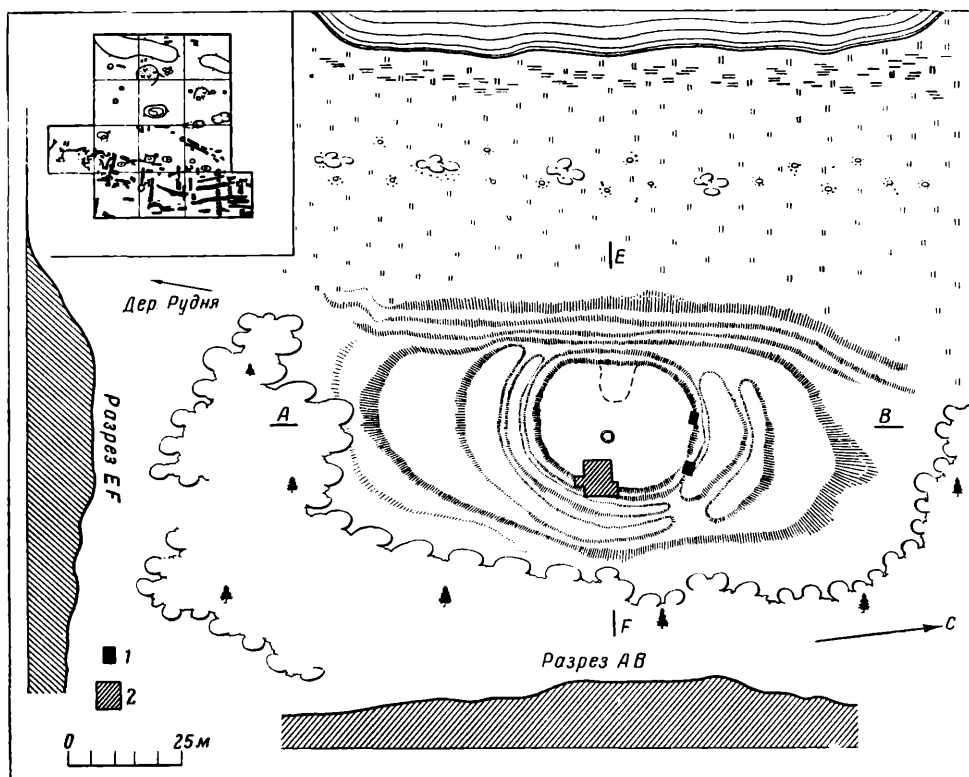

Рис. 31. План городища у д. Рудня; врезкой дан план раскопа 1956 г.

1 — зачистки 1952 г.; 2 — раскоп 1956 г.

деревянной стены, рухнувшей при пожаре. Благодаря неполному сгоранию дерева, упавшего вниз по склону и оказавшегося засыпанным сползшей земляной насыпью, на отдельных участках прекрасно сохранились детали этой стены, позволяющие проследить ее устройство. Сооружение состояло из врытых вдоль возвышенной части вала попарно массивных столбов, к которым были горизонтально прикреплены плоские плахи или горбыли, образующие глухую стену более 2 м в высоту и укрепленную с одной стороны землей.

Возникает вопрос, была ли здесь двойная оборонительная стена, забитая внутри землею, или одинарная, прикрытая земляным полувалом только с внутренней стороны? На раскрытом участке вала не прослежены достаточно выраженные остатки, которые могли бы соответствовать развалу второй стены, скреплявшей земляную насыпь с внутренней стороны.

¹ См. Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. — КСИИМК, вып. 71, 1958.

Небольшие вытянутые вдоль вала плахи отмечены лишь у северного края раскопа.

Открытие на городище Рудня остатков деревянных оборонительных сооружений — это уже второй случай для раннеславянских поселений Западной Двины. Впервые они были обнаружены нами в 1953 г. при исследовании городища у д. Жабино, отстоящем всего на 20 км южнее. Характерно, что в этом случае залегавшие в валу остатки стены образовали два горизонта развалов обгорелого дерева. Нижний, особенно мощный, был отделен от верхнего слоем обожженного песка².

Данные стратиграфии жабинского вала в известной мере говорят в пользу устройства оборонительных сооружений раннеславянских городищ верхнего Подвинья в виде двойной деревянной стены, забитой землей. Материалы с городища Рудня значительно дополняют представление о характере оборонительных сооружений.

Самый факт наличия оборонительных конструкций в раннеславянских памятниках заслуживает особого внимания. Он свидетельствует о том, что восточно-славянские племена уже в VI—VIII вв. защищали свои поселения деревянными стенами. О довольно широком территориальном распространении подобных сооружений можно судить по данным последних раскопок памятников второй половины I тысячелетия в Белоруссии и на Смоленщине. Главной задачей отряда в 1956 г. было продолжение стационарных работ на городище у д. Городище, в 4 км к югу от г. Великие Луки. В печати нами еще не освещались итоги этих исследований и в настоящей заметке мы попытаемся кратко ознакомить читателя с основными результатами работ.

Городище у д. Городище было предварительно обследовано отрядом в 1951 г.³, с целью проверки неясных сведений о нем в отчете М. И. Артамонова и А. Холмского, обследовавших течение р. Ловати в 1928 г.⁴ Характерно, что это городище находится в окружении других, видимо, синхронных ему памятников. В 200 м выше его, в обрыве правого берега реки, отмечен выход культурного слоя открытого поселения, а в 0,5 км ниже, по течению, стоит наполовину обрушившаяся в реку сопка, со следами зольных прослоек в обрыве.

Городище расположено на правобережной, мысообразной возвышенности р. Ловати, против впадения в нее р. Карпинки, и принадлежит к типу укрепленных поселений усеченно-конической формы. Площадка его плоская, овальная, вытянута с востока на запад вдоль берега реки, огибающей ее с двух сторон. Часть южного склона, круто обрывающегося к реке, в результате размыва берега во время половодья обрушилась (рис. 32). С северной, напольной стороны небольшой пологий склон поселения отделен ложбинкой от высокого плато. Никаких внешних признаков оборонительных сооружений на городище, в прошлом, видимо, занятом пашней, не отмечено.

В течение 1954—1956 гг. было вскрыто 750 кв. м, что составляет более половины площади поселения, сохранившейся от разрушения. Раскоп охватил центральную часть поселения, при этом раскрыты и детально исследованы остатки сооружений, расположенные по периметру городища, с напольной и наиболее крутой, западной его стороны.

Культурный слой состоит из гумусированной супеси и подстилается красной материковой глиной. В центральной части площадки толщина его

² Я. В. Станкевич. Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции в 1953 г. — Архив ИИМК.

³ Я. В. Станкевич. Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции в 1951 г. — Архив ИИМК.

⁴ См. Архив ЛОИИМК, д. № 111 за 1928 г. — В отчете высказано предположение, что это не городище, а холм естественного происхождения.

не превышает 0,2—0,3 м; он светло-серой окраски и мало насыщен. Наибольшей мощности, до 0,8—1,10 м, слой достигает по периметру городища, здесь он ярко-черной окраски, насыщен различными бытовыми остатками и развалом глинобитных печей, колотого камня и обгорелых плах. В нижней части прослежены основания жилых и хозяйственных построек. За три года работ на городище раскрыто более 15 преимущественно жилых, а также производственных сооружений.

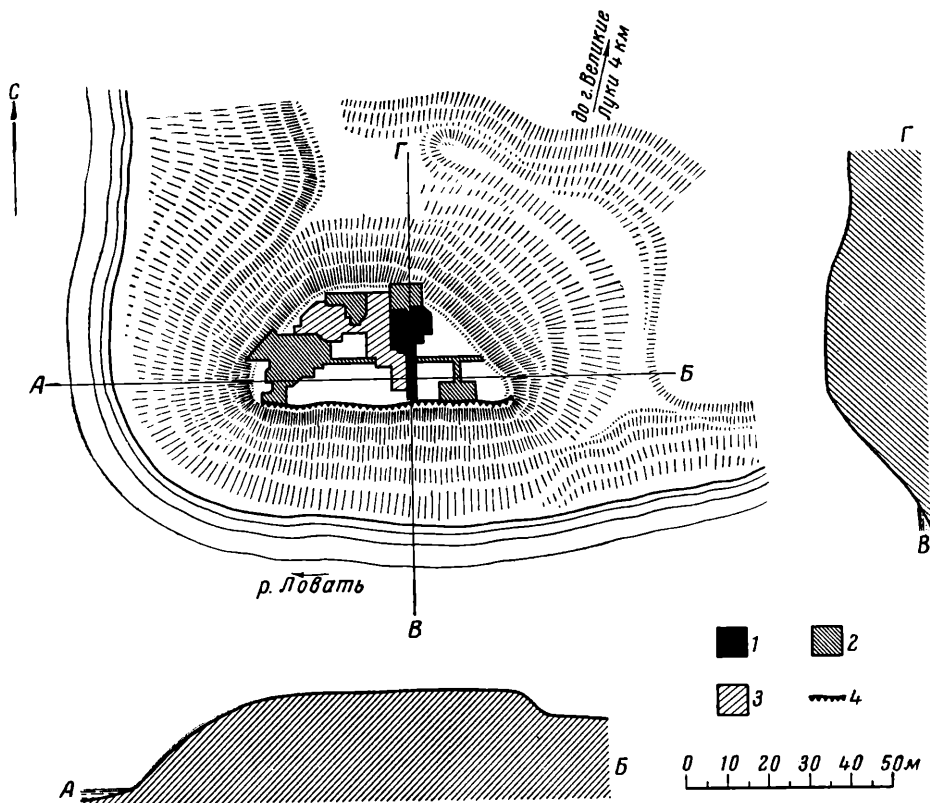

Рис. 32. План городища у д. Городище.

1 — раскоп 1954 г.; 2 — раскоп 1955 г.; 3 — раскоп 1956 г.; 4 — обрыв к р. Ловать.

По мере раскрытия поселения выявилась его планировка. Довольно тесно примыкающие друг к другу небольшие постройки образуют два-три параллельных ряда, вытянутых с юго-запада на северо-восток, вдоль северной и частично южной сторон площадки, а иногда расположены более беспорядочно. Между рядами построек прослежены узкие незастроенные участки, образующие как бы улицы. Середина площадки оставалась тоже незастроенной.

Большинство сооружений в верхней своей части определялось границами темного пятна, выделяющегося на более светлом фоне культурного слоя скоплением различного рода бытовых предметов, развалом стен и печей. В основании жилищ прослежены столбовые ямы и желобообразные или щелевидные углубления от стен, хорошо различимые в материковой глине. В отдельных жилищах, погибших от пожара, сохранились куски обгорелых бревен и плах и даже рухнувшие внутрь постройки части крыши из соломы и деревянных слег.

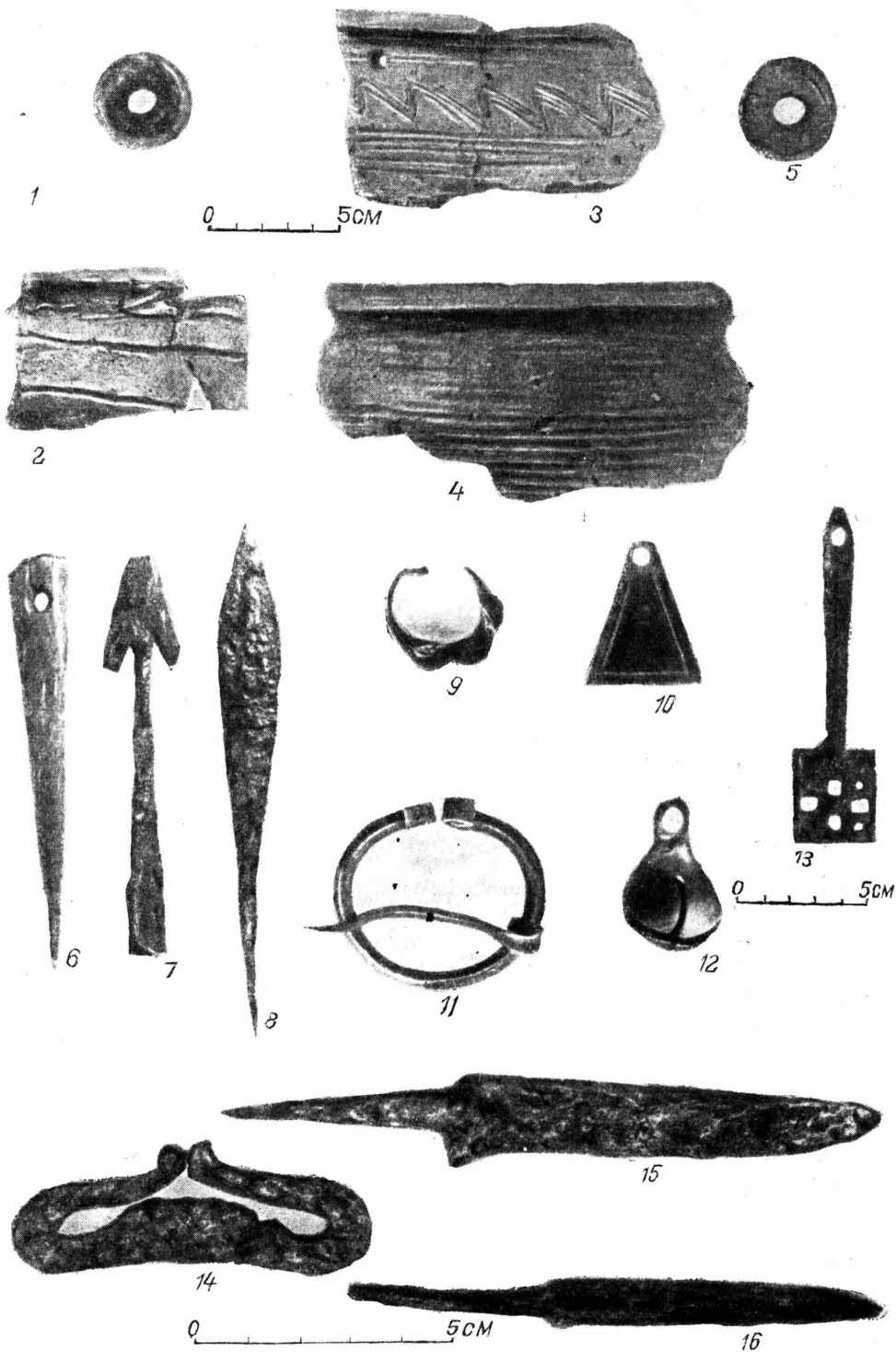

Рис. 33. Городище у д. Городище. Различные находки:

1, 5 — пряслица из шпифера; 2-4 — гонимая посуда; 6 — костяное острие; 7, 8 — железные наконечники дротика и стрел; 9-12 — украшения из бронзы; 13 — железный ключ; 14 — кресало; 15, 16 — ножи.

На основании прослеженных деталей можно предположить, что здесь соорудались небольшие наземные жилища размером 3,2—4 × 2,2—2,8 м, и лишь отдельные производственные постройки были больших размеров.

Основу их конструкции составляли глубоко впущенные в материк массивные угловые столбы с забранными в пазы горизонтальными плахами, образующими стены. Крыша, по-видимому, была двускатная, крытая соломой. Внутри построек сохранились остатки глинобитных печей, сильно деформированных, с осевшим вниз или развалившимся сводом. Реже встречались сложные из плит и валунов печи-каменки.

Интересно, что общераспространенный на поселении тип сооружений столбовой конструкции со стенами облегченного типа пережиточно сохраняется в современных крестьянских хозяйственных постройках ближайшего района. Наряду с этим на городище отмечена и другая, видимо, более древняя форма жилищ, по конструкции аналогичная предыдущим, но снабженная, кроме того, навесом, опирающимся на внешний ряд столбов. Архаичный характер жилых построек городища свидетельствует о генетических связях со славянскими поселениями типа Жабино предшествующей поры⁵.

Близ въезда на городище с напольной стороны обнаружены остатки кузницы с большим глинобитным горном, осевшим на под из перекаленных камней. Внутри помещения и у входа встречались куски железного шлака и различные целые и поломанные изделия из железа: топоры, ножи, ключи и замки, наконечники стрел и др., а также бронзовые подвески, перстни и другие предметы (рис. 33).

В наибольшем количестве на поселении встречена керамика — фрагментированные и целые сосуды, раздавленные землей. До 30% общего числа находок составляет лепная посуда — обычные горшки баночной формы, несколько вытянутой, с чуть отогнутым венчиком. Отличается она хорошим обжигом; в тесте примесь дресвы. Более разнообразна гончарная посуда — от грубостенной слабо профилированной, с неровно проведенными бороздками или волной (рис. 33—2), до профилированных, хорошо выделанных горшков, украшенных многорядной волной или параллельными бороздками (рис. 33—3, 4).

Остальной инвентарь из кости, камня, железа и бронзы, встреченный на городище, характеризует многообразную хозяйственно-производственную деятельность жителей поселка. Среди обильных костных остатков определены все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, в изобилии свинья (отмечена помесь домашней и дикой породы). Почти отсутствуют виды, характерные для более древних памятников: овца и лошадь. Домашний скот представлен не только мелкорослой породой, обычной в раннеславянских памятниках, но и более крупными видами.

Из костей диких животных отмечены: лось (*Alces alces*), кабан (*Sus scrofa ferus*), медведь (*Ursus agetos*) и некоторые виды мелких пушных животных.

На основании находок можно судить о развитии скотоводстве как одном из основных занятий населения. Сравнительно хорошо представлены охота и рыболовство (преобладают местные, речные породы мелких рыб) и другие вспомогательные промыслы.

Отметим, что, несмотря на разнообразно представленные ремесла — железоделательское, гончарное, костерезное и камнерезное, ювелирное, — в археологических материалах отсутствуют какие-либо данные, связанные с земледелием.

⁵ См. Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. — КСИИМК, вып. 71, 1958.

Среди найденных предметов украшения преобладают вещи, относящиеся ко второй половине X и XI вв. Лишь спорадически встречены находки XII—начала XIII вв.

До сих пор еще нет данных относительно оборонительных сооружений городища. Правда, при раскопках в 1956 г. на западной оконечности поселения была отмечена интересная деталь: наибольшая, почти отвесная здесь крутизна склонов была достигнута путем эскарпирования и подправки. Верхний край склона, кроме того, был укреплен вымосткой из крупных валунов и плит, разрушившей остатки более древних сооружений, имевшихся у склона.

В целом изучение материалов с городища у д. Городище указывает на принадлежность памятника к раннефеодальной эпохе. В это время на территории области, как и по всей северо-западной Руси, возникает ряд древних городских центров, таких как Торопец, Жижица, Усвяты, с XI в. упоминающихся на страницах древнерусской летописи. Несколько позднее появляется упоминание города Луки.

В. В. СЕДОВ

РАСКОПКИ В ГОРОХОВЦЕ

Город Гороховец впервые упомянут в русских летописях под 1239 г. в связи с его разорением татаро-монгольскими ордами: «Въ лето 6747... на зиму, взяша Татарове Мордовьскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязме воеваша, и градъ Святыя Богородица Гороховець пожгоша...»¹. Название Гороховца городом св. богородицы давало исследователям право считать, что он при основании был посвящен Владимирскому Успенскому собору, т. е. доходы с города поступали в пользу храма. Более того, некоторые исследователи полагают, что Гороховец в числе других слобод, поместий и угодий был пожалован Успенскому собору во Владимире еще в XII в. Андреем Боголюбским². Вторично Гороховец упоминается в письменных источниках только через триста лет — в 1539 г. в связи с набегами казанских татар на этот край³. Таким образом, время основания города и его ранняя история остаются неосвященными письменными документами.

В 1956 г. Владимирским областным краеведческим музеем было произведено археологическое обследование Гороховца⁴. Первые два разведывательных шурфа заложены на возвышенности, где сохранились остатки древних укреплений (рис. 34). Гороховецкое городище (размеры около 200 × 100 м) имеет очень крутые склоны с северной стороны, а с южной отделено от остальной части высокого берега р. Клязьмы глубоким (от 15 до 25 м) рвом с почти отвесными стенками. С юго-восточной стороны довольно хорошо сохранился земляной вал высотой от 3,5 до 5 м; с юго-западной — на месте древнего вала в середине XVII в. была построена кирпичная ограда Никольского монастыря, занимавшего в XVII в. западную часть городища. Более высокий уровень подошвы кладки монастырской стены свидетельствует о когда-то существовавшем здесь вале. Следов вала с северной стороны в настоящее время не заметно, но еще в середине XVIII в. остатки его были видны⁵.

¹ ПСРЛ, т. 1, СПб., 1846, стр. 201.

² «Исторические заметки о городе Гороховце». Владимирский сборник. Составил К. Тихонравов. М., 1857, стр. 108; Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губ. Владимир, 1913, стр. 423; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 191—192; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, стр. 41 и 171.

³ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. 5. Владимир, 1898, стр. 415.

⁴ Руководил работами автор статьи, в раскопках принимали участие научный сотрудник Владимирского музея Н. С. Горская и Н. Н. Лисицын.

⁵ Л. И. Бакмейстер. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, т. 1, ч. 2. СПб., 1722, стр. 124.

Срединная и северная часть Гороховецкого городища заняты постройками б. Никольского монастыря, остальная площадь — огородами и фруктовым садом, что сильно затруднило выбор места для раскопок.

Первый шурф (4 × 2 м) заложен в южной части городища, в 18 м к северу от основания вала. Под дерновым слоем толщиной 3—4 см залегал очень плотный серый слой с кирпичной крошкой, обломками изразцов XVIII в. и осколками оконного и бутылочного стекла. На глубине 0,25—0,4 м его сменил желтый суглинок, который продолжался до глубины 2,8 м. В верхнем горизонте его (на глубине 0,15—0,2 м) обнаружено несколько обломков черной лощеной посуды, ниже ничего не встречено.

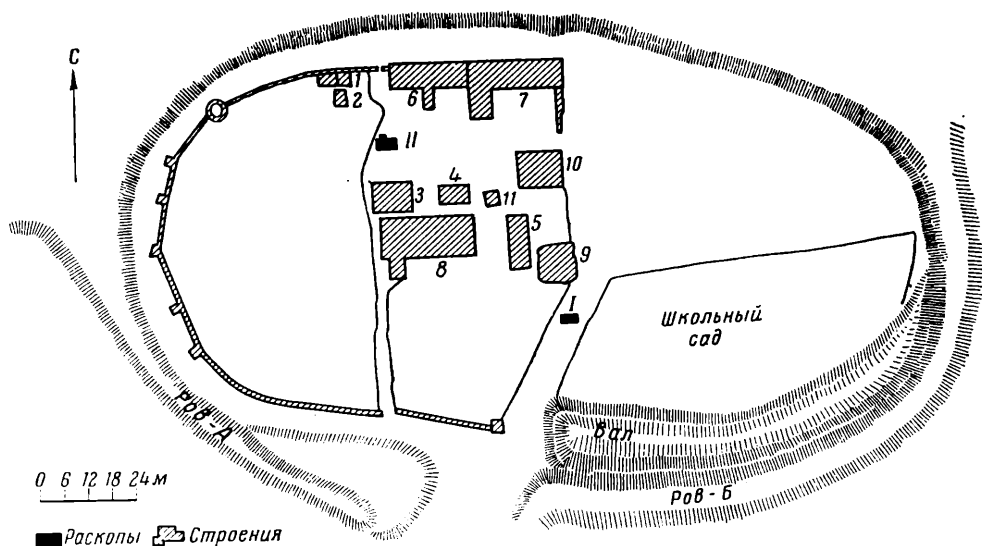

Рис. 34. План Гороховецкого городища.

1—5 — саран; 6 — жилой дом; 7 — церковь Иоанна; 8 — Троицкая церковь; 9 — развал на месте церкви Покрова; 10 — погреб; 11 — часовня; I, II — раскопы.

Образование верхнего серого слоя здесь связано с периодом существования Никольского монастыря (XVII—XX вв.). Слой желтого суглинка, вероятно, является насыпью вала, скрытой при основании монастыря. Отсутствие древнерусского культурного слоя осталось загадочным, тем более, что во втором раскопе, заложенном в 50 м от первого, древнерусский слой открыт.

Площадь второго раскопа равнялась 36 кв. м. Толщина культурного слоя не превышала 1 м (рис. 35). Верхний темно-серый слой содержал современную керамику. Ниже залегал бурый плотный слой с мелкими угольными включениями и многочисленными точечными включениями кирпичной крошки. Слой характеризуется большим количеством черной лощеной керамики и такой же по облику, тесту и обжигу, но без следов лощения. В нижних горизонтах, наряду с такой керамикой, встречены фрагменты красной лощеной посуды и единичные обломки древнерусской гончарной, характерной для нижнего слоя.

Нижний слой — светло-бурый, средней плотности содержал исключительно древнерусскую гончарную керамику, красной лощеной найдено всего 8 обломков. Толщина нижнего слоя колеблется от 0,07—0,1 м (в восточной части) до 0,3—0,5 м. Кроме керамики, встречены два железных ножа, точильный брусок, глиняное рыболовное грузило; два пряслица (одно биусеченоконической формы, вырезано из мергеля; второе, той же формы,

изготовлено из хорошо обожженной красной глины, по внешнему виду очень похожее на древнерусские шиферные пряслица — может быть, это подделка под шиферные пряслица), обломок черного гладкого стеклянного браслета, зонная бусина из прозрачного светло-зеленого стекла, днище глиняного

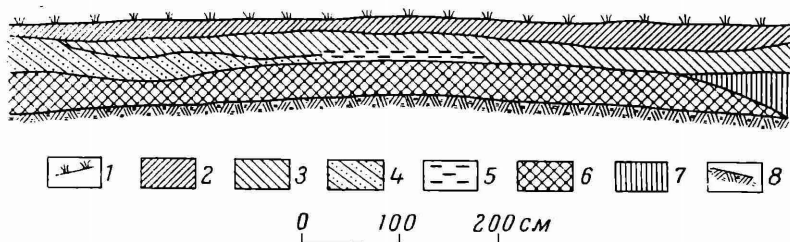

Рис. 35. Гороховецкое городище. Профиль южной стенки раскопа II.

1 — дерн; 2 — темно-серый слой; 3 — серый слой с мелкими включениями угля и точечными включениями кирпичной крошки; 4 — тот же слой с большой примесью желтого песка; 5 — красноватая глина; 6 — светло-бурый слой; 7 — перемешанный слой желтого песка и серой супеси; 8 — материк.

горшка с клеймом и двухсторонняя резная иконка-привеска из серого шифера.

Иконка четырехугольная, 34×27 мм, толщиной 6 мм. На лицевой стороне — поколенное изображение святого в нимбе (рис. 36—1). Волосы

Рис. 36. Иконка-привеска из серого шифера:

1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона.

изображены весьма схематично, бороды нет. Святой одет, по-видимому, в хитон с узкими длинными рукавами, в руках у него жезл, завершающийся крестом. На оборотной стороне поколенное мужское изображение в профиль без нимба и головного убора (рис. 36—2). Изображение деталей одежды, по-видимому, перепутано: вертикальные складки в верхней части и панцирная кольчуга внизу. Вероятно, неумелый резчик иконки хотел изобразить воина одетым в кольчугу и плащ, складками опускающийся до колен. Воина он видел на стенах белокаменных храмов Владимирской земли, но, не имея перед собой образца, перепутал детали одежды. Правая рука фигуры вытянута вперед и чуть приподнята, левой руки не видно. Возможно, в левой руке находится евангелие с крестом, изображенное на иконе. Техника

резьбы, непропорциональность частей тела фигур, некоторая схематичность рисунка указывают на то, что иконка-привеска не принадлежит к предметам древнерусского ремесленного производства, а изготовлена гороховецким горожанином для собственного пользования.

Для определения даты нижнего слоя городища среди найденных предметов важны стеклянная бусина и керамика. Зонные бусы из прозрачного светло-зеленого стекла изредка встречаются в древнерусских курганах, где датируются XII—XIII вв. Аналогичная гороховецкой бусина найдена

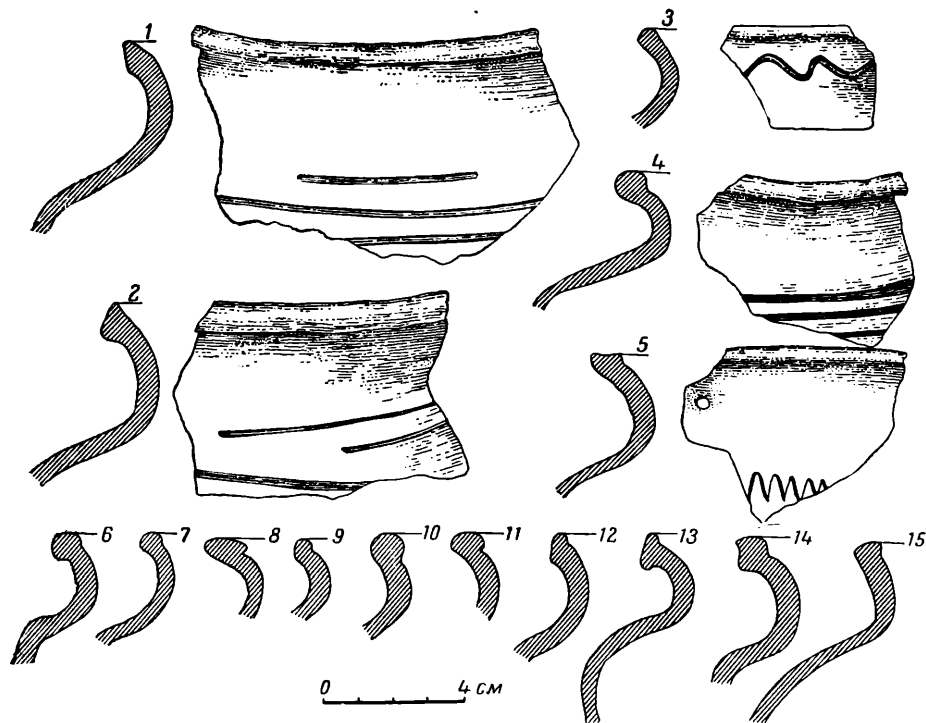

Рис. 37. Формы венчиков сосудов (1—15) из нижнего слоя.

в 1956 г. в домонгольском селище около с. Пировы Городищи (Вязниковский район Владимирской обл.). В Новгороде основная масса подобных бус (зеленые зонные третьего варианта) встречена в слоях 21—13 ярусов⁶, что соответствует 70—80-м годам XI в.—40-м годам XIII в. Таким образом, находка зонной светло-зеленой стеклянной бусины позволяет датировать слой XII—первой половины XIII вв.

Среди керамики нижнего слоя преобладают венчики, которые, судя по форме, тесту и обжигу, в других археологических памятниках датируются XII—XIII вв. (рис. 37—2,4—15). Преобладающая форма сосудов — горшки. Глиняное тесто серое или черно-серое с немногочисленной примесью мелкой, реже средней, дресвы; обжиг средний, неравномерный; наружная и внутренняя поверхности серо-коричневой или серо-желтой окраски. Толщина стенок сосудов 4—6 мм. Диаметр — 14—22 см. Подобная керамика встречается в слоях XII—XIII вв. в городах Северо-восточной Руси,

⁶ Ю. А. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. — МИА, № 55, 1956, стр. 168—169 и табл. 2. Новгородские бусы этого типа несколько меньше по своим размерам.

например во Владимире⁷, в Ярославле⁸, в Старой Рязани⁹, на ранне-московских городищах¹⁰ и др.

Вместе с тем среди керамики нижнего слоя обнаружены единичные черепки сосудов более раннего времени (рис. 37—1, 3). По тесту и обжигу они близки описанной выше посуде и отличаются главным образом формой венчика. Горшки с такими венчиками известны из курганов Гнездовского могильника¹¹, из курганов X—XI вв. Смоленщины и Полотчины¹², из поселений XI в. в окрестностях Киева и Чернигова¹³ и др. Таким образом, керамика подобного типа датируется X—XI вв. Учитывая единичность фрагментов этой посуды в нижнем слое Гороховецкого городища и сходство ее по тесту и обжигу с керамикой XII—XIII вв., нижний слой можно датировать от рубежа XI—XII вв. до середины XIII в. (до монгольского разорения города)¹⁴. Нужно полагать, что первые славянские поселения появились здесь в конце XI или в самом начале XII в., а в XII в. поселение стало городом. Для последнего заключения очень важны были бы раскопки древнегороховецкого вала, которые пока не проводились.

Третий шурф (4 × 4 м) был заложен внизу, в 60 м севернее Воскресенской церкви, находящейся у основания городища. Под дерном до глубины 0,65—0,75 м залегал бурый слой, сильно насыщенный перегнившим деревом, с керамикой XIX—XX вв. Ниже до материка (1,8 м от поверхности) шел черно-серый слой с редкими мелкими угольными и точечными включениями глины и извести. Основная масса керамики, собранной здесь, состоит из черной лощеной посуды. Кроме того, обнаружено свыше десятка черепков древнерусской гончарной керамики XII—XIII вв. Вместе с находками XVI—XVIII вв. на глубине 1,15 м) и два обломка стеклянных браслетов (на глубине 1,3 и 1,75 м). Все это свидетельствует о наличии домонгольского слоя, который, по всей вероятности, был полностью перекопан в XVI—XVIII вв.

Шарообразные бубенчики с линейной прорезью, судя по новгородским датировкам, сверенным с курганными материалами, бытовали с XI до середины XIII вв. Среди обломков стеклянных браслетов один принадлежал черному гладкому браслету, второй — витому из прозрачного зеленого стекла. Частое рельефное витие указывает на раннюю дату изделия (вторая половина XI—XII вв.). Следовательно, уже в XII в. Гороховец занимал не только возвышенность, где сохранились остатки укреплений, его посад вырос внизу, у подножья городища. Предположения историков о существовании Гороховца в XII в. на основе письменных данных находят подтверждение уже при первом археологическом обследовании.

⁷ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. — МИА, № 11, 1949, рис. 30а—6 и 30б—7.

⁸ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. — Там же, рис. 9 и 10а.

⁹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955: «Керамика второй и третьей групп характерна для XII—XIII вв.» (стр. 125).

¹⁰ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 127 и рис. 46, 21—29.

¹¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 124 и 126.

¹² А. Н. Лауданский. Курганы магильник каля в Чаркасова, Аршанские акруги — Працы археологічнай камісіі, т. 2. Менск, 1930, стр. 57—70, кург. 3 и 11; А. Н. Лауданский. Археологічная досьледы у вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі у Смаленскай губерні. — Там же, стр. 279, табл. 1, рис. 12 и др.

¹³ П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 142—149 и рис. 2 (нижний слой); В. А. Богусевич. Работы Чернігівської експедиції. АП УРСР, т. 3, 1952, стр. 115 и табл. 1, 3.

¹⁴ Восемь фрагментов красной керамики с вертикальным лощением, найденные в нижнем слое, не противоречат датировке: такая керамика появляется в городах Владимирской земли еще в домонгольское время.

В 0,6 км восточнее Гороховецкого городища, на таком же высоком берегу р. Клязьмы, экспедиция обследовала древнерусский курганный могильник, состоящий из 69 круглых в плане насыпей. В археологической литературе нет упоминаний об этой группе. Курганы расположены скученно, близко друг к другу, занимая площадь около 100 × 60—90 м. Большинство их задерновано и поросло высокими соснами. Только две курганные насыпи повреждены ямами и один испорчен дорогой. Кольцеобразных ровиков вокруг насыпей не заметно. Высота курганов от 0,2 до 1,3 м (в большинстве — 0,3—0,5 м), диаметр — от 3,2 до 8,6 м.

В 1956 г. раскопано два кургана (№ 10 и 35). Насыпи состояли из желтого песка с многочисленными зольными включениями и пятнами красновато-желтой глины. В северной половине основания кургана № 10 прослежена зольная прослойка толщиной в 3—10 см. Под насыпями в материке обозначились могильные ямы, их заполнение не отличалось от самих насыпей. В кургане № 35 были две могильные ямы, каждая глубиной около 0,4 м. На дне ям лежало по одному скелету, оба мужские, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. В могильной яме кургана № 10, глубиной 0,3 м, открыт мужской скелет, обращенный головой на юго-запад. Никаких вещей при захоронении не оказалось, что затрудняет датировку курганов.

А. Ф. ДУБЫНИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
1955 ГОДА В ЗАРЯДЬЕ (МОСКВА)

Московской экспедицией ИИМК АН СССР в 1955 г. на строительной площадке в Зарядье г. Москвы производились раскопки на участке № 5, где были продолжены исследования 1953—1954 гг., и на участке № 10, где заложен новый раскоп¹.

На участке № 10 (угол Елецкого и Максимовского пер.) были частично обнаружены остатки каменной постройки XVI—XVII вв., часть кладбища XV—XVII вв. и открыт культурный слой XII—XIII вв. В последующем году исследования были продолжены, и описание результатов двухлетней работы на этом участке будет дано особо.

На участке № 5 (во дворе дома № 6 по Елецкому пер.) раскоп 1954 г.² был расширен в южную сторону на 88 кв. м.³ Мощностъ культурного слоя, как и в 1954 г., достигала 5,2 м. Нижний пласт на глубине 4,6—5,2 м от современной поверхности выделялся темно-бурой окраской, характерной для наиболее ранних пластов Зарядья, содержащих довольно много находок домонгольского времени.

На этой глубине не было каких-либо построек. Однако в предматериковом пласте, почти на уровне древней погребенной почвы, была обнаружена часть двери (длина 0,82 м, ширина 0,17 м) с двумя шпонками. Недалеко от нее, на том же уровне, находились остатки тонкой жерди, длиной 0,75 м, часть бревнышка, диаметром 0,11 м, и небольшое угольное пятно (0,6 × 0,35 м). Эти незначительные остатки, видимо, отмечают уровень наиболее древнего жилого горизонта и подтверждают высказанное ранее предположение, что на этой территории, очевидно, находились приусадебные участки древней Москвы.

Кроме фрагментов стеклянных браслетов (рис. 38, 1—5), очень часто встречающихся в этой части Зарядья, на глубине 5,1—5,2 м обнаружены железные предметы — трубчатый замок (рис. 39 — 4) и дужка от деревянного ведерка (рис. 39 — 1), пастовая бусина, а в пласте на 0,1 м выше —

¹ Состав экспедиции 1955 г.: А. Ф. Дубынин (начальник), Р. Л. Розенфельдт (зам. начальника), научные сотрудники и лаборанты: Розенфельдт И. Г., Крис Х. И., Красновская Н. А., Смирнов К. А., Раздорская И. А. и др. Работы велись за счет строительства. Успешному осуществлению возложенных на экспедицию задач способствовало содействие со стороны нач. управ. строительства многоэтажных зданий г. Москвы К. П. Попова, глав. инж. С. А. Каплун, сотр. управ. И. В. Митрофанова и Е. С. Котиковой, а также нач. СУ-1 Ю. П. Зотова и глав. инж. Г. В. Чаквиани, за что экспедиция выражает им благодарность.

² См КСИИМК, вып. 57 и 65.

³ Раскоп вела Х. И. Крис.

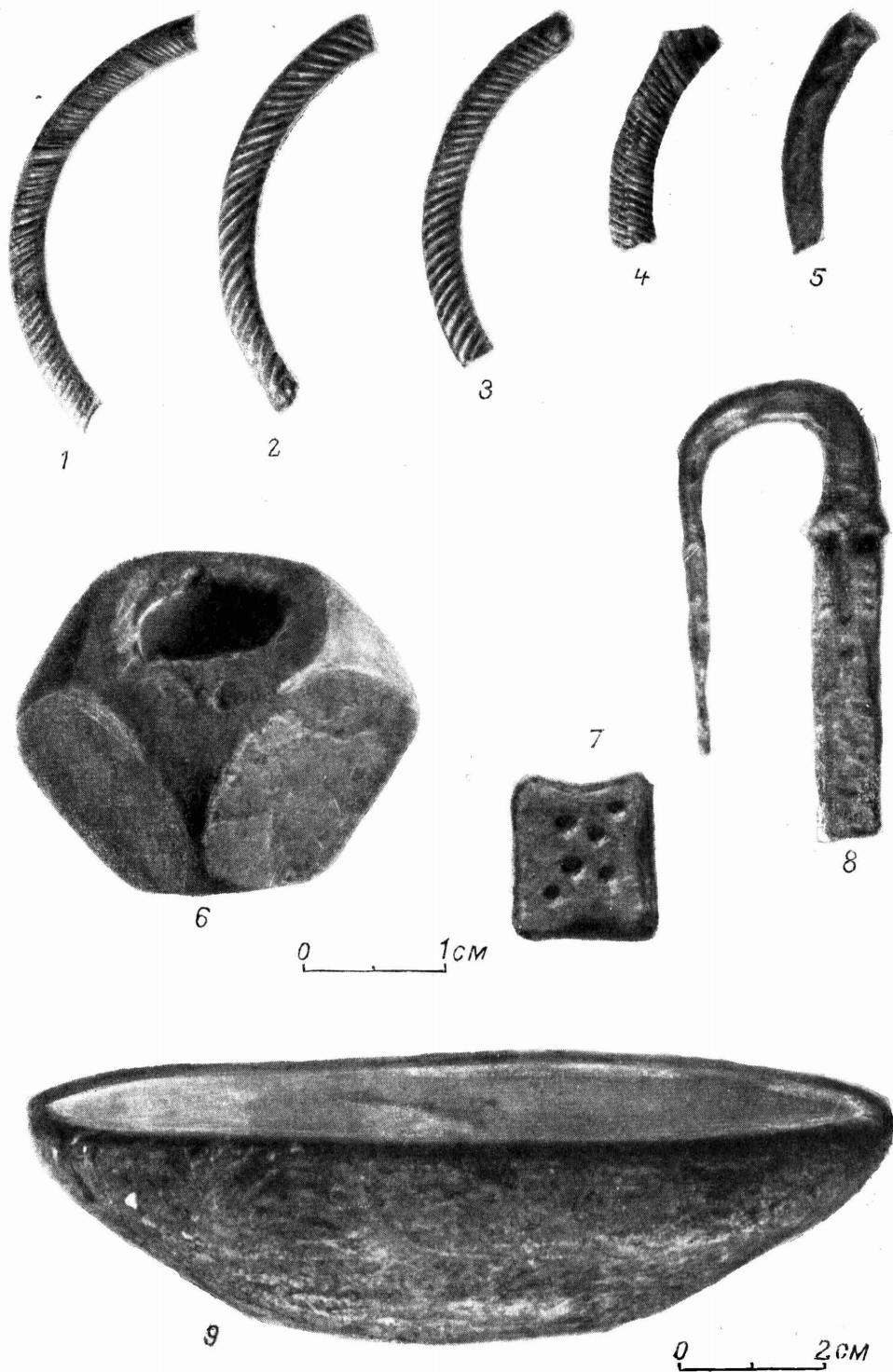

Рис. 38. Москва. Раскопки в Зарядье. Вещи из слоя XII—XIV вв.
 1—5 — стеклянные браслеты; 6 — навершие булавы; 7 — свинцовая гирька; 8 — дужка замка;
 9 — глиняная мисочка.

железный наконечник стрелы (рис. 39—5), нож (рис. 39—6), железная булавка, две стеклянные бусины и серо-глиняная мисочка (рис. 38—9).

На глубине 4,8—5 м найдены железный шлак, фрагмент тигля, дужка железного замка (рис. 38—8), обломки двух ножей и три стеклянные бусины.

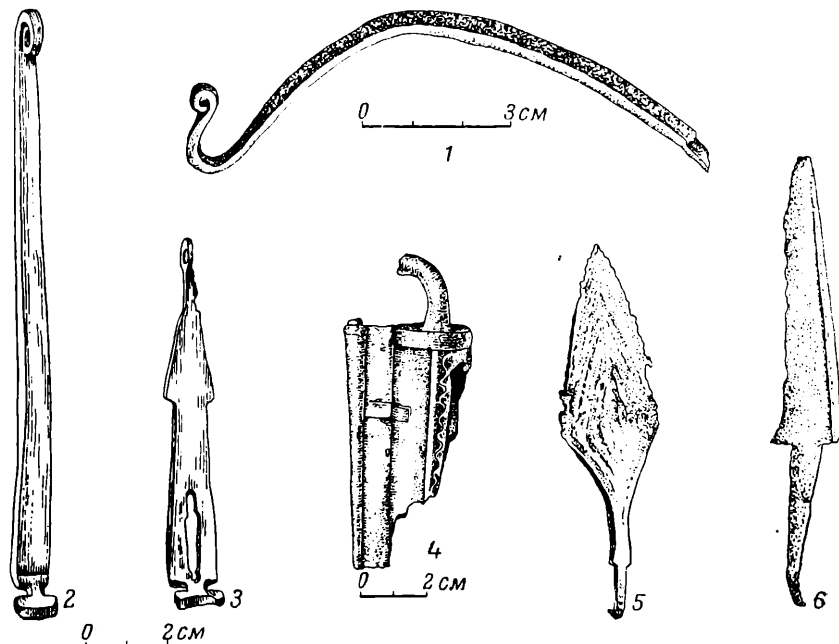

Рис. 39. Москва. Раскопки в Зарядье. Вещи из слоя XII—XIV вв.

1 — дужка от ведра; 2, 3 — ключи; 4 — замок; 5 — наконечник стрелы; 6 — нож.

В раскопе 1955 г. на участке № 5 найдено 53 фрагмента стеклянных браслетов разных цветов, причем в слое они распределялись примерно так же, как отмечено и в 1954 г.:

на глубине 5,0—5,2 м	— 28 экземпляров	52,8%
„ „ 4,8—5,0 м	— 20 „	37,8%
„ „ 4,6—4,8 м	— 4 „	7,5%
„ „ 4,0 м	— 1 „	1,9%

В предматериковой прослойке (глубина 5,1—5,2 м) встречено 13 фрагментов (24,5%), а в прослойке на 0,1 м выше — 15 экземпляров (28,3%). Таким образом, как и в предшествующем году, наиболее насыщенный браслетами пласт отмечен несколько выше материка. Браслеты преимущественно крученые, составляющие 58,6%, гладкие — 20,6% и гладкие перетянутые желтой линией — 7,6%.

Часто встречаемые стеклянные браслеты в нижнем пласте древней Москвы, по-видимому, бытовали не только в XII—XIII вв., но были в употреблении и позже — в XIV в., на что указывают также материалы раскопок 1953—1954 гг.

В пласте на глубине 4,6—4,8 м характер находок меняется. Кроме четырех фрагментов стеклянных браслетов, встречены два ключа (рис. 39—2, 3), дужка железного замка XII—XIII вв., два фрагмента глиняных среднеазиатских сосудов (рис. 40—7, 8) того же времени⁴, медная

⁴ Датируется по материалам раскопок в Болгарах А. П. Смирнова

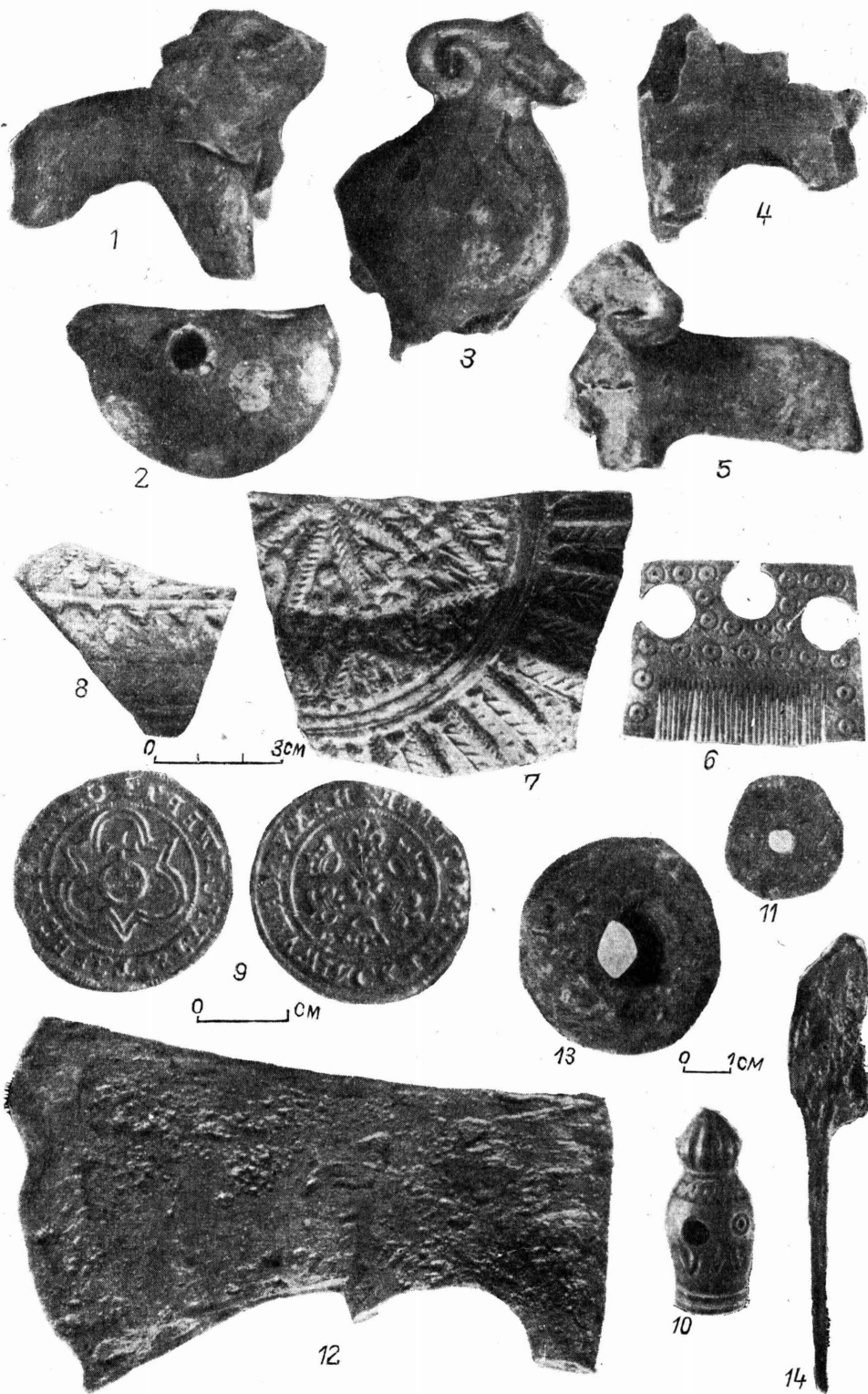

Рис. 40. Москва. Зарядье. Вещи из слоя XIII—XVII вв.

1—5 — детские глиняные игрушки; 6 — медный гребень; 7, 8 — среднеазиатская керамика; 9 — счетный жетон; 10 — костяной наконечник стрелы; 11 — присланце; 12 — топор; 13 — грузило; 14 — нож.

серьга, навершие булавы (рис. 38—6), свинцовая гирька (рис. 38—7). Навершие булавы аналогично найденным на Княжьей горе⁵, в Райковецком городище⁶, в Колодяжине⁷, где они датируются XIII—XIV вв. Свинцовая гирька весом 5,82 г. — четырехгранная, боковые грани несколько вогнуты, на поверхности их шесть углублений, расположенных по диагоналям. По весу гирька кратна шести монетным весовым единицам, имевшим хождение на Руси в конце XIV—начале XV вв., по форме — аналогична золотоордынским гирькам того же времени⁸.

На глубине 4,4—4,6 м, где стеклянные браслеты уже отсутствовали, найдены фрагмент тигля и железные ножи (рис. 41—4), крючок, шило, костяные накладки и навершие ручки ножа, деревянная ложка, берестяной туесок и др.

Находки на глубине 4,6—4,8 м нескольких фрагментов стеклянных браслетов, ключей и замков ранней формы, обломков среднеазиатской глиняной посуды, булавы, гирьки дают достаточно оснований датировать пласт концом XIII—началом XV вв.

Что же касается даты более глубокого пласта, лежащего на глубине 4,8—5,2 м, то, несомненно, он относится к XII—XIII вв. Пласт характеризуется керамикой с линейным и волнистым орнаментом, типичной для древнерусских городов и курганов XII—XIII вв.

На глубине 4,4—4,5 м в раскопах 1954—1955 гг. обнаружены остатки плохо сохранившейся постройки со следами пожара и яма с обожженным зерном. Незначительность комплекса не дает каких-либо оснований для определения размеров и назначения постройки, однако она позволяет установить один из наиболее ранних строительных горизонтов на этом участке Зарядья.

В юго-западной части раскопа на глубине 4,2 м обнаружены следы канавы глубиной до 0,5 м, в которой находилась дренажная труба длиной 1,3 м, состоявшая из двух выдолбленных в середине полубревен и проложенная в направлении юго-запад-запад — северо-восток-восток.

Среди находок, сопровождавших остатки сооружений, на глубине 4—4,4 м выделяются по количеству детские глиняные игрушки. Их найдено десять и, кроме того, 5 экземпляров в яме, относящейся, по-видимому, к этому же времени и заполненной щепой, костями животных и обгоревшим зерном (просо). Игрушки в виде птички (свистульки), медведя, барана, лошадки (рис. 40—2, 4, 5), небольших размеров; некоторые из них покрыты пятнами белого ангоба или сплошь ангобированы. Датируются они XV в.⁹

Помимо игрушек найдены предметы из железа: наконечник стрелы, четыре ножа, один из них с клеймом (рис. 41—6), дужка замка, часть светца, скоба, пробой; из дерева — счетная бирка (рис. 41—3), ковш, части двух чаш, две ложки, а кроме того, два каменных грузила; кожаный футляр для копья и два красноглиняных кувшина с лощением (рис. 42—1, 2) и др. Находки не противоречат датировке этой части культурного слоя XV в.

Выше, на глубине 3,4—4 м, в южной части раскопа встретилось большое количество остатков жердей и кольев, использовавшихся в устройстве креплений дренажных канав, ориентированных в направлении запад—восток.

По особенностям обработки дерева и расположению сохранившихся остатков креплений удалось установить, что канав было три, они постепенно

⁵ Коллекции Черниговского музея.

⁶ Коллекции Киевского музея.

⁷ Коллекции Киевского музея. Раскопки В. К. Гончарова, 1948 г.

⁸ Определение произведено нумизматическим отделом Гос. Исторического музея в Москве.

⁹ М. В. Фехнер. Глиняные игрушки московских гончаров. — МИА, № 12.

заменяли друг друга. Наиболее ранняя из них (шириной 0,6, глубиной 0,4 м) расположена севернее других. Бока ее были укреплены как бы стеной (высотой 0,4—0,5 м) из положенных горизонтально друг над другом

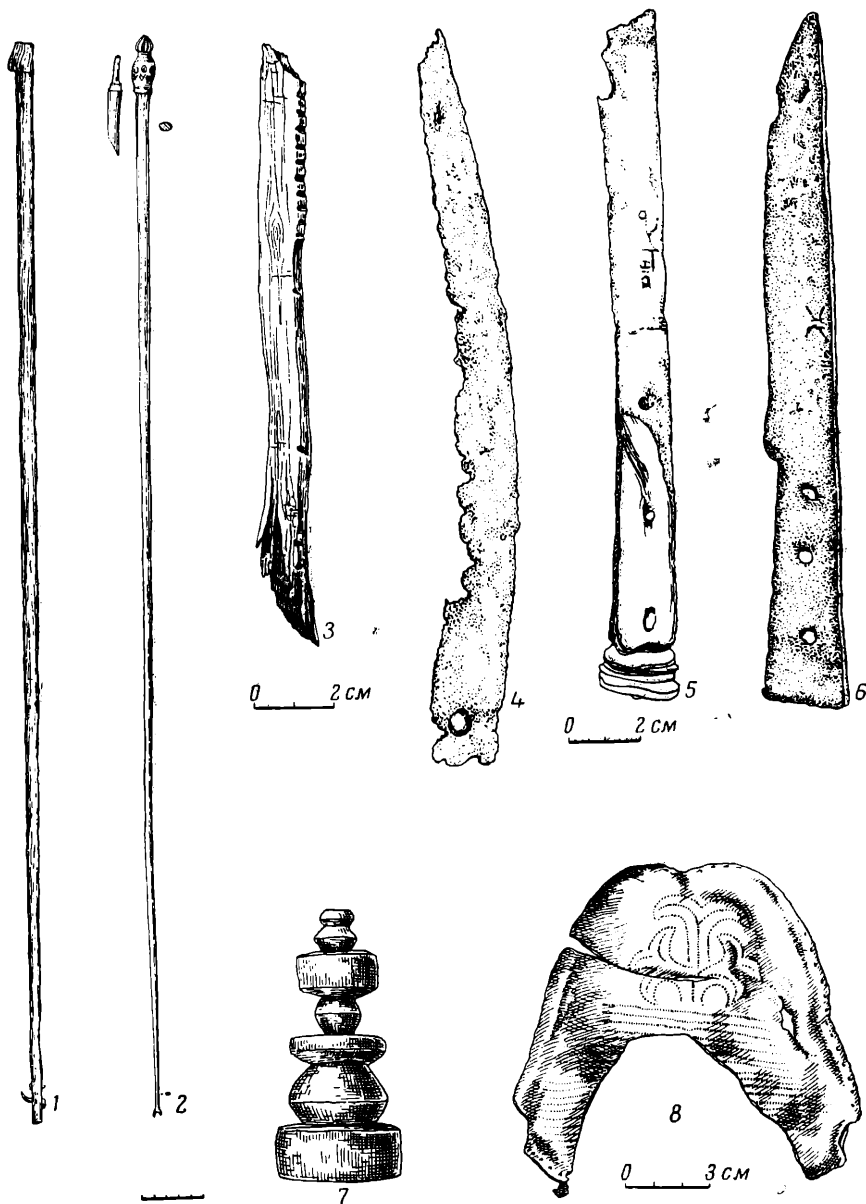

Рис. 41. Москва. Зарядье. Вещи XIII—XVII вв.

1 — шест для доставания воды из колодца (XVII в.); 2 — стрела с костяным наконечником (XVI в.); 3 — счетная бирка (XV в.); 4 — нож (XIII—XIV вв.); 5 — нож (XVI в.); 6 — нож (XV в.); 7 — шахматная фигура (XVI в.); 8 — часть обуви (XVI в.)

в семь рядов жердей. Жерди крепились вбитыми в дно канавы на расстоянии 0,8 м вертикальными колышками с затесанными на четыре стороны нижними концами. После того как этот водосток пришел в негодность, рядом, с южной стороны выкопана новая канава тех же размеров, причем северная стенка старой канавы была разобрана, а южная стала служить

северной стенкой для новой канавы, южная стенка которой была укреплена иначе — часто поставленными кольями с плоско обрубленными нижними концами.

Через некоторое время, когда и вторая канава пришла в негодность, с южной стороны ее прокопана третья, примерно, прежних размеров. Стенки ее были укреплены вертикальными кольшками, вбитыми в дно на некотором расстоянии друг от друга. Концы кольшковых были затесаны на четыре плоскости. У основания стенок они крепились положенной с внутренней стороны жердью, которая, в свою очередь, закреплялась тремя-четырьмя

Рис. 42. Кувшины XV в. из раскопок в Зарядьс.

небольшими кольшками. При расчистке нижних частей кольшковых в ряде случаев обнаружено, что они были обвиты прутками. Это дает полное основание считать, что стенки третьей канавы укреплялись плетнями.

Третья канава, по-видимому, не менее двух раз дополнительно укреплялась и перестала существовать после пожара, в результате которого обгорели верхние концы кольшковых. Позже на этом месте роется неглубокая водосточная канава подобной же конструкции (канавы № 4).

На той же дневной поверхности обнаружены вертикально стоящие колья от заборов, части бревен от разрушенных, по-видимому хозяйственных, построек, внутри одной из них пол застлан прутьями; прослежены также два ряда вбитых в землю кольшковых, которые шли под прямым углом и, очевидно, принадлежали хозяйственной постройке, находившейся рядом с четвертой водосточной канавой.

В пласте, где залегали остатки дренажных канав и построек, обнаружены предметы из железа — десять ножей разной формы (рис. 40—14; рис. 41—5; из них два с клеймом), шило, наконечник стрелы, светец, врезные замки, крюк для подвешивания, подковы от обуви и конская; из

кости — игла, навершие стрелы, насаженное на тонкое древко (0,8 м) с раздвоенным концом (рис. 40—10, рис. 41—2), гребень; второй гребень был медный с кружковым орнаментом (рис. 40—6) и третий гребень деревянный, кроме того, из дерева шахматная фигурка (рис. 41—7), четыре ложки и другие поделки. Из керамических изделий отметим 12 детских игрушек — медведи (рис. 40—1), лошадки, бараны (рис. 40—3), а также часть днища горшка с клеймом, два поливных сосудика и фрагменты белоглиняной поливной привозной посуды (XIV—XV вв.).

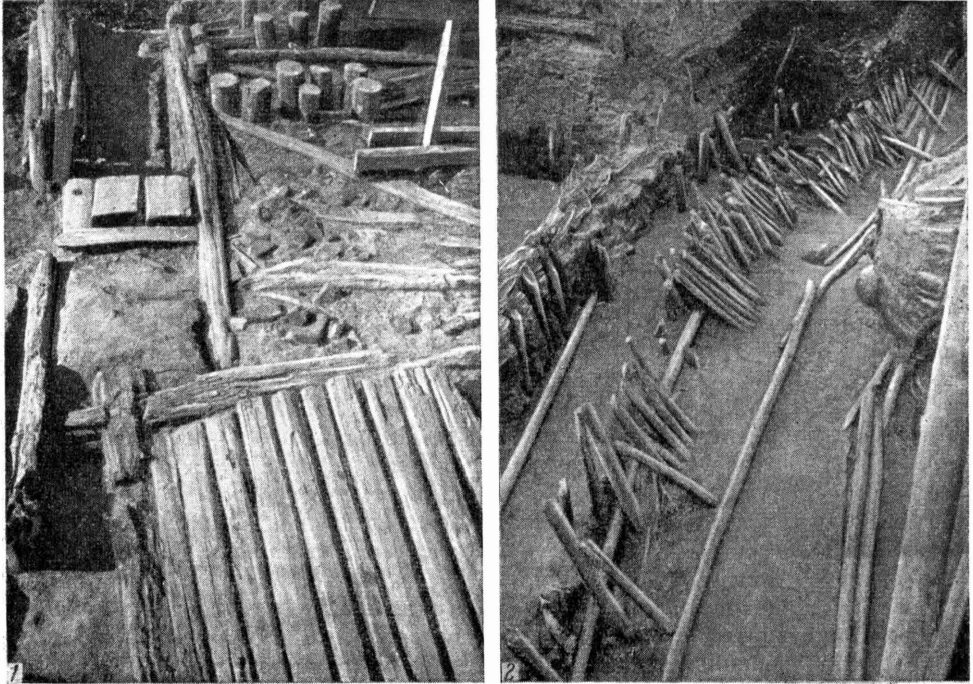

Рис. 43. Москва. Зарядье. Остатки сооружений XVI—XVII вв.

1 — остатки дома с пристройкой, забора и выхода к колодцу (XVII в.); 2 — остатки укреплений дренажных канав (XVI в.).

Кроме того, здесь найдены рыболовные грузила (рис. 40—13), шиферное, известняковое (рис. 40—11) и глиняные пряслица, остатки обуви (рис. 41—8), кисти из волоса лося или оленя, часть жернова, фрагменты надгробной плиты и архитектурной детали.

Судя по характеру детских игрушек и поливной керамики, пласт этот может датироваться первой половиной XVI в. Очевидно, в период XV и первой половины XVI в. происходит более интенсивная застройка участка, проводятся мероприятия по осушению почвы, возводятся дренажные сооружения (рис. 43—2). Начавшийся в это время период строительства каменных зданий, главным образом посадских церквей, также нашел отражение в находках (архитектурная деталь, часть надгробной плиты).

В 1954 г. на глубине 3,2—3,4 м открыты остатки усадьбы, огороженной плетнем, с жилым домом и часть кирпичного сооружения, условно названного «чаном»¹⁰. В 1955 г. кирпичное сооружение раскрыто полностью. Оно состояло из двух частей, круглой и квадратной, соединенных между собой

¹⁰ См. КСИИМК, вып. 65, стр. 123.

сплошной кирпичной вымосткой. Длина сооружения равна 4,5 м, высота сохранившейся части около 0,8 м. Стенки сложены в один кирпич, размером $22 \times 11 \times 5$ (6) см¹¹. Сооружение углублено в землю. Дно и стенки, по-видимому, были обмазаны водонепроницаемым слоем глины. Наиболее вероятно предположение, что сооружение это использовалось в кожевенном производстве. Очевидно, оно может быть отнесено к числу производственных ям, выложенных кирпичом и использовавшихся при выделке сафьяна, которые упоминаются в документах XVII в.¹²

Ожнее этого сооружения на 1 м обнаружены остатки плетня, расположенного в направлении запад—восток. В 1954 г. с северной стороны усадьбы также был открыт плетень. Расстояние между плетнями равно 15 м, что, очевидно, соответствует ширине усадьбы, в которой и находились жилой дом с пристройкой, принадлежавший мастеру сафьянного дела, и его производственные сооружения. Усадьба датируется XVI в.

На расстоянии 1—0,8 м от южного плетня вскрыты остатки еще одного плетня, ориентированного в том же направлении, и, по-видимому, ограждавшего соседнюю усадьбу. Между плетнями отмечена тонкая прослойка перемотого песка; судя по этой прослойке, здесь проходила сточная канава (№ 5), разделявшая усадьбы.

В пласте культурного слоя, где залежали остатки южной части усадьбы с кирпичным сооружением (глубина 3—3,4 м), были обнаружены железные предметы: топор (рис. 40—12), 5 ножей (два из них с клеймами), шило, замок и 2 ключа, 2 скобы, светец с несколькими разветвлениями, переплет от окна со слюдой, пряжка, подковы от обуви (24 экз.); деревянные предметы: две шахматные фигурки и часть чаши; глиняные — игрушка-баранчик, рыболовное грузило, заготовка пряслица в виде кружка из серого лощеного черепка, белоглиняный горшок, фрагмент тигля, а также медные фигурные накладки; заготовки печатей из известняка¹³, кожаные ножны, полавки из бересты, небольшое чугунное ядро, свинцовая пуля от огнестрельного оружия и др.

Наиболее интересной находкой (на глубине 2,8—3 м, соответствующей дневной поверхности усадьбы) можно считать обломок белоглиняного кувшина с процарапанной по краю горла у венчика надпись «Кувшин Федорин» (рис. 44). По определению М. В. Щепкиной, надпись на кувшине может быть отнесена к XV или первой половине XVI в. Однако на основании всего найденного на этой глубине комплекса вещей пласт датируется второй половиной XVI в.

Позднее, примерно на том же месте, где ранее проходила водосточная канава № 5, была сооружена новая канава (№ 6). Стенки ее уже слегка скошены внутрь (ширина в верхней части — 0,5 м, у основания — 0,4 м) и обложены короткими досками и жердями, которые укреплялись вертикально вбитыми в дно кольшками на расстоянии 0,25—0,5 м друг от друга. Дно было без обкладки. Судя по уровню тонкой прослойки намытого песка, глубина канавы — 0,35—0,4 м.

Таким образом, удалось выявить, что в течение XVI в. в южной части раскопа сооружались одна за другой шесть дренажных канав различной конструкции. Затем эта территория застраивается. Возникает жилой дом с пристройкой, огороженной деревянным, ориентированным в новом направлении — с севера на юг — забором, который делит участок на две части — восточную и западную. Этот комплекс (сооружение № 24) открыт на глу-

¹¹ Ранее указанный размер кирпича $8 \times 14 \times 30$ см (см. КСИИМК, вып. 65, стр. 123), как выяснилось в 1955 г., не характерен для сооружения.

¹² См. ниже публикуемую статью Х. И. Крис «О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье».

¹³ Ранее опубликованный из раскопа № 5 аналогичный предмет, очевидно, тоже относится к печатям. — См. КСИИМК, вып. 65, рис. 40—6.

бине 2,4—2,8 м. От жилой постройки уцелела часть нижнего венца сруба, рубленного в обло, внутренние размеры его 3,25 × 3,25 м. Сохранились следы настила пола. С трех сторон дома была создана завалинка, шириной 0,4 м, укрепленная бревнышками и вертикально стоящими кольшками. С северной стороны к жилому дому примыкали остатки пристройки, у которой южные концы бревен восточной и западной стен были закреплены в вертикальных пазах двух столбов, врытых по углам дома, а северная стена дома служила южной стеной пристройки. Подобные пристройки уже наблюдались на других участках в Зарядье. С западной стороны построек сохранились остатки забора из стоящих на некотором расстоянии вертикальных столбов, в боковых продольных пазах которых закреплены горизонтально лежащие бревна. Весь комплекс строений носит следы сильного пожара.

Среди остатков основной постройки (глубина 2,4—2,8 м) обнаружены два ножа (из них один с клеймом), кожаные ножны, железный пробой, подсвечник, подкова от обуви, три фрагмента красных изразцов и др. На площади пристройки, кроме скопления горелой ржи, найдены топор, нож, пробой, деревянная колотушка для хозяйственных целей и другие предметы.

К северу от сооружений, на участке раскопок 1954 г., на той же глубине обнаружены остатки построек со следами пожара. Есть основания предполагать, что пожар произошел в начале XVII в. и связан с событиями Польской интервенции в 1611 г.

Под сооружением № 24 и в других частях раскопа собрано наибольшее количество красных рельефных изразцов (рис. 45—1, 2). По-видимому, дневную поверхность на глубине 2,8 м и остатки сооружений, связанных с ней, следует датировать временем распространения красных изразцов, т. е. концом XVI—началом XVII в. В этом же пласте найден счетный жетон, изготовленный нюрнбергским мастером Гансом Краувинкелем (1580—1611) (рис. 40—9)¹⁴. Находки счетных жетонов на территории СССР до настоящего времени были известны только в Сибири и на о. Фаддея. О ввозе счетных жетонов в Россию в XVII в. сообщает Кильбургер¹⁵.

По-видимому, вскоре после пожара на месте сгоревшей усадьбы теми же владельцами был построен новый дом. План вновь возникших жилой

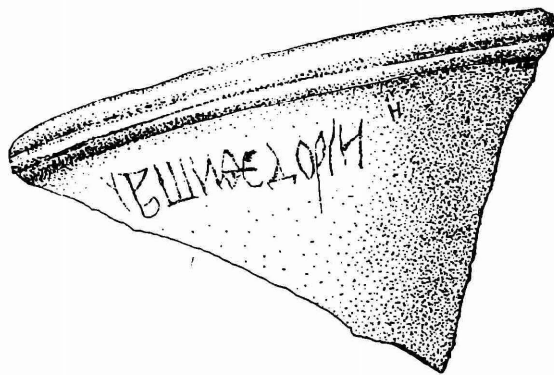

Рис. 44. Часть кувшина с надписью: «Кувшин Федорин». Москва. Зарядье, XVI в.

¹⁴ Определение произведено науч. сотруд. отдела нумизматики ГИМ Н. Д. Мец.

¹⁵ Б. Курц. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

и хозяйственной построек почти полностью повторял предшествующий (рис. 43—1).

От жилого дома (сооружение № 22) сохранились остатки трех нижних венцов сруба из дубовых бревен диаметром в 0,2 м, рубленного в обло с прокладкой мха. Внутренние размеры сруба — 3,8 × 3,8 м; видимо, с севера, со стороны двора находился вход в две ступеньки. Внутри дома уцелели остатки настила пола из подтесанных сверху бревен диаметром 10—14 см и досок, которые были положены на лаги в направлении с юга на север. В северо-западном углу помещались нары, и поверхность настила была менее подтесана. Одна сторона нар крепилась на северной стенке сруба, другая — на специально сделанной из тонких бревен стенке, закрепленной пазом в западной стене дома и стойкой, укрепленной в полу. Подобного рода сооружения встречены и в других жилых постройках Зарядья. Развал в юго-западном углу обломков кирпичей, среди которых встречены фрагменты подовых кирпичей и прослойки глины, по-видимому, определяет местоположение печи.

Среди остатков жилища и в подстилающем пласте (глубина 2—2,4 м) найдены железные вещи: 9 ножей, ножницы для снятия нагара со свечи, пряжка, две коробочки, скоба, пробой, жуковина; деревянные предметы: гребень для пряжи, две чаши, шахматная фигура; среди прочих — четыре костяных гребня, бусы, фрагменты поливной посуды, чернолощеная кубышка, оружейные кремни, кожаные ножны, оконная слюда, задвижка волокового окна (20 × 47 × 3 см) и др.

С северной стороны дома находилась пристройка, от которой сохранились остатки западной и северной стенок. Она, по-видимому, повторяла конструкцию пристройки предшествующего дома. При расчистке здесь обнаружены нож, деревянные гребень, скалка и миска, глиняный сосуд, оплетенный берестой, колышек с метами, конская подкова, кисть из крученых ниток, дно бочки и другие предметы, указывающие на хозяйственное назначение пристройки.

К западу от построек, в 0,8 м, проходил забор, в котором, очевидно, был проход к колодцу, расположенному западнее усадьбы. На дорожке от пристройки до забора были постланы обрубки толстых досок. Сруб колодца сложен из бревен диаметром около 0,13 м, за исключением двух верхних, которые были толще. Сохранилось 46 венцов, внутренний размер их 0,95 × 1 м, общая глубина колодца 6 м. Стенки вертикальны до глубины 5,2 м от сохранившегося верхнего венца. С наружной стороны северная и южная стенки сруба ниже 12-го венца были скреплены бревнами длиной 4,3 м посредством четырех деревянных шипов. В нижней части, где стенки (6 венцов) приобретали пирамидальную форму, боковые бревна входили внутрь колодца. Контуры ямы, вырытой для колодца, четко прослеживались с глубины 2,4 м. Яма, почти квадратной (3 × 3 м) формы, на глубине 3,4 м суживалась, и стороны ее достигали всего 2,2 м. Дно находилось в материке на глубине 7,6 м от современной поверхности и было чашеобразным. Шесть верхних венцов, положенных над уровнем дневной поверхности насыпи, были прикрыты слоем песка и глины из выкида, отчего вокруг колодца получалась небольшая возвышенность; поверх ее лежали доски, тонкие бревнышки и жерди. Над землей, по-видимому, выступало несколько венцов сруба из более толстых бревен диаметром 0,2—0,22 м.

В верхней части колодца с северной стороны примыкал водосток. Ширина его лотка 12—22 см; стенки состояли из трех бревен, диаметром 0,2 м, которые лежали одно под другим. Концы бревен затесаны и закреплены в вертикальных столбах. Лоток был перекрыт тремя плотно прилегающими друг к другу бревнами, диаметром 0,18 м, над которыми лежал двойной слой бересты. Дно было без настила. На уровне дна водостока, в шестом венце стенки колодца, проделано отверстие для стока воды.

1

3

2

4

5

0 5CM

Рис. 45. Москва. Зарядье. Керамические изделия.

1-3 — ивразцы; 4, 5 — кувшины.

Во втором, третьем и двенадцатом бревнах были такие же отверстия, использовавшиеся по мере поднятия уровня стока.

Обнаруженная в 1955 г. часть водостока (длиной 2,2—2,55 м) является южным звеном водостока, открытого в 1954 г. и шедшего с севера на юг с наклоном к югу¹⁶. Древняя дневная поверхность, с которой он связан, залегала на глубине 1,7—1,8 м; это несомненно более позднее сооружение, чем колодец, на что указывают встреченные в нем находки.

В нижней части колодца обнаружено свыше 14 кувшинов (рис. 45—4, 5), которые могли сюда попасть лишь в том случае, если ими брали воду. Здесь же найден и шест длиной 4,25 м, на одном конце которого была зарубка для привязывания веревки, на другом — два гвоздя для закрепления сосуда (рис. 41—1); шест служил для доставания воды. В нижней части колодца были встречены красные рельефные изразцы (рис. 45—3); железные — нож, пробой, скоба; фрагменты стеклянных штофов, игрушка-медведь со следами росписи, треугольная чернолощенная плитка и др. Следует отметить, что разбитые сосуды найдены и на земляном возвышении вокруг колодца.

Средняя часть была заложена темным рыхлым грунтом без находок; в верхней, наряду с отдельными фрагментами посуды, было много обрезков кожи и остатки обуви, а также кирпичи размером 30 × 16 × 8 см, один из них с клеймом в виде двуглавого орла. Здесь же найдены горшок средних размеров, оплетенный берестой, чернолощенная тарелка, чернолощенная черепица, обломки зеленых поливных и полихромных рельефных изразцов и т. д.

На основании перечисленных находок временем строительства колодца, очевидно, следует считать первую половину XVII в., засыпан он был, вероятно, во второй половине XVII в. (70—80-е годы). Колодец был не только дренажным, но и водоразборным. Возможно, строительство его связано с указом 1632 г. об устройстве в Москве и за городом по большим улицам колодцев для пожарного времени: «с десяти дворов — колодезь»¹⁷.

После засыпки колодца эта территория в XVII в. (по-видимому, в начале четвертой четверти) была занята хозяйственным сооружением, которое вскоре сгорело вместе с находившимися рядом постройками¹⁸. После пожара вновь сооружается хозяйственная постройка, на прежнем месте ставится новый забор; все это вскоре также сгорает и в начале XVIII в. возводится вновь.

Остатки этой постройки (сооружения № 16) сопровождалась монетой Петра I, белоглиняными и красноглиняными курительными трубками, белоглиняной лощенной чаркой, детской поздней расписной игрушкой, полихромными изразцами, белоглиняной помадной банкой и другими предметами, датирующимися концом XVII—началом XVIII в.

Смена строительных периодов здесь продолжается и дальше — вплоть до XX в. Увеличение в 1955 г. раскопа на участке № 5 дало возможность на более широком пространстве проследить постепенную смену строительных периодов в этой части Зарядья и, в ряде случаев, на большой территории вскрыть остатки ранее обнаруженных усадеб и сооружений. Это, в свою очередь, позволило сделать и некоторые общие выводы.

1. Вновь подтверждается находками ранее высказанное предположение, что в данном районе Зарядья, в нижней части культурного слоя отложился пласт (0,4—0,6 м), характеризующий Москву домонгольского периода.

2. В XII—XIII вв. эта территория была еще довольно слабо заселена, значительное место занимали приусадебные участки, огороженные частоколом.

¹⁶ КСИИМК, вып. 65, стр. 127, рис. 44—2, 3.

¹⁷ «Московские губернские ведомости», 1847 г., № 16, стр. 194.

¹⁸ Возможно, во время пожара 1688 г.

3. В XIV—XV вв. район застраивается. Начинается постройка дренажных сооружений. В XVI—XVII вв. строятся целые дренажные системы: укрепленные жердями, частоколом, плетнем канавы, водостоки из деревянных труб, лотков и колодцев, которые собирали грунтовые воды, чрезвычайно насыщавшие почву. В некоторых местах дренажные сооружения в течение двух столетий непрерывно сменяли друг друга.

4. Во второй половине XVI в. на изучаемом участке Московского посада проводятся новые границы усадеб, которые сохраняются в течение нескольких поколений с конца XVI до XVIII в. Устойчивость основных границ владений с XVI—XVII вв. до XVIII—XX вв. прослеживалась и на других территориях Зарядья.

5. В XVI—XVII вв. район уже весьма плотно заселен. Население его живет в небольших домах, площадью около 3×4 м, к которым примыкали хозяйственные пристройки. На территории двора усадьбы находились производственные сооружения и колодцы с «журавлем». По двору иногда укладывался деревянный настил для прохода. Усадьба занимала около 210 кв. м и огораживалась плетнем, позднее бревенчатым забором, конструкция которого сохранилась до XIX в. Между плетнями, отделяющими усадьбы, иногда проходила водосточная канава.

6. Внутри жилых построек XVI—XVII вв. конструктивно выделяется место для печи и нар, настил которых был приподнят над полом.

Таковы общие предварительные данные о результатах проведенной работы на участке № 5.

Х. И. КРИС

О НАЗНАЧЕНИИ КИРПИЧНОГО СООРУЖЕНИЯ
ИЗ РАСКОПОК В ЗАРЯДЬЕ (МОСКВА)

При раскопках 1954—1955 г. в Зарядье, производившихся Московской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством А. Ф. Дубынина¹, в пределах усадьбы XVI в., с остатками жилого дома с прирубом, на расстоянии 2,5 м к югу от построек, было обнаружено кирпичное сооружение, состоявшее из двух соединенных между собой камер: круглой и прямоугольной (рис. 46). Длина сооружения 4,5 м. Стенки камер сохранились относительно хорошо: насчитано 12 рядов обожженного кирпича (размерами 22 × 11 × 5—6 см), положенного на глине; высота стенок местами достигала 0,8 м. Степень сохранности стенок и, как мы увидим ниже, характер кирпичной кладки указывают на то, что сооружение находилось в земле и лишь благодаря этому уцелело².

Стенки круглой камеры, слегка расширяющейся кверху, в нижней части образуют цилиндр, высотой в 6 рядов кирпича; они сложены в один кирпич; с внутренней стороны сохранились следы глиняной обмазки, на дне она как бы образовывала водонепроницаемый слой. Внутренний диаметр камеры у основания 2,1 м, в верху сохранившейся части — 2,5 м; стенки прямоугольной камеры вертикальны, восточная и западная сложены в один кирпич, южная образована из кирпичей, поставленных на ребро. Размер прямоугольной камеры 1,5 × 1,15 м. В отличие от внутренней наружная сторона стенок сооружения характеризуется небрежностью кладки. Местами к стенкам как бы примыкали отдельные, не связанные с кладкой кирпичи (рис. 47—2). Видимо, это следы забутовки между кладкой и бортом ямы, в которую опущено сооружение. Иначе говоря, кирпичные стены сооружения представляли собой не что иное, как обкладку ямы. Об этом можно судить еще по двум деталям.

1. Под прямоугольной камерой отсутствовала какая-либо площадка — опора, которая необходима была бы при разных уровнях оснований камер, если бы сооружение было наземным; основание прямоугольной камеры находилось на культурном слое.

2. Вдоль внешней стороны южной стенки этой камеры двойной ряд плоско лежащих кирпичей образовывал вымостку шириной 0,24 м, которая,

¹ См. А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье в 1955 г. — В настоящем выпуске КСИИМК.

² Аналогичную картину мы встречаем и при раскопках деревянных сооружений в Зарядье. Хорошо сохраняются подполья, дренажные сооружения: колодцы и водостоки, углубленные в землю; наземные постройки в условиях интенсивной жизни древнего города сохранились плохо: не более двух-трех нижних венцов и частично настилы.

видимо, связывала стенку камеры с дневной поверхностью. Уровень вымостки соответствует дневной поверхности комплекса построек усадьбы. Это лишний раз доказывает связь всего комплекса с кирпичным сооружением и то, что оно находилось ниже уровня земли.

Обе камеры соединены сплошной двойной кирпичной вымосткой, которая была выложена в их основании (рис. 47—1). Причем камеры находились

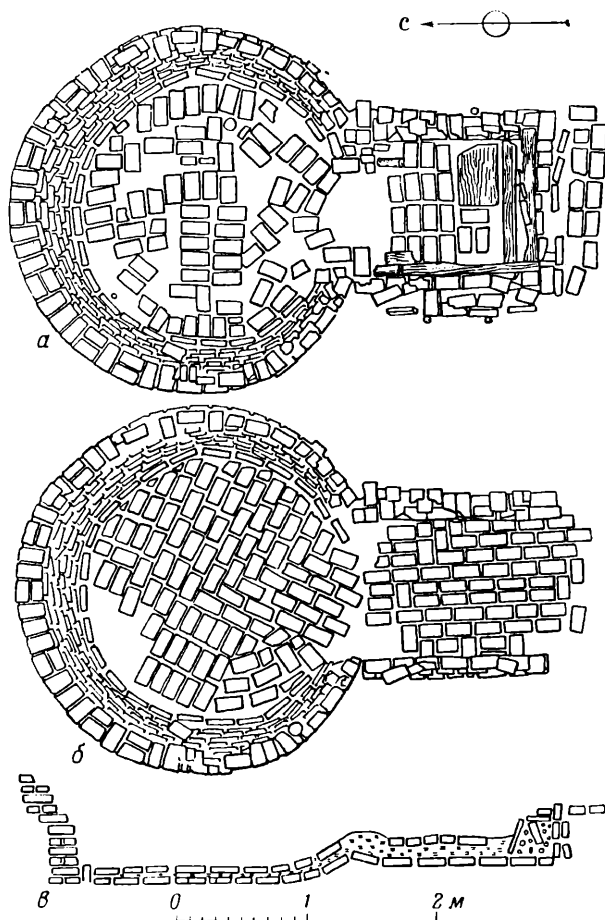

Рис. 46. Москва. Раскопки в Зарядье. Планы и разрез кирпичного сооружения.

а — план по верхней вымостке; *б* — план по нижней вымостке; *в* — разрез.

на разном уровне: основание круглой было расположено на 0,15—0,2 м ниже, чем прямоугольной. Второй слой кирпичной вымостки в круглой камере лежал непосредственно на первом — нижнем лишь местами с незначительной прослойкой глины, не превышающей 1—2 см. В прямоугольной камере эта прослойка резко утолщалась, достигая 0,12—0,15 см и отделяя таким образом нижнюю кирпичную вымостку от верхней. В месте соединения камер толщина слоя глины равна была 0,2 м. Здесь глина, видимо, заменяла отсутствовавшие кирпичи. В юго-восточном углу прямоугольной камеры, в вымостке, была доска толщиной 5 см, которая очевидно, тоже заменяла кирпич.

В отличие от нижней вымостки верхняя не достигала южной стенки прямоугольной камеры на 0,4 м. Вдоль южного ее края была поставлена

на ребро доска, опиравшаяся на нижнюю кирпичную вымостку; это указывает на то, что прослойка глины, находившаяся между двумя вымостками, не образовывалась постепенно, а была насыпана в момент сооружений второй — верхней.

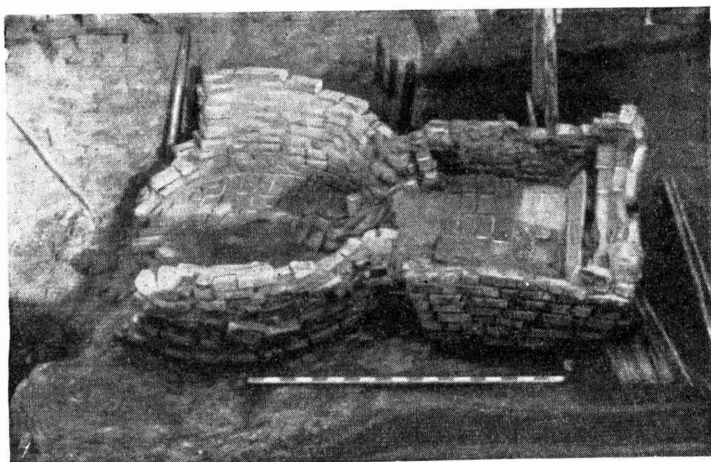

Рис. 47. Раскопки в Зарядье. Кирпичное производственное сооружение.

1 — общий вид; 2 — вид с запада.

Две доски как бы образовывали ступеньку между южным краем верхней вымостки и стенкой прямоугольной камеры. Кроме перечисленных досок, в прямоугольной камере на 0,12—0,15 м выше уровня верхней вымостки, вдоль западной стенки, лежал горбыль, шириной 0,1 м, обращенный плоской стороной кверху, а два коротких горбыля, длиной 0,22 м, шириной 0,1 м, были расположены симметрично в северо-западном и северо-восточном углах. Непотребоженное положение деревянных деталей и конструктивная связь их с кирпичной кладкой не позволяют сомневаться в том, что при сооружении верхней вымостки, кроме кирпича и глины, использовано и дерево. Камеры, углубленные в землю, постепенно заполнялись культурным слоем с прослойками глины, песка, угля, щепы, битого кирпича, которые не связаны с жизнью сооружения.

Подобное кирпичное сооружение, но хуже сохранившееся, было открыто в Зарядье в 1950 г. на раскопе VI. Сходство прослеживается не только в общих контурах, но и в размерах, характере кладки, размерах кирпича. М. Г. Рабинович рассматривает сооружение, обнаруженное в 1950 г., как

копильную печь, снабженную особой копильной камерой³. Обращаясь к описаниям несколько более поздних коптилен, относящихся к XVIII в., мы не находим сходства с сооружением в раскопе VI. «Для копильни надлежит сделать из какого-нибудь камня очаг, по недостатку же одного можно раскладывать огонь на голой земле. Над сим местом сделать из простых досок или горбылей четверугольную сокращенную пирамиду, у коей была бы снизу каждая сторона по две сажени в ширину, а вверху только оставить отверстие небольшое как для выхода дыма. Вышина оной должна быть 3 сажени, внутри же от середины доверху укрепить перекладыны толстою в руку, к коим окорока и прочее привязывать»⁴.

Переходя к вопросу о назначении двухкамерных сооружений, обнаруженных в Зарядье, следует исключить всякие предположения о том, что они были как-либо связаны с огнем. Такой догадке противоречит наличие дерева в прямоугольной камере сооружения, открытого в 1955 г.

Ограниченность источников и недостаточная степень наших знаний деталей производственных процессов некоторых отраслей ремесла в Москве в XVI—XVII вв. позволяют пока лишь предположительно говорить о назначении рассматриваемых сооружений. Некоторые данные мы находим в письменных источниках XVII в. Ряд документов Центрального Гос. архива древних актов относится к истории Сафьянного двора в Москве, основанного в 1666 г. на территории Бечевина двора, расположенного недалеко от Москвы-реки. В документах встречаются отдельные упоминания о производственных постройках. Так, на Сафьянном дворе главным производственным помещением служил омшаник, в котором была выкопана яма, выложенная кирпичом, «где топчют козловые кожи»⁵. В «книгах разного содержания» мы встречаем упоминание, что около этих ям куплено «400 кирпичей жонных». Это неоднократно повторяющееся число купленных у ям «400 кирпичей жонных» почти совпадает с количеством кирпичей в обкладке относительно хорошо сохранившейся ямы, раскопанной в 1954—1955 гг., где имелось 400—500 кирпичей.

В этих же документах в качестве места, «где топчют кожи», упоминаются «корцы». Возможно, этот термин соответствует ямам с кирпичной обкладкой, которые, как указывают источники, использовались при обработке сафьяна, т. е. козлиных кож (по лат. *corium*, обозначает «шкура»).

В документах мы находим также упоминания об уплате «печнику да работнику, который около ям окладывал кирпичом», печнику «от обмазки корцов», «... в те ж ямы куплено глины на два алтына», плотнику «от починки в двух ямах дубовых косяков», «косяк дубовый в гнезда, где кожи топчют». При описании двухкамерного сооружения в Зарядье мы подчеркнули, что в прямоугольной камере встречены остатки деревянных деталей, а в круглой (на внутренней поверхности стенок) следы глиняной обмазки. И то и другое упоминается, как мы видим, в письменных источниках⁶.

В результате раскопок 1954 г., когда была вскрыта только северная часть круглой камеры, было высказано предположение, что этот кирпичный «чан» представляет собой остатки кожевненного производства, а усадьба, к которой можно его отнести, видимо, принадлежала кожевнику⁷. Как

³ М. Г. Рабинович. Отчет о раскопах в Зарядье за 1950 г. — Архив ИИМК, № 526, стр. 61; его же. Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв. — СЭ, 1955, № 4, стр. 39, рис. 3; его же. Материалы по истории Великого Посада Москвы и Подмосковья. М., 1954, стр. 72.

⁴ «Труды Вольного экономического общества», ч. III, СПб., 1783, стр. 65—73.

⁵ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 51.

⁶ РИБ, т. 23, СПб., 1904, стр. 1585—1608.

⁷ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье. — КСИМК, вып. 65, 1956, стр. 123—127.

показывают приведенные письменные источники, ямы, выложенные кирпичом, использовались в производстве сафьяна; следовательно, усадьба, включавшая эту производственную постройку, видимо, принадлежала мастеру сафьянного дела. При раскопках вблизи ямы с кирпичной обкладкой обнаружены незначительные остатки деревянных строений, которые не дают достаточных оснований видеть в них следы омшаника, упоминающегося в источниках, в котором, по описанию, находились ямы, выложенные кирпичом, «где топчут козловые кожи». Отсутствие омшаника или других производственных построек, характерных для Сафьянного двора, возможно, объясняется тем, что Сафьянный двор относится к более позднему времени, чем усадьба мастера сафьянного дела.

Упомянутый в источниках Сафьянный двор, который вскоре стали называть Сафьянным заводом, относится ко второй половине XVII в. По книгам русско-персидской торговли 60—70-х годов ввоз сафьянов в Московское государство был очень велик. Начиная с 1670 г. наблюдается резкое падение ввоза. К этому времени относится основание Сафьянного двора, а затем завода, который существовал до смерти Алексея Михайловича. Завод можно относить к первым Московским мануфактурам XVII в. по обработке кожи⁸. Появление их в XVII в. позволяет говорить о разрозненном ремесленном производстве в предшествующее время.

Усадьба мастера сафьянного дела, раскопанная в 1954—1955 гг. в Зарядье, относится ко второй половине XVI в. Она предшествовала появлению мануфактур и, конечно, отличается от них меньшими масштабами. Может быть, поэтому мы и не обнаружили больших производственных строений в усадьбе, описание которых мы находим в источниках более позднего времени, отражающих производственные комплексы первых московских мануфактур XVII в.

⁸ Г. А. Новиков. Первые Московские мануфактуры XVII в. по обработке кожи. — «Московский край в его прошлом». М., 1928.

III. МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

СОСУД АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ
ДЛЯ ПЛАВКИ МЕТАЛЛА

Среди керамики с Усть-Юрюзанского поселения, относящейся к ананьинскому времени¹, один сосуд привлек наше внимание: на его внутренней поверхности обнаружен наплыв шлака. Это — небольшой невысокий широкогорлый сосуд, изготовленный из глины с сильной примесью талька. Высота сосуда 14 см, диаметр по венчику равен 23 см. Невысокий венчик несколько отогнут наружу, плечики выпуклые, днище округлое (рис. 48). Орнамент, расположенный в верхней части сосуда, нанесен тонкой волнистой линией, составляющей широкие перпендикулярные друг другу пояса. По шейке проходит двойной ряд ямок.

По составу теста, форме, величине и орнаментации сосуд типичен для комплекса керамики Усть-Юрюзанского поселения и для одновременных ему поселений на северо-востоке Башкирии. Но наплыв шлака, спускающийся узкой полосой по обрезу венчика, указывает на использование сосуда в качестве тигля (рис. 48 — 3).

Как показал спектральный химический анализ шлака², в сосуде, по всей вероятности, плавилось олово, имевшее различные примеси, основными из которых оказались медь и железо. Олово — легкоплавкий металл с температурой плавления около 700°, достичь которую можно относительно легко, без специальной печи. Огнеупорности сосуда способствовала сильная примесь в его тесте талька. Как известно, тальк является хорошим огнеупорным материалом, применяемым и в настоящее время при обжиге керамических изделий³. Под воздействием высокой температуры тальк утратил свой блеск, жирность и внешне стал чрезвычайно похожим на дрсеву, в то время как при обычном обжиге керамики изменений в его структуре не происходит. Кристаллы остаются блестящими и жирными.

Примитивная плавка меди и бронзы в открытых кострах, применявшаяся достаточно широко на заре металлургии⁴, существовала на Урале в течение всей второй половины I тысячелетия до н. э.⁵ По-видимому,

¹ Л. Я. Крижевская. Археологические исследования в Башкирии в 1951 году. — КСИИМК, вып. 51.

² См. табл., приложенную к настоящей заметке.

³ А. Г. Бетехтин. Минералогия. М., 1950, стр. 804—806.

⁴ W. Witter. Die Ausbeutung der mitteldeutschen Erzlagerrstätten in der frühen Metallzeit, § — «Die Bearbeitung des Kupfers». Mannus Bucherei 60. Leipzig, 1938, S. 27.

⁵ К. В. Сальников. Следы древней металлургии меди в районе Свердловска. Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбург-Свердловска. Свердловск, 1950, стр. 220—222.

с этим видом металлургического производства связано употребление не только специальных тиглей, но и подходящих сосудов бытового назначения. К. В. Сальников указывает, что около медеплавильных костров на Шарташских каменных палатках вместе с различными остатками металлургического производства найдены обломки керамики, покрытые с внутренней стороны шлаком⁶.

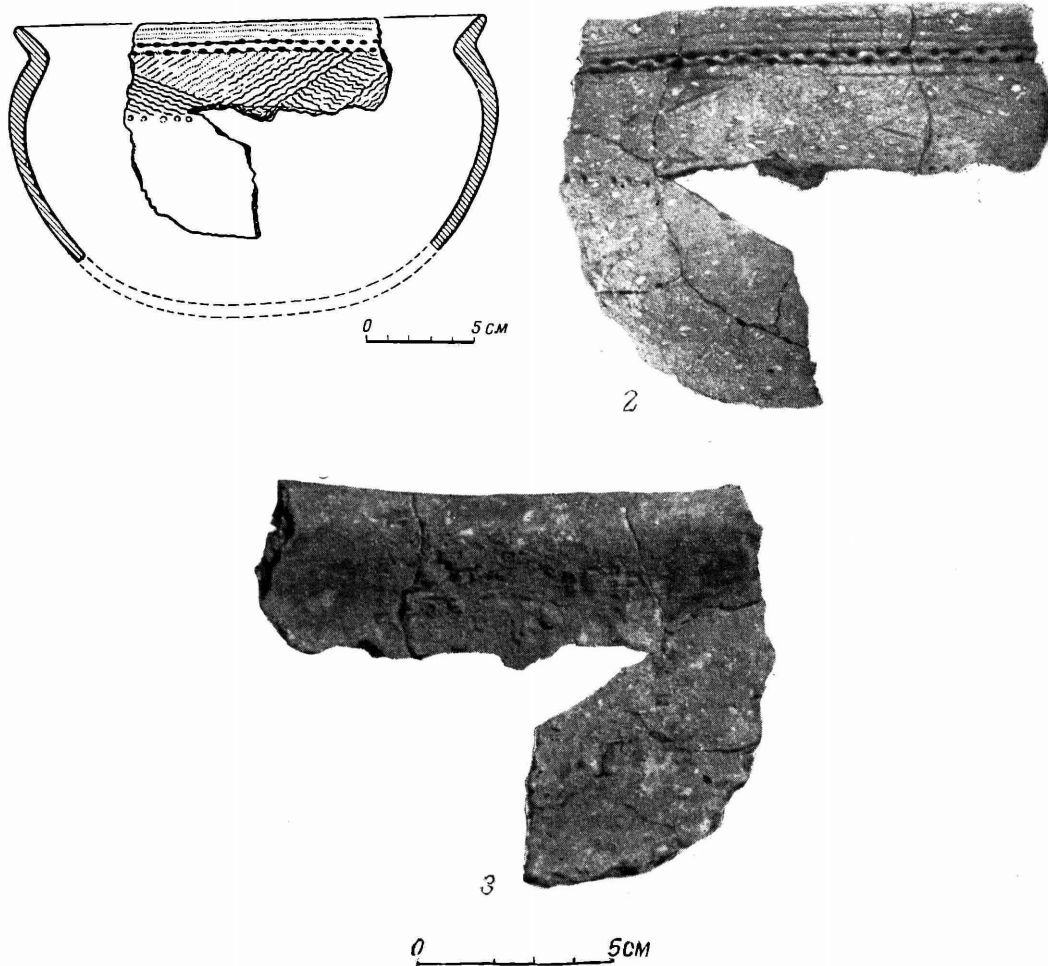

Рис. 48. Ананьинский сосуд, использовавшийся для плавки металла.
1 — реконструкция сосуда; 2 — внешний вид; 3 — наплыв шлака на внутренней поверхности.

**Результаты качественного
спектрального анализа налета шлака следующие:**

Название	Количество	Название	Количество
Олово	2—3	Никель	4
Медь	3—4	Хром	5
Железо	3		

Примечание: 2 — очень много; 3 — много; 4 — мало; 5 — очень мало.

⁶ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 221.

На использование бытовой посуды для вторичной плавки металла указывает и Е. М. Берс⁷. Нельзя не упомянуть в этой связи и находок М. Е. Фосса на раннедьяковском поселении «Умиление», свидетельствующих, по мнению автора, о древнейших приемах выработки железа на кострах в примитивных тиглях, которыми служили сосуды бытового назначения⁸.

В находке сосуда с наплывом шлака мы можем видеть еще одно подтверждение того, что в начале I тысячелетия до н. э. в первобытной металлургии важное место занимала плавка открытого типа, без специально сооруженных печей, в подходящих для этой цели глиняных сосудах. Этот прием, по-видимому, был распространен на широкой территории лесной полосы Европейской части СССР.

⁷ Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 74.

⁸ М. Е. Фосс. Итоги Галичской экспедиции. — КСИИМК, вып. XXVI, стр. 38.

Э. А. РИКМАН

НАХОДКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРУДИЙ
И ЗЕРЕН ЗЛАКОВ НА СЕЛИЩАХ
ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА

Находки земледельческих орудий на селищах черняховского типа малочисленны, а датировка их зачастую спорна. Это мешает оценить во всем объеме роль сельского хозяйства для черняховской эпохи. В связи с этим заслуживает внимания каждая новая находка сельскохозяйственных орудий этого времени.

Обломок серпа найден при раскопках селища у с. Петриканы, находящегося в 2 км западнее Кишинева, слева от дороги Кишинев—Гратиешты. Селище расположено на северном склоне Гусиной долины, его площадь равна 400 × 60 м. Культурный слой относится к черняховской эпохе, что выявлено при сборах подъемного материала и в разведывательном раскопе площадью в 60,2 кв. м, заложенном приблизительно в центре селища¹.

В верхнем горизонте культурного слоя найдены остатки наземных жилищ — куски твердо обожженной красной глины с отпечатками каркаса. С жилищем одновременны пять ям-хранилищ (рис. 49); верхний уровень сооружений совпадает; глубина ям от древней дневной поверхности — 0,9—1,4 м; диаметр от 1,2 до 1,8 м; ямы овальные или круглые в плане; дно иногда бывает вымощено камнем-известняком (яма № 1); стенки их трех родов: ступенчатые, слегка скошенные и вертикальные. Например, в яме № 2 устроены две ступеньки, стенки ее покрыты слоем обожженной глины; к этой яме, кроме того, примыкает слой обожженной глины — площадка, вероятно, для более удобного пользования хранилищем.

При расчистке ям в некоторых из них встречены черепки черняховских сосудов. Керамика селища черняховских типов почти вся сделана на круге (рис. 50—1—10). Лощеная посуда — серого, черного и желтоватого цветов. Найдены обломки мисок и кувшинов с ручками: венчики овальные слабопрофилированные и обычно слегка отогнутые; днища — почти все кольцевые, некоторые — плоские; встречаются стенки с волнообразным лощением; на многих обломках сохранились отверстия, проделанные при ремонте сосудов. От лощеной посуды отличается керамика того же качества, но не с лощеной, а с заглаженной поверхностью серого и кремового цветов. Найдены обломки толстых стенок мисок и крупных горшков,

¹ Работы производил в 1956 г. Будештский отряд Молдавской археологической экспедиции ИИ МФ АН СССР и ИИМК АН СССР. Начальник отряда — Э. А. Рикман; сотрудники: Н. А. Кетрару, Г. Ф. Никитина, Б. Ф. Герлован.

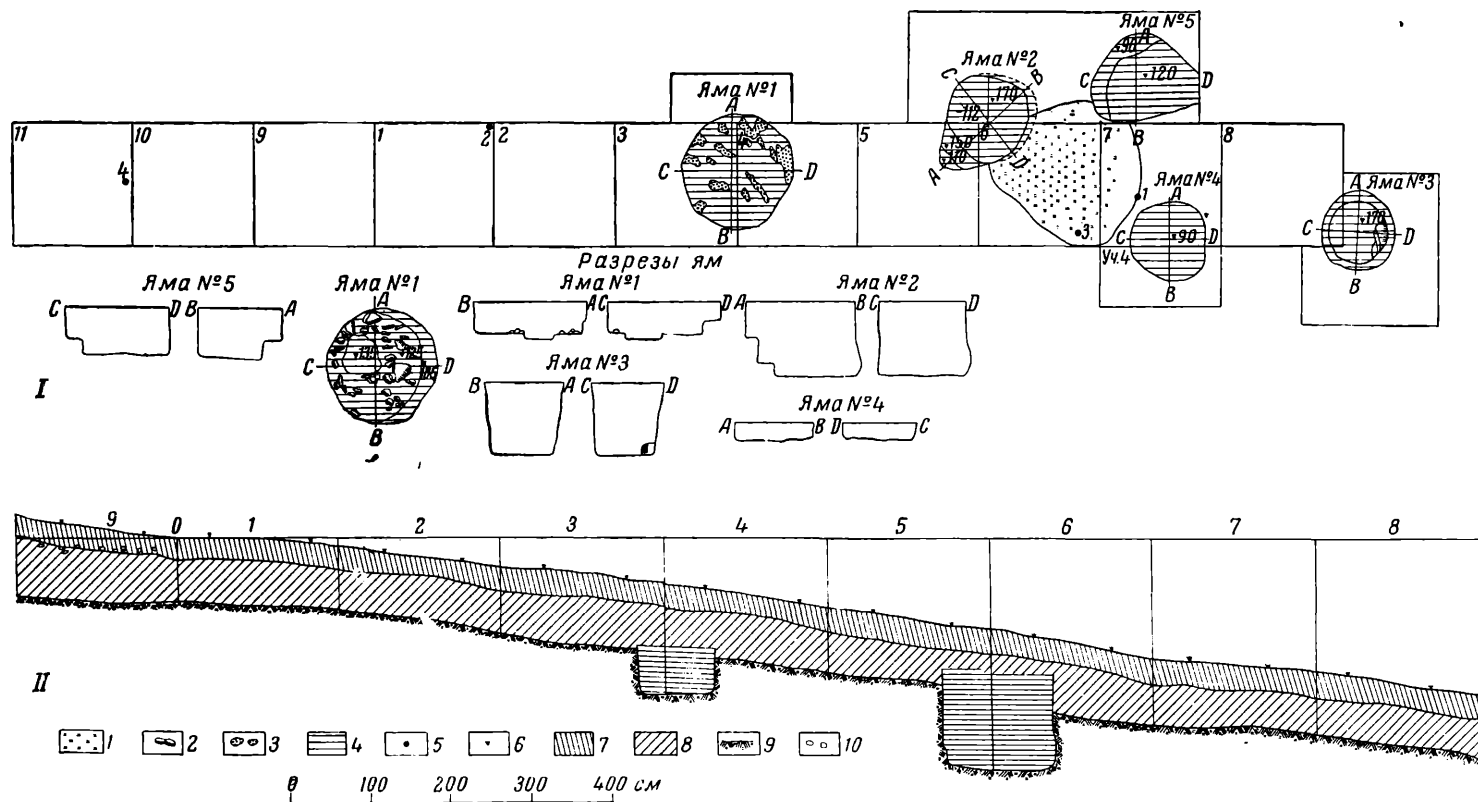

Рис. 49. Селище у с. Патриканы. Раскоп I.

I — план и разрезы ям; II — разрез части СВ стенки раскопа (квадраты 1—9); условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — камни; 3 — песок; 4 — за-
полнение ям; 5 — индивидуальные находки; 6 — глубина от поверхности; 7 — перепаханный культурный слой; 8 — нетронутый культурный слой; 9 — граница
материка; 10 — обожженная глина (на разрезе).

некоторые из них с волнистым орнаментом в виде отдельных линии или лент; в числе находок — обломки кольцевых и плоских днщ.

Третью группу составляют фрагменты горшков серого и желтоватого цветов, изготовленные из глиняной массы с грубыми примесями песка, отчего поверхность сосудов приобретает шероховатость. Венчики выразительно отогнуты, овальные или угловатые в сечении; стенки — с линейным орнаментом, днища — плоские. На некоторых днищах заметны следы срезывания ниткой — признак работы на ножном гончарном круге. Найдены фрагменты толстых стенок и плоского днища красноглиняных крупных из хорошо отмученной глины сосудов, с заглаженной поверхностью и орнаментом в виде редких параллельных желобков и частых неглубоких линий. Интересен черепок, поверхность которого покрыта красной краской. Встречены фрагменты амфор — красноглиняных ручек и стенки, покрытой ангобом.

Столь же невелико число фрагментов лепных сосудов, в тесте которых примесь шамота и песка. Венчик одного из таких сосудов выразительно стогнут. Обнаружены кости крупного рогатого скота, свиньи. Найдены также глиняное грузильце, биусеченноконическое пряслице и, наконец, обломок железного серпа (рис. 51—4). Сохранилась часть орудия, лежащая к рукояти. Серп слабо изогнут и утолщен; черенок раскован треугольно в плоскости, перпендикулярной клинку. От ранее известных серпов первых столетий н. э.² петриканский отличается весьма слабым изгибом у рукояти, что в общем характерно для серпов с коротким черенком, датирующихся началом I тысячелетия н. э.

Обломок плужного лемеха обнаружен на селище у с. Родоя³. Селище расположено близ дороги в село Новая Сынжеря, на расстоянии 4 км к северу от этого села, в местности «Три озера», на западном, довольно крутом склоне долины между двумя оврагами. Площадь его около 200 × 400 м. Здесь встречены скопления кусков обожженной глины (с отпечатками деревянных конструкций). Скопления эти, диаметром 2—5 м, размещались вдоль склона четырьмя рядами, по шесть в каждом ряду, на расстоянии 20—30 м друг от друга. Это — остатки наземных жилищ.

На селище всюду встречаются черепки горшков, мисок и кувшинов черняховских типов: серолощенных, сероглиняных с грубыми примесями в тесте, красноглиняных с гладкой поверхностью; днища плоские и кольцевые. Встречено несколько обломков древнерусских сосудов.

Была найдена выкованная из железа фибула с подвижным с помощью пластинки приемником (рис. 51—5); дужка и ножка прямоугольны в сечении; сильно окислившаяся пружина не видна. Фибула аналогична бронзовым застежкам с подвижным приемником и датируется III—IV вв. н. э.

Судя по всем приведенным данным, селище относится к черняховскому времени. Этим же периодом датируется и найденный здесь обломок плужного лемеха (рис. 51—2) — остроугольный конец. Низ его слегка вогнутый. В поперечном разрезе лемех имеет форму сегмента круга, постепенно утолщаясь от краев к продольной оси. Фрагмент массивный и принадлежал тяжелому большому наконечнику, который был снабжен втулкой для соединения с ползком. Форма обломка соответствует характеристике, данной В. И. Довженком плужным лемехам черняховского времени, предполагавшим, что они клиновидны⁴. Лемех из Поднестровья другого типа —

² М. Ю. Смішко, Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. — Археологія, т. I. Київ, табл. 2, 10.

³ Сткрыто научным сотрудником Республиканского музея краеведения МССР А. А. Нудельманом, обследовано автором настоящей заметки.

⁴ В. И. Довженко, К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, М., 1952, стр. 118—119.

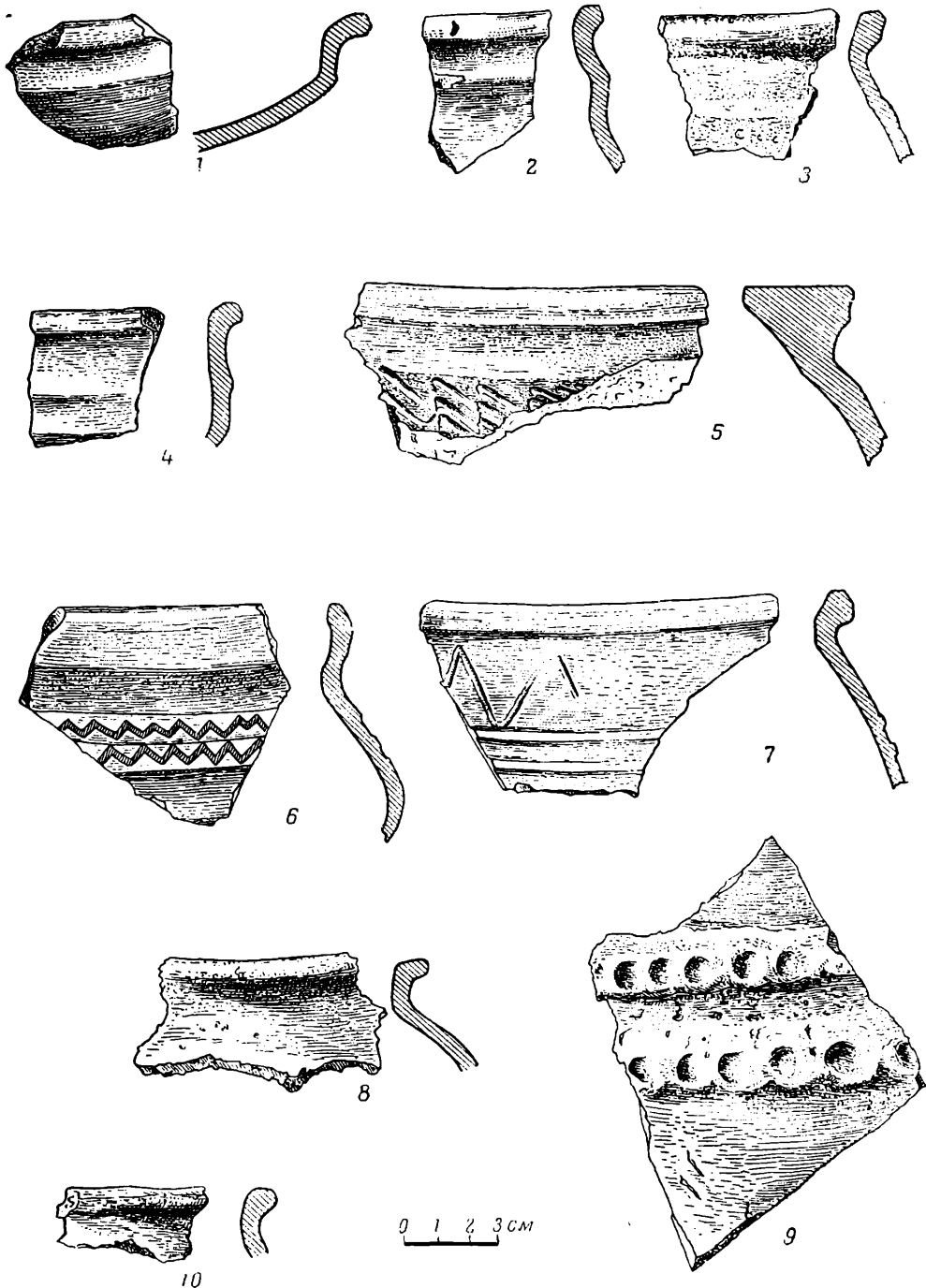

Рис. 50. Селище у с. Петриканы. Керамика черняховских типов (1—10).

широкий — опубликован Г. Б. Федоровым, как относящийся к черняховскому времени⁵.

Интересное сельскохозяйственное орудие найдено на поселении черняховского типа у с. Загайканы⁶. Поселение это земледельческое, судя по расположению, по многочисленным отпечаткам соломы на глиняной обмазке домов. Почти во всех развалинах жилищ найдены обломки известняковых жерновов.

Наиболее важна находка, свидетельствующая о земледелии — железный наконечник плуга. Длина его 12,5 см, ширина — 7,5 см. Наконечник резко асимметричен справа. Трубица, вытянуто-овальная в поперечном сечении, занимает приблизительно половину длины орудия, режущая часть которого слегка изогнута по длинной оси. Орудие из Загайкан относится к числу наконечников (распространенных в лесостепи и степи), укрепленных на полозе горизонтально или с небольшим наклоном по отношению к поверхности почвы, что давало возможность отрезать пласт в горизонтальном направлении⁷.

Наконечники плугов и рал из железа, небольшие по размерам, известны и на других поселениях первых веков н. э. лесостепной и степной зон Восточной Европы. Наиболее близок к описываемому нами орудью наконечник с поселения первых веков н. э. у с. Стрымба Одесской области⁸. «Плужный лемех» (так называет орудие автор раскопок) найден в степном районе к западу от Днестра, в Петуховке⁹. Железный «сошник» обнаружен на поселении у с. Дарьевка¹⁰. «Плужный лемех» и зерна злаков найдены на поселении первых веков н. э. у с. Волошского¹¹. По-видимому, к черняховской эпохе относится железный наконечник, найденный С. С. Гамченко у с. Кринички¹², по величине приблизительно такой же, как наконечник из с. Загайканы. Несколько наконечников, датировемых рубежом нашей эры, длиной 11—18 см, обнаружены на территории Румынской Народной Республики¹³. В слоях римского времени поселения Пояны (III в. н. э.) найдены железные плужный наконечник и нож¹⁴. Последняя находка служит доказательством того, что в первых веках н. э. появляются усовершенствованные плуги, снабженные не только наконечниками, но и ножами.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что загайканский наконечник плуга не является единичным. Большинство упомянутых наконечников не изданы достаточно полно, что затрудняет сравнительное изучение. Можно заметить, что загайканский наконечник выделяется выразительно асимметричной формой. В. П. Левашова считает, что асимметричность лемехов справа связана с употреблением перед ними слева чересел¹⁵. Асимметричность связана, по-видимому, с употреблением отвальной доски. Можно предположить, что загайканский наконечник принадлежит пахот-

⁵ Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. — КСИИМК, вып. 56, 1954, рис. 2.

⁶ Э. А. Рикман. Отчет об археологических работах 1958 г. — Архив МФ АН СССР.

⁷ А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XI вв. — МИА СССР, № 65, 1959, стр. 318.

⁸ Хранится в историко-археологическом музее г. Одессы.

⁹ А. Л. Есипенко. Петуховская оборонительная система (I в. до н. э. — IV в. н. э.), КСИИМК, вып. XXXIX, 1951.

¹⁰ Л. М. Славин. Раскопки поселений первых вв. н. э. на р. Ингульце в 1952 г. — КСИА, 1955, вып. 4, стр. 36.

¹¹ А. Т. Брайтчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. — Археологія, XI, 1957, стр. 7.

¹² Публикуется Э. А. Сымоновичем.

¹³ V. Pârvan. Getica. Bucureti, 1926, стр. 405.

¹⁴ R. Vulpe și al. Activitatea anterului arheologic Poiana — Tecuci, 1950. — SCIV, I, anul II, 1951, fig. 21.

¹⁵ «Очерки по истории русской деревни». — Труды ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 29.

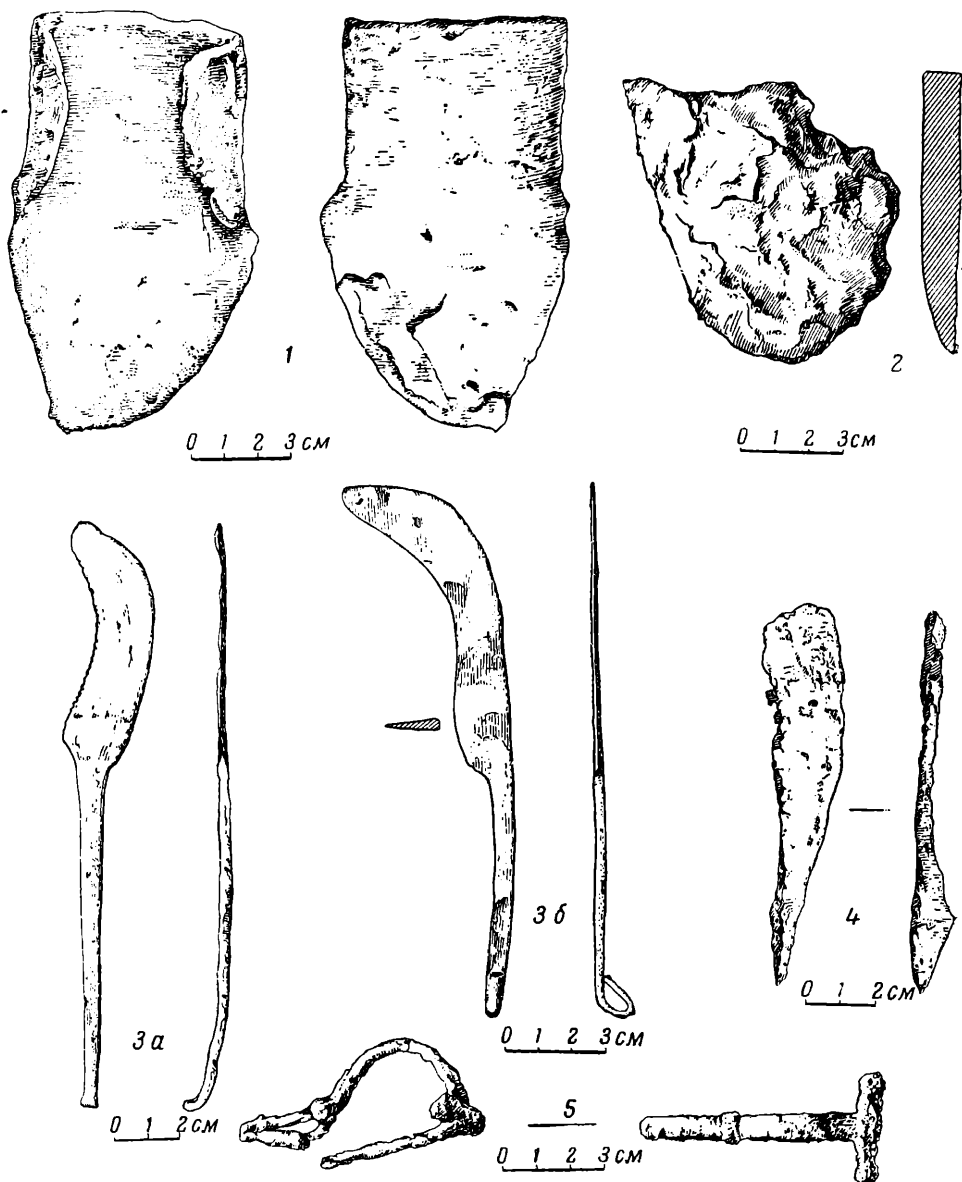

Рис. 51. Находки на памятниках у сс. Петриканы, Родоя, Загайкины, Делакеу и Зернешты.

1 — лемех (Загайкины); 2 — обломок железного лемеха (Родоя); 3а, 3б — серпы (Делакеу, Зернешты); 4 — обломок железного серпа (Петриканы); 5 — железная фибула (Родоя).

ному орудью типа раннего плуга, не только рыхлившего, но отрезавшего и отваливавшего отрезанный пласт, что отличает его от рала¹⁶. Малый размер наконечника из Загайкан сближает его с ралом.

В Делакеу (Бульбокский р-н МССР), как и в Загайканах, было земледельческое поселение первых веков н. э., судя по его расположению и находкам, сделанным при раскопках (глиняная обмазка стен с отпечатками

¹⁶ Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации русских пахотных орудий. — СА, № 1, 1959, стр. 48.

соломы, 2 верхних камня жерновов из местных известняковых пород). Наиболее важна находка железного серпа в верхнем перемещенном горизонте культурного слоя. Серп характеризуется слабо изогнутым коротким клинком, зазубренностью лезвия и черенком, на который приходится $\frac{2}{3}$ длины орудия. Оси черенка и клинка составляют небольшой угол. Конец черенка загнут для привязывания орудия. Такой серп из-за малой длины и слабого изгиба лезвия был мало эффективен в работе.

Более эффективен железный серп, найденный близ погребения первых веков н. э. при раскопках Н. А. Кетрару в 1958 г. кургана эпохи бронзы у с. Зернешты. Клинок более изогнут и занимает примерно $\frac{2}{3}$ длины орудия; оси черенка и клинка совпадают; зубцы отсутствуют, что снижает эффективность работы этого серпа.

Серпы из Делакеу и Зернешты близки по форме к железному серпу, найденному при раскопках селища черняховского типа у с. Петрикань. Перечисленные находки и серпы поселений первых веков н. э. у сел. Викнины Великие¹⁷. Отбедо-Васильевское¹⁸ свидетельствуют о распространении этого орудия у племен степной и лесостепной зон.

В 1956—1957 гг. во время раскопок Т. С. Пассек во Флорештах, основной целью которых было исследование поселений культуры линейно-ленточной керамики и типа Боян, в верхнем горизонте обнаружено селище черняховского типа¹⁹. Найдены характерные обломки серолощенных и чернолощенных, сероглиняных гладких и шероховатых сосудов, амфорная ручка. Можно указать на находки кольцевых днищ, венчиков в виде площадок и слабо профилированных венчиком мисок, фрагментов стенок с пролощенным волнистым орнаментом.

При раскопках выявлена относящаяся к черняховскому времени яма-хранилище, овальная в плане, размерами 1,6 × 2,2 м, глубиной 1,7—1,8 м от уровня древней поверхности селища. Стенки и дно слегка наклонные. В яме заметна прослойка золы, относящаяся к моменту гибели сооружения, в ней же найдена типичная керамика черняховских типов. У стенок хранилища на ненарушенном участке обнаружены обугленные зерна твердой пшеницы и ячменя²⁰. Судя по тому, что зерна обуглены, они находились в яме в момент ее гибели.

Форма и устройство флорештской зерновой ямы такие же, как и у многих аналогичных сооружений, вскрытых нами при раскопках селищ у сел Будешты и Петрикань. Такие же ямы находят и при раскопках поселений черняховской эпохи в Поднепровье. Яма-хранилище, открытая у с. Флорешты, — типичное для черняховской культуры сооружение. Благодаря ее открытию в Среднем Поднепровье впервые стали известны зерна пшеницы и ячменя, находки которых на памятниках первых столетий н. э. вообще редки²¹. Находки земледельческих орудий и зерен злаковых растений на селищах у сел Флорешты, Петрикань, Загайканы, Делакеу, Зернешты, Родоя представили новые данные для характеристики земледелия и его техники у племен черняховской культуры на территории Молдавии.

¹⁷ М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. — Археологія, Київ, 1947.

¹⁸ Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э. Кандидатская диссертация. — Б-ка им. В. И. Ленина. М., 1953.

¹⁹ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднелитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. — СА, 1958, № 1, стр. 38; е.е. же. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. — КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 86.

²⁰ Определение сотрудницы Ботанического сада МФ АН СССР канд. биологич. наук З. В. Янушевич.

²¹ «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II. М.—Л., 1956.

И. Г. и Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О НЕКОТОРЫХ КОНСТРУКЦИЯХ МОСКОВСКИХ НАВЕСНЫХ И ВРЕЗНЫХ ЗАМКОВ XIV—XVII ВЕКОВ

В результате больших археологических раскопок, проведенных экспедицией ИИМК АН СССР в Москве, в Зарядье собран разнообразный инвентарь, характеризующий уровень развития техники и ремесел в Москве с XII по XVII в. Среди других категорий находок очень интересна большая серия замков и ключей, наиболее ранние из которых относятся к XII—XIII вв. Как и в других древнерусских городах этого времени, в Москве пользовались широким распространением различные системы навесных трубчатых замков¹. С XIV в. трубчатые замки сменяются сличными, которые были также пружинными (механизмы их сходны с механизмами трубчатых замков), но отличались формой корпуса. Подобного типа замки употребляются в Москве до XVIII в.

Одновременно с пружинными, начиная с XIV в., в Москве появляются замки с поворотными ключами, которые в дальнейшем вытесняют все остальные типы. Наиболее ранняя разновидность — врезные и накладные замки для ларцев и сундуков с засовичками и накладками (рис. 52—3). Механизм замка монтировался на прямоугольной пластинке и состоял из небольшого засовичка, закрепленного в двух приклепанных к пластине обоймах. Самопроизвольное движение засовичка предотвращалось прикрепленной к нему пластинчатой пружиной. На нижней продольной стороне засовичка имелись выступы для бородки поворотного ключа. Замочная скважина располагалась под засовичком, напротив нее на специальной пластинке крепился штырь для ключа. Рядом с рабочим концом засовичка в пластине, на которой крепился механизм, делалась вертикальная прорезь для петли накладки. Замок помещался в верхней части передней стенки сундука; над ним, на крышке, на петле крепилась накладка. Среди замков этой конструкции встречены накладные и врезные. Индивидуальность их достигалась за счет специальной гребенки, устанавливавшейся рядом со скважиной. Прорезям гребенки должна была соответствовать форма бородки ключа. Однако часто такая гребенка отсутствует. Замки подобной конструкции бытовали в Москве с XIV по XVII в.

Другая система сундучных замков (рис. 52—2) в Москве появилась, по-видимому, с XV в. Механизм обычно монтировался на пластине трапециевидной формы и состоял из рычага с длинным и коротким плечами;

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 218—223; Р. Л. Розенфельдт. Древнерусские замки. — КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 32—38.

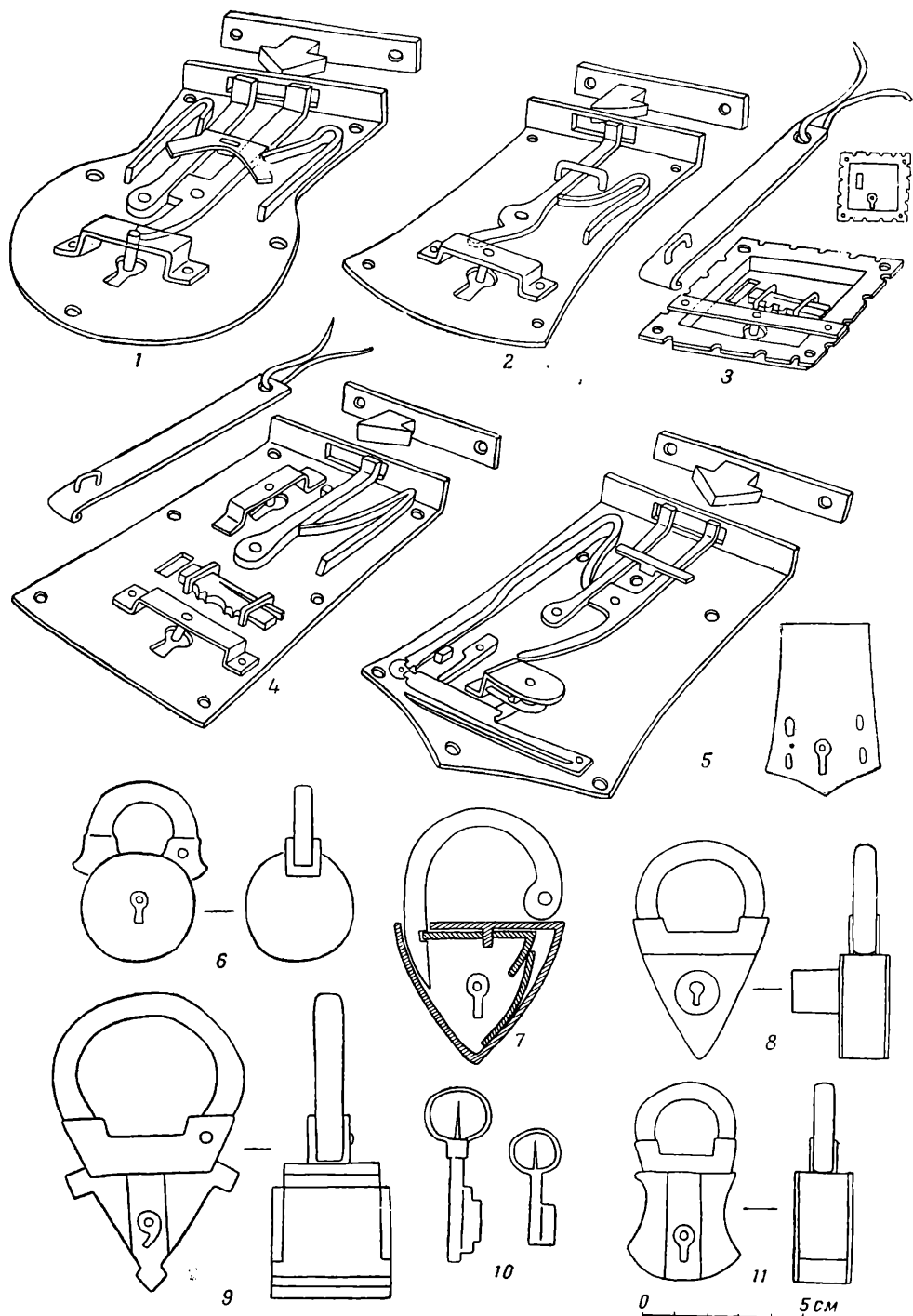

Рис. 52. Русские замки XIV—XVII вв.

1—5 — врезные замки; 6—11 — навесные.

длинное плечо кончалось зацепом. При помощи штыря рычаг крепился на пластинке; подвижность его ограничивалась укрепленными с разных сторон длинного плеча упором и пружиной. Под коротким плечом в пластине замка делалась замочная скважина, позади которой на специальной скобе укреплялся штырь для ключа и иногда гребенка, определяющая форму бородки. При повороте ключа бородка его нажимала на короткое плечо рычага и отодвигала в сторону связанное с ней длинное его плечо. Верхний край пластины был отогнут под углом в 90° , и в нем напротив зацепа рычага пробивалось прямоугольное отверстие для личинки замка, которая крепилась на крышке сундука и имела скошенный торец и зуб. Замок этой системы запирался без ключа при введении в него личинки. Судя по данным раскопок Московской экспедиции, эта конструкция замков была распространена в городе до конца XVII в.

Интересен найденный в Москве сундучный замок, в котором на одной пластине объединены обе описанные выше конструкции (рис. 52—4). Замок запирался двумя различными ключами, причем одна из скважин прикрывалась сверху накладкой. По условиям залегания находка датируется XVII в.

Дальнейшим развитием замка с рычагом являются замки с двумя рычагами и двумя пружинами к ним (рис. 52—1). Личинка их была снабжена по клиновидному торцу двумя зубьями, рассчитанными на два зацепа, соответственно двум рычагам. По сравнению с ранее описанными эта конструкция отличается особой надежностью и прочностью механизма.

Особую ценность представляли замки с «секретами», у которых замочная скважина открывалась при помощи шила и последующего поворота рельефных выступов на лицевой пластине замка (рис. 52—5). Такие замки с лицевой стороны часто украшались орнаментами, накладными пластинками и насечкой.

С XVI в. в Москве широко распространились навесные замки с поворотными ключами и дужкой на шарнире. Форма корпуса обычно очень разнообразна: шаровидная, прямоугольная, треугольная и т. д. (рис. 52—6, 9, 11). Наибольшим распространением пользовались замки с треугольным корпусом. Механизм замка состоял из засовчика,двигающегося в обойме в верхней части корпуса, и пружины, удерживающей засовчик в определенном положении (рис. 52—7). Замок этой конструкции запирался без ключа — при вставлении конца дужки в прорезь корпуса. Для индивидуализации перед скважиной иногда приделывалась специальная втулка, рассчитанная на ключ с бородкой определенной формы (рис. 52—8). Замки этой системы варьируются в размерах. Среди них встречаются крупные (максимальные размеры 10—15 см), однако большая часть их небольших размеров. Таких замков много в слоях XVI—XVII вв. и в других русских городах.

IV. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР
В 1956 ГОДУ

В 1956 г. Отделом полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР было выдано 196 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок на территории 65 областей, краев, автономных областей и автономных республик РСФСР. Исследования производились в г. Вологде и в Вологодской области, в Карельской АССР, в Калининградской области, в г. Пскове и Псковской области, в г. Новгороде и Новгородской области, в Ленинградской, Великолукской, Смоленской областях и в г. Смоленске, в Калининской области, в г. Москве и Московской области, в Владимирской, Ивановской, Горьковской областях и в г. Горьком, в Костромской, Ярославской, Калужской областях и в г. Калуге, в Тульской, Рязанской областях и в г. Рязани, в Брянской, Орловской, Курской, Белгородской областях и в г. Белгороде, в Воронежской, Кировской, Пензенской, Арзамасской, Тамбовской, Пермской, Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Курганской, Балашовской областях, Татарской, Башкирской, Чувашской, Мордовской, Удмуртской и Марийской АССР, в Ульяновской, Саратовской, Сталинградской, Астраханской, Ростовской областях, Чечено-Ингушской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Тюменской, Томской, Кемеровской, Читинской, Иркутской и Магаданской областях, в Хакасской и Тувинской автономных областях, в Якутской и Бурят-Монгольской АССР, в Красноярском, Алтайском, Приморском и Хабаровском краях, в Сахалинской области.

В обзоре представлены археологические работы на территории РСФСР различных организаций и лиц, за исключением исследований, проводившихся сотрудниками ИИМК АН СССР. Эти работы уже отражены в статье «Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г.»¹, и мы ограничимся лишь соответствующими ссылками.

Вологодская область. Северная экспедиция ИИМК продолжала работы в Кирилловском районе². В Вологде велись раскопки под руководством А. В. Никитина³.

¹ Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г. — СА, 1957, № 2, стр. 312—319.

² Там же, стр. 313.

³ Там же, стр. 317.

Череповецкая археологическая экспедиция Гос. Исторического музея и Череповецкого городского музея краеведения под руководством И. К. Цветковой раскапывала неолитическую стоянку у д. Вьюшино (Вашкинский район). Многочисленные находки керамики, кремневых и сланцевых орудий и других предметов свидетельствуют о долговременности жизни на поселении в конце III—начале II тысячелетия до н. э. При разведках в местности Васькин Бор (Белозерский район) обнаружено две неолитических стоянки.

Калининградская область. Калининградская группа Славяно-Литовского отряда Прибалтийской экспедиции вела работы на территории области⁴.

Псковская область. Экспедиция Гос. Эрмитажа и Псковского областного краеведческого музея под руководством Г. П. Гроздилова продолжала раскопки на территории г. Пскова. В Старом Застенье обнаружены мостовые XI—XIII вв. и вдоль них жилые дома и хозяйственные постройки. Раскопана кузница XII—XIII вв. Среди многочисленных находок интересны свинцовая печать, обрывок кольчуги, железная пластинка от панциря, обломок деревянного игрушечного меча с резным орнаментом. В Довмонтовом городе частично вскрыты основания двух больших каменных сооружений, лежавших одно над другим.

В Псковской, Великолукской, Калининской и Ленинградской областях проводились работы Неолитического отряда Прибалтийской экспедиции⁵

На территории Великолукской, Псковской и Калининской областей работал над изучением крепостей отряд Среднерусской экспедиции ИИМК⁶.

Новгородская область. В Новгороде продолжались раскопки на Неревском конце⁷. М. Х. Алешковский (Центральные научно-реставрационные мастерские) в соответствии с планом реставрационных работ производил археологическую разведку на территории новгородского Кремля. Открыт водоотвод XVI—XVII вв., восьмигранная башня из большемерного кирпича, обнаружен древний фундамент северной стены северной галереи Софийского собора и кладка из крупных валунов вдоль северной стены юго-западной пристройки к собору. Около Дворцовой башни Кремля исследованы остатки трех изб XV в. и колодца с дренажными трубами. Кроме того, выяснена конструкция вала, кладка Дворцовой башни.

С. Н. Орлов (Новгородский отдел охраны памятников) с 1954 по 1956 г. вел наблюдения за земляными работами на территории г. Новгорода в общей сложности на 82 объектах. Установлено, что древнейшая часть города располагалась по обоим берегам Волхова, ближе к реке. В XII—XIV вв. город разрастался по направлению к внешнему земляному валу. Удалось получить данные по структуре внешнего оборонительного вала, обнаружены остатки рва «Малого земляного города». Собрано более 500 предметов, среди которых имеются уникальные находки — локоть XI в. и 4 берестяных грамоты, причем две из них впервые найдены на Торговой стороне.

Великолукская область. Здесь продолжались работы Западно-двинского отряда Славянской экспедиции⁸.

⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 317; Ф. Д. Гуревич. Работы Славяно-Литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959.

⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313; Н. Н. Гурина. Работа Неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. — КСИИМК, вып. 73, 1959.

⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 317; П. А. Раппопорт. Работы отряда по изучению крепостей Среднерусской экспедиции в 1956 г. — КСИИМК, вып. 74, 1959.

⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 316; А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. — СА, 1957, № 3, стр. 215—223.

⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 316; Я. В. Станкевич. Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской области. — В настоящем выпуске КСИИМК.

Смоленская область. Продолжались работы Верхнеднепровского отряда Славянской экспедиции ИИМК⁹ и Смоленского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК¹⁰. Помимо этого Е. А. Шмидт (Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт) вел разведки в Андреевском, Холм-Жирковском, Издешковском, Сафоновском, Дорогобужском районах области и раскопки длинных и удлиненных курганов с трупосожжением у деревень Васильевщина, Цурковка, у пос. Колодня. А. Г. Векслер (Смоленский областной краеведческий музей) раскопал 6 кривичских курганов XI—середины XIII в. около д. Мошевой (Починковский район). При разведках по р. Каспле в Демидовском и Понизовском районах обнаружены следы неолитических стоянок, курганы и городища. Г. П. Латышева (Музей истории и реконструкции Москвы и школа № 20 г. Вязьмы) производила разведки на селище конца XI—XII вв., расположенном по ручью Русятка (близ г. Вязьмы) и раскопки одного из курганов XIII в. в близлежащей группе.

Калининская область. А. Х. Репман продолжал работы по обследованию археологических памятников на территории Вышневолоцкого района (Вышневолоцкий краеведческий музей). Осмотрены курганы полушарной формы, удлиненные и квадратные, а также сопки и поселения. В. С. Тарасенко (Калининский областной краеведческий музей) обследовал памятники в бассейне р. Волги — от г. Калинина до г. Старицы. Осмотрены городища и курганные группы. Ф. И. Иванов (Калининский областной краеведческий музей) исследовал три неолитических и четыре мезолитических стоянки в районе г. Калинина. Особенно интересна стоянка, названная условно «у развилки дорог», на которой открыта землянка с очагом и собрано много изделий из кремня, кости и керамики. Л. В. Кольцов (Калининский обл. краеведческий музей и МГУ) обследовал оба берега верхнего течения р. Волги — от с. Дмитровское (Калининский район) до с. Молоково (Старицкий район). Разведками охвачено 12 памятников каменного века (мезолит и неолит). П. М. Кожин (Калининский обл. краеведческий музей и МГУ) производил обследование в ряде пунктов Калининской области, в результате которого обнаружено несколько ранних стоянок и местонахождений.

Московская область. Продолжались работы Московской экспедиции ИИМК и начались исследования в зоне строительства ГЭС в районе г. Можайска¹¹.

М. Г. Рабинович (Музей истории и реконструкции Москвы и архитектурно-проектные мастерские Моспроекта) производил исследования, связанные со строительством у северной стены Кутафьей башни Московского Кремля. Представляют интерес конструкции укреплений и гидротехнических сооружений. Открыт белокаменный цоколь Кутафьей башни. М. Г. Рабиновичем (Музей истории и реконструкции Москвы) производились также раскопки курганов в группе «Звездочка» (близ ст. Тарасовка, Северной ж. д.). Вскрыто 8 курганов с погребениями XII—XIII вв. Вещи в основном кривичские, но встречены вятические и словенские.

Н. В. Трубникова (Гос. Исторический музей) производила небольшие разведочные работы на городище Соколова гора (Ухтомский район), содержащем слои, относящиеся к дьяковскому времени, и древнерусские (включая X—XI вв.). Найдено много предметов из железа, кости и камня; вскрыт развал печи-каменки.

Серпуховская экспедиция ГИМ под руководством А. В. Успенской вела раскопки городища у д. Подмоклово (Серпуховский район). Обнару-

⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 316.

¹⁰ Там же, стр. 317.

¹¹ Там же, стр. 316.

жены остатки столбовых полуземлянок с очагами. Разнообразная керамика свидетельствует о продолжительности жизни на городище в дьяковское время от VII—V вв. до н. э. вплоть до IV—VI вв. н. э. В X—XI вв. городище было заселено славянами.

Л. И. Пимакин (Московский обл. краеведческий музей и Раменский музей краеведения) производил разведки археологических памятников по р. Москве, от д. Заозерье до д. Дурнихи, и раскопки на городище дьяковского времени «Круглица» (у д. Дурнихи). В нижнем слое обнаружены остатки жилищ.

Г. П. Латышева (Музей истории и реконструкции Москвы) раскопала курган в группе «Чертаново IV». Вскрыто женское вятическое погребение начала XIII в. с большим количеством украшений.

Ю. Л. Щапова со студентами МГУ раскопала три кургана у д. Пирогово (Каргашино). Вещей не обнаружено.

Владимирская область. На территории области проводились исследования Владимирского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК¹². О. Н. Бадерсм открыта новая верхнепалеолитическая стоянка близ с. Доброго.

Ивановская область. Е. Н. Ерофеева (Ивановский областной краеведческий музей) вскрыла 22 кургана костромского типа XI—XIII вв. в двух группах у д. Зимнево (Наволоцкий район). Тринадцать курганов оказались пустыми, восемь — с труположениями.

Горьковская область. И. К. Цветкова (Гос. Исторический музей) обследовала археологические памятники в Павловском районе — напротив г. Павлова, возле деревень Панино и Ново-Щербинино. У д. Панино, на дюнном поселении, открыто большое полуземляночное жилище, относящееся к позднему этапу волосовской культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Исследовалась также стоянка Подборица Западная балахнинской культуры (начало II тысячелетия до н. э.).

Костромская область. М. И. Матасовым (Буйский краеведческий музей) производились разведки в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах. Осмотрен ряд поселений и мест находок древних предметов.

Ярославская область. На территории области вели исследования несколько отрядов Среднерусской экспедиции ИИМК: Неолитический, Ростовский и Мерянский¹³.

М. В. Фехнер (Гос. Исторический музей) продолжала работы предыдущих лет по изучению древнерусских селищ на территории Угличского района. На восьми из зарегистрированных шестнадцати селищ в 1956 г. производились исследовательские работы. Селище относятся к XI—XIII, XVI—XVII и XVII—XVIII вв.

Калужская область. Продолжались исследования Верхнеокского отряда Славянской экспедиции¹⁴.

Тульская область. С. А. Изюмова (МГУ и Тульский областной краеведческий музей) продолжала раскопки городища у д. Супруты Крапивинского района. Вскрыты развалы очагов из известняка и несколько погребений VIII—X вв. Ранние слои городища относятся ко II—III вв. н. э., верхние — к VIII—X вв.

Н. Н. Стоскова (Институт истории естествознания и техники АН СССР) вела разведку на территории Тульских (Городищенских) заводов XVII в., по течению р. Синей Тулицы. В результате работ установлено

¹² Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 317; В. В. Седов. Раскопки в Гороховце. В настоящем выпуске КСИИМК.

¹³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313, 316, 317. Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка в Золоторучье I. — КСИИМК, вып. 75, 1959.

¹⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 316.

местонахождение первых доменных заводов в России, составлена карта их размещения и определена территория каждого завода.

Брянская область. Несколько отрядов экспедиций ИИМК проводили работы на территории области: Днепровский Левобережный¹⁵ и Деснинский отряды Славянской экспедиции, Деснинская группа Палеолитической экспедиции¹⁶.

Ф. М. Заверняев (Брянский обл. краеведческий музей) обследовал археологические памятники в бассейне рек Судости, Вабли и Бабинец в Стародубском и Погарском районах области и в Гремяченском районе Черниговской области УССР. Обнаружено 6 стоянок, 14 городищ, 3 селища и 3 курганных группы. Кроме того, продолжалось исследование Почепского селища в урочище «Валы». Вскрыты жилища-полуземлянки и много ям различного назначения.

Экспедиция Трубчевского краеведческого музея во главе с В. А. Паденым обнаружила на берегу р. Десны (Трубчевский район) бескурганый могильник, в котором вскрыто 18 погребений VI—VIII вв. На другом берегу открыто зарубинецкое поселение Хохлов Вир. На городище и селище Макча вскрыты слегка углубленные в землю жилища с печами-каменками. Керамика — волынцевская, роменская и времени Киевской Руси.

Рязанская область. Рязанский отряд экспедиции вел работы на территории Переяславля-Рязанского¹⁷ (современный г. Рязань).

Курская область. Продолжались исследования городищ экспедицией ИИМК и Курского краеведческого музея под руководством А. Е. Алиховой¹⁸.

Белгородская область. А. Ф. Евминова (Борисовская средняя школа им. И. В. Сталина) производила разведку по р. Локне.

Продолжались раскопки в г. Белгороде¹⁹.

Воронежская область. Продолжались многолетние раскопки Палеолитической экспедиции в районе с. Костенки²⁰. Воронежским отрядом Донской экспедиции вскрыто несколько насыпей в группе «Частые курганы» и произведены разведки²¹.

А. Н. Москаленко (Воронежский Гос. университет) продолжала раскопки городищ борщевского типа у хут. Титчиха (Давыдовский район). Обнаружено три полуземлянки с печами-каменками и одной глинобитной и 11 хозяйственных ям. Находки такие же, как и в предыдущие годы. Вскрытая за несколько лет площадь — 900 кв. м — позволяет уже судить о планировке поселения.

В. А. Афонюшкиным (Воронежский областной краеведческий музей) производились раскопки древнего челна в обрыве правого берега р. Дона, близ с. Щучье. Сохранившаяся часть челна достигает длины 4 м 36 см; он был изготовлен из дубовой колоды диаметром 0,6—0,7 м. Следует напомнить, что в 1954 г. М. Е. Фосс недалеко от этого места обнаружен первый аналогичный челн, поэтому новая находка вызывает очень большой интерес.

Кировская область. В г. Кирове и по области проведены небольшие раскопки и разведки²².

¹⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 316; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. — КСИИМК, вып. 74, 1959.

¹⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 312—313 и 316; В. П. Левенок. Работы Деснинского отряда в 1956 г. — КСИИМК, вып. 74, 1959.

¹⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 317.

¹⁸ Там же, стр. 317.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 312; П. И. Борисковский. Раскопки палеолитической стоянки Костенки XIX в. 1956 г.

²¹ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 315; П. Д. Либеров. Археологические памятники р. Береки. — В настоящем выпуске КСИИМК.

²² Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 318.

Пензенская область. М. Р. Полесских (Пензенский областной краеведческий музей) обследовал памятники эпохи бронзы и XIII—XIV вв. в Нижне-Ломовском районе и вел раскопки Старшего Селиксенского могильника, где вскрыто еще 20 погребений; 7 захоронений этого же времени вскрыто в Ражкинском могильнике.

Арзамасская область. А. Е. Алихова закончила раскопки жилища на Саконовской неолитической стоянке²³.

Экспедиция Мордовского республиканского краеведческого музея и Мордовского научно-исследовательского института под руководством М. Ф. Жиганова исследовала Старший Кужендеевский могильник (Ардамовский район). Раскопано 18 погребений VI—VII вв., принадлежавших мордве-эрзе. Интересные находки — серп, коса-горбуша, две литейные формы, плотничный инструмент.

Тамбовская область. Т. Б. Попова (Гос. Исторический музей и Тамбовский областной краеведческий музей) проводила исследования у с. Крюково (Моршанский район). Обследована неолитическая стоянка и вскрыто 30 погребений (из них 8 трупосожжений, остальные трупоположения) в древнемордовском могильнике IX—X вв. У д. Тихий угол обследована дюна с разнообразной керамикой, но с разрушенным культурным слоем.

Пермская область. Продолжались многолетние работы Камской археологической экспедиции²⁴.

Экспедицией Коми-Пермяцкого музея во главе с В. Ф. Генингом и при участии Л. М. Еговкиной и В. Е. Стоянова обследован 21 памятник эпохи железа (с IV в. н. э. по XVIII в.) в Кочевском и Косинском районах Коми-Пермяцкого национального округа. Кроме этого, производились раскопки могильников харинского времени: в Митинском вскрыто 5 курганов и 41 погребение на распаханной площади, в Чазевском (Нюр-Медер) — 4 кургана, в Чазевском (Шойна-ыб) — два, в Пеклаибском I — один.

И. А. Лунеговым (Чердынский краеведческий музей) осмотрено 6 «чудских ям» в окрестностях с. Салтаново (Чердынский район).

Свердловская область. Южноуральским отрядом проводились разведки на территории двух районов области²⁵.

В. М. Раушенбах (Гос. Исторический музей) продолжала исследования предыдущего года на Шигирско-Калатинском торфянике (Невьянский район). На поселении III—II тысячелетий до н. э., расположенном на Аннинном острове, в торфянике, собрано большое количество керамики, представленной несколькими группами, найдены также украшения — костяные привески — и немногочисленный кремневый инвентарь. Поселение было покинуто в конце II тысячелетия до н. э. — на рубеже среднего и позднего этапов горбуновской культуры. Обследовались северо-восточный и юго-восточный берега Шигирского озера, осмотрены стоянки различных этапов горбуновской культуры — Ключевая, 1-я и 2-я Язевские²⁶. В южной части Аятского озера обнаружены поселения на мысе Березовом, Шайтанка I и II. На Горбуновском торфянике разведка производилась на стоянке начала II тысячелетия до н. э. — Чашиха.

В этом же районе Е. М. Берс (Уральский Гос. университет) производились исследования на южном берегу р. Оять и у ее истока из Оятского

²³ А. Е. Алихова. Жилище на Саконовской неолитической стоянке. — КСИИМК, вып. 75, 1959.

²⁴ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция 1956 г. — КСИИМК, вып. 74, 1959; Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313—314.

²⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313; Л. Я. Крижевская. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. — КСИИМК, вып. 74, 1959.

²⁶ В. М. Раушенбах. Новые находки на Шигирском торфянике — КСИИМК, вып. 75, 1959.

озера. На многослойном поселении на южном берегу р. Оять (от неолита до раннего железа) обнаружены землянки и очажные ямы, 9 погребений VI—VIII и IV—V вв. н. э. При разведках на Ирбитском озере и на озере Куртугуз осмотрены стоянки и селища, относящиеся в основном к эпохе неолита и бронзы.

Экспедиция Нижнетагильского краеведческого музея, возглавляемая А. И. Россадович, продолжала исследование средневековой домницы на берегу р. Лебы. Установлено, что это место было заселено в более раннее время, чем здесь обнаружили руду и приступили к выплавке металла. На стоянке Медведка (левый берег р. Тагил) обнаружен материал, датированный концом I тысячелетия до н. э.

В. С. Стоколос (Каменск-Уральский краеведческий музей) производил изучение памятников в Каменском районе. Продолжались работы на селище эпохи бронзы и раннего железа «Лужки», где вскрыто полуземляночное жилище с очагом. В керамике интересно наличие андроновского и местных элементов.

Челябинская область. Южноуральская экспедиция Уральского Гос. университета и Челябинского областного краеведческого музея во главе с К. В. Сальниковым исследовала две стоянки на озере Черкаскуль, разведочные работы на которых в предыдущем году проводила Н. П. Кипарисова. На стоянке эпохи бронзы вскрыты массивный зольник, две глубоких хозяйственных ямы, более 50 ямок от столбов. Керамика по форме близка андроновской, но в орнаментации, наряду с андроновскими, встречаются горбуновские и местные элементы. На второй стоянке найдены типичные для юга лесного Зауралья формы сосудов неолитических, энеолитических и эпохи бронзы.

Оренбургская область. На территории области производились раскопки и разведки Оренбургской экспедицией²⁷.

Балашовская область. В. В. Малышевым (МГУ) проводились небольшие разведки в Шапкинском районе.

Татарская АССР. Экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР работала тремя группами под руководством Н. Ф. Калинина, А. Х. Халикова и В. Ф. Генинга. Продолжалось сплошное обследование археологических памятников на территории республики. В 1956 г. к северу от р. Камы и в промежутке между Волгой и Вяткой зафиксировано 134 археологических памятника эпохи бронзы, раннего железа, буртасские и болгарские. Интересен комплекс памятников — селище и два могильника у с. Рождествено Лаишевского района (раскопки В. Ф. Генинга). На селище (IV—XII вв.) обнаружено 5 землянок, кострища, ямы, остатки сыроступного горна. На могильниках (V—IX и X—XII вв.) вскрыто 10 погребений.

Н. Ф. Калинин (ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР) производились также работы на территории Старой Казани — на Русско-Урматском селище и Камаевском городище. На селище вскрыты остатки кричного производства железа и горны для обжига гончарной посуды. Намечались жилые комплексы и магометанское кладбище. На городище получены данные по устройству укреплений.

Чувашская АССР. На территории республики производила работы Чебоксарская археологическая экспедиция²⁸.

В районе левобережных притоков р. Вылы П. Д. Степанов (Саратовский Гос. университет) зафиксировал 41 памятник, в том числе 8 поселений фатьяновской культуры, 3 городищных городища, несколько чувашских

²⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 315.

²⁸ Там же, стр. 315—316.

памятников XVI—XVII вв., курганы и места находок костей древних животных.

Башкирская АССР. В республике работало несколько отрядов Башкирской экспедиции²⁹.

Удмуртская АССР. Экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института и Республиканского музея под руководством В. Ф. Генинга (при участии В. А. Семенова, В. Е. Стоянова) продолжала исследования, начатые в 1954 г. На могильнике Чеганда II вскрыто еще 36 погребений. Могильник теперь раскопан полностью. На окраине его обнаружены две жертвенные ямы (II в. до н. э.—III в. н. э.). Продолжены раскопки городища пьяноборского и мазунинского времени (IV—VIII вв. н. э.). Чеганда I: вскрыты остатки 10 жилищ, три из них расчищены полностью. На Мазунинском могильнике исследовано еще 17 погребений и, кроме того, обнаружено три новых могильника мазунинского типа. На могильнике у д. Ныргында раскопано 8 погребений мазунинского типа. Разведки производились в бассейне р. Сивы и пристани Сайгатка, вокруг могильника Чеганда II (в этом районе обследовано 27 памятников эпохи железа, из которых 10 открыто вновь) и по рекам Ижболдинке и Биме в Каракулинском районе республики.

М. С. Акимова (Институт антропологии МГУ) раскопала 135 могил в могильнике XVIII в. в с. Можга (Можгинский район); вещей оказалось мало.

Марийская АССР. Экспедиция Марийского научно-исследовательского института и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством А. Х. Халикова пятью отрядами вела исследования на территории Марийской АССР и частично в Кировской области и в Татарской АССР. Охвачено 185 памятников (от эпохи мезолита до XVIII в.), из которых 150 были ранее неизвестны. Раскопки производились в 20 пунктах. Обследовано 21 место находок костей четвертичных животных, две мезолитических стоянки и одно местонахождение этого времени, 11 стоянок и 4 местонахождения эпохи неолита в бассейне р. Илети, 6 местонахождений по правому берегу р. Вятки, 23 местонахождения кремневых отщепов между Волгой и Вяткой, 14 стоянок и 13 местонахождений эпохи бронзы (приказанская культура), 14 ананьинских памятников (5 из них вновь открыты), памятники болгарского и золотоордынского времени, поздние марийские кладбища. Наиболее интересен комплекс у д. Мари-Луговая — стоянка конца эпохи бронзы, могильник IV—V вв. н. э., болгарское селище XI—XII вв. и мусульманское кладбище XIV—XV вв. Стационарные работы были развернуты на Аккозинском могильнике, самом западном из всех ананьинских памятников (VII—V вв. до н. э.), где вскрыто 34 погребения и на стоянке, существовавшей на месте могильника в эпоху бронзы.

Саратовская область. Е. К. Максимов (Саратовский областной краеведческий музей и Петровский районный музей) вел археологическую разведку в Петровском и Ново-Бураском районах по р. Медведице, от с. Вихляйки до с. Богатыревки. Обследован ряд курганных групп и раскопано 4 кургана на окраине г. Петровска; три из них оказались полностью разграбленными, в четвертом обнаружено два погребения XIII—XVI вв.

Сталинградская область. Астраханской экспедицией начаты раскопки курганного могильника у с. Ленинское³⁰.

Ростовская область. В пределах области продолжались работы Нижнедонской экспедиции³¹.

²⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 314.

³⁰ Там же, стр. 315.

³¹ Там же, стр. 315; Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 году. — В настоящем выпуске КСИИМК.

Чечено-Ингушская АССР. На территории республики и Ставропольского края производились раскопки и разведки Северокавказской экспедицией³².

Дагестанская АССР. Работы широкого масштаба производились сотрудниками ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР. Основные раскопки осуществлены под руководством В. И. Канивца в зоне затопления при строящейся Чир-Юртовской ГЭС. Первый горный отряд под руководством В. Г. Котовича исследовал Кахибский, Хунзахский, Гунибский и Кизил-Юртовский районы республики. Вскрыто несколько погребений на Гонобском могильнике конца энеолита—начала бронзы. Погребения главным образом расчлененные, относящиеся к какой-то еще не известной археологам культуре. Раскопано 6 могил IX—XI вв. н. э. в могильнике в ур. Гала. Продолжались исследования на Чохской мезолитической стоянке, которая являлась одновременно кремневой мастерской; нижний слой ее относится к концу мадлена — раннему азилю, верхний — к концу азиля — переходу к тарденуазу. Ряд памятников мезолитического, неолитического времени, эпохи бронзы и раннего железа обследованы в окрестностях с. Ругуджа, у хут. Хабарда, у хут. Унсуколо, у с. Бавтугай.

Основные работы второго горного отряда Дагестанской экспедиции (руководитель М. И. Пикуль) были сосредоточены на Гинчинском грунтовом могильнике медно-бронзовой эпохи (рубеж III и II тысячелетий до н. э.). Вскрыто 19 погребений (индивидуальных и коллективных), расположенных в 6 ярусов. В нижних слоях обнаружен культовый очаг. Погребальный инвентарь — в основном керамика и очень немногочисленные изделия из кремня, кости и металла. Исследовался также Каратинский могильник (около с. Карат, Ахвахского района) кобанской культуры (VIII—VII вв. до н. э.). Обследовались памятники первых веков н. э., сармато-аланские, средневековые — у сел Гоцатль, Маали, Ругуджа, Тинди, Бежте, Гент, Голотль, Ортоколо, Конода, Кудияб-Росо, Хариколо и др.

Краснодарский край. В пределах края продолжались исследования Таманской экспедиции и раскопки Раевского городища³³.

Н. В. Анфимов руководил Черноморской экспедицией, состоящей из двух отрядов — Туапсинского и Сочинского.

Туапсинский отряд (Туапсинский музей) работал в районе с. Ново-Михайловского. Найдено несколько могильников и городищ раннесредневекового времени и XIV—XVI вв. На Ново-Михайловском городище обнаружены остатки сооружения (вероятно, базилики). Исследовались также крепость «Дузу-Кале», могильник Сонино (V—VI вв.), памятники адыгейской культуры XIII—XVI вв. — могильники Пляхо, Ново-Михайловский и курганная группа на Пашенковой поляне в долине р. Нечепсухо. Кроме того, на р. Шапсуго, в районе с. Тенгинского, обнаружен курган и позднее адыгейское мусульманское кладбище (XVIII в.).

Сочинским отрядом в Адлерском районе обследовано 5 неолитических стоянок, дольмены, раннесредневековый могильник, остатки средневековых гончарных мастерских, развалины христианских храмов и средневековой крепости.

Д. Е. Щеглов (Геленджикский краеведческий музей) в 1955—1956 гг. обследовал археологические памятники на территории Геленджикского района. В окрестностях с. Архипо-Осиповка осмотрены дольмены и вскрыто два погребения X в. На территории Фальшивого Геленджика раскопано 4 разрушенных гробницы эпохи поздней бронзы, около Геленджика (дом отдыха «Черноморец») вскрыто два погребения.

³² Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 318.

³³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 314 и 315; Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг. — В настоящем выпуске КСИИМК.

Ставропольский край. Ставропольской Палеолитической экспедицией обнаружен ряд новых памятников³⁴. Т. М. Минаевой (Ставропольский краеведческий музей) на аланском поселении в устье р. Узун-Кол вскрыты остатки четырех жилищ и двух башен V—VII вв. н. э. На могильнике исследовано 11 погребений II—IV и V—VII вв. н. э.

Карачаево-Черкесская автономная область. Е. П. Алексеевой (Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт) исследовался у аула Бесленей адыгейский курганный могильник, в котором вскрыто 8 насыпей XV в. На месте могильника существовали более ранние поселения — селища эпохи бронзы и скифского времени. Близ хут. Дружба исследовались курганы эпохи бронзы и скифского времени и поселения эпохи бронзы, скифского времени и средневековые (аланские).

Томская область. В. И. Матющенко (Музей истории материальной культуры Томского Гос. университета) продолжал работы на Яйском могильнике, где обнаружено погребение неолитического времени. На могильнике у Тимирязевского городища вскрыто два кургана, датирующихся китайской монетой.

Экспедиция Томского областного краеведческого музея под руководством Р. А. Ураева начала раскопки большого кургана около райцентра Парабель. Исследована четвертая часть насыпи и открыто богатое погребение кулайского периода.

Другая экспедиция Томского областного краеведческого музея и Томского педагогического института во главе с А. П. Дульзоном вела разведки в верховьях р. Кеши, где осмотрен ряд городищ. Продолжались раскопки на старом мусульманском кладбище в г. Томске. Вскрыто 16 могил, но древнее погребение (эпохи неолита) — только одно.

Тюменская область. Производились раскопки на Козловом мысу³⁵.

Кемеровская область. М. Г. Елькиным (школа № 1 г. Прокопьевска) продолжены раскопки курганов позднего железного века в окрестностях с. Ур-Бедари (Гурьевский район). С 1952 по 1956 г. вскрыто 18 курганов полностью и два частично. Обряд погребения — трупосожжение и трупоположение.

А. И. Мартынов (Кемеровский областной краеведческий музей) производил исследования в Северном Кузбассе. Обследованы курганные группы по течению рек Урюп и Кия в Тисульском и Чебулинском районах. У с. Пичугино раскопано два кургана. В одном из них вскрыты остатки сожжения 8—14 костяков. Комплекс относится к тагарскому времени. Найдены предметы из бронзы: зеркала, лезвия ножей, миниатюры кинжалов, змеобразные украшения и т. д. Обнаружены остатки ткани, кожаный чехол для ножей, кожаная подошва от обуви. В том же кургане вскрыты два погребения с трупоположениями. Во втором кургане, небольшом, обнаружена грунтовая могила без вещей, с одним андроновским сосудом.

Красноярский край. Экспедицией Красноярского краеведческого музея, возглавляемой Р. В. Николаевым, произведены раскопки четырех курганов у сел Коркино и Емельяново. Наиболее древний — курган у с. Коркино (начало 2-й стадии тагарской культуры). В яме и насыпи обнаружены остатки около 50 костяков. В двух коркинских курганах вскрыты более 40 погребений целых и остатки 15, относящихся к середине 2-й стадии тагарской культуры. В третьем кургане (3-я стадия тагарской культуры) в конструкции погребальной камеры уже заметны таштыкские черты. Здесь вскрыто более 40 захоронений, причем костяки подверглись сильному воздействию огня.

³⁴ В. П. Любин. Первая находка нижнего палеолита в Ставрополье. — КСИИМК, вып. 73, 1959; Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313.

³⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 314.

Другая экспедиция Красноярского краеведческого музея под руководством Г. А. Максименкова вела разведки по рекам Большому и Малому Бузиму, близ сел. Сухобузимского, Атамановки и в районе с. Частоостровское. В результате к северу от г. Красноярска обнаружены курганы и поселения.

Иркутская область. Производились работы большого масштаба Ангарской экспедицией³⁶.

П. П. Хороших³⁷ (Иркутский областной краеведческий музей и Иркутский Гос. университет) предприняты археологические исследования в различных пунктах области. Найдены два погребения эпохи ранней бронзы в местности Идан (совместно с Э. Р. Рыгдылоном). В бухточке Саган-нугэ обнаружено первое на Байкале энеолитическое погребение. У стадиона «Локомотив» (г. Иркутск) вскрыто детское неолитическое погребение. Неолитическое погребение открыто и на р. Ангаре, у с. Тельма. Кроме того, осмотрены городища на озере Ольхон и Куларинские пещеры.

М. М. Герасимов³⁸ (Институт этнографии АН СССР и Геологический институт Восточно-Сибирского филиала АН СССР) продолжал — после многолетнего перерыва — исследование палеолитической стоянки Мальта (Усольский район). Обнаружено скопление стержней рогов северного оленя, крупных и мелких костей различных животных и масса плит. Крупные кости, рога, найденные по краю выемки, в непосредственной близости с крупными плитами, очевидно, являются остатками обвалившейся наземной части жилища. В полу жилища расчищены три очага. Основная масса находок — предметы из кости и камня. Интересны статуэтки из кости, среди которых выделяются изображения водоплавающих птиц, а также женские статуэтки. Богато представлена фауна — кости северного оленя, мамонта, шерстистого носорога, быка. Стратиграфия и фауна позволяют считать Мальту древнейшей стоянкой в бассейне р. Ангары — ранняя пора верхнего палеолита (мальтинская культура — сибирский вариант сриньяка). Необходимо отметить сочетание архаических черт инвентаря и развитого искусства.

Хакасская автономная область. Закончены раскопки Большого Салбыкского кургана³⁹.

Тувинская автономная область. Л. Р. Кызласов (МГУ) работал у пос. Кочетово (Тандинский район), на р. Элегест, где он вел раскопки поселения в ур. Дён-Терек — административном центре Тувы XII в. В восточной части города вскрыто четыре здания и часть пятого. Одно из зданий, со скульптурными украшениями, крытое черепицей, очевидно, было административным. Остальные постройки — жилища типа фанзы. Встречены монеты чжурчженской династии Цзинь (1161—1189). Поселение в конце XII — начала XIII в. было разрушено монголами. В Шанчигском могильнике раскопано два кыргызских (IX—X вв.) кургана. Доследовано одно погребение туранской культуры в каменном ящике в г. Кызыле. С. И. Вайнштейн (Тувинский научно-исследовательский институт) работал в Кызылском сельском и Пий-Хемском районах. У пос. Черби вскрыто 7 курганов, относящихся в основном к древнетюркскому времени; у пос. Хадын — курган таштыкского времени.

Бурят-Монгольская АССР. А. В. Давыдова (Ленинградский

³⁶ А. П. Окладников, З. А. Абрамова, Е. Ф. Седякина. Археологические исследования в долине р. Ангары. — КСИИМК, вып. 76; Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 313.

³⁷ П. П. Хороших. Энеолитическое погребение на берегу оз. Байкал. — СА, 1957, № 4, стр. 153—155.

³⁸ М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта. (Раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, № 3, 1958, стр. 28—52.

³⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 314.

Гос. университет) продолжала раскопки Иволгинского городища и вскрыла 17 погребений II—I вв. до н. э. на могильнике, расположенном близ городища и одновременном ему.

Магаданская область. Экспедиция Магаданского областного краеведческого музея под руководством Г. А. Пытлякова исследовала побережье Охотского моря. За два года работ (1955—1956) выявлено 17 древних поселений и три могильника. На поселении в пос. Богурчан полностью вскрыто жилище, в пос. Атарчан и Сивуч частично вскрыты жилища полушаровидной формы, стены и кровля — из листовенных жердей и китовых ребер, подпертых столбами. Сверху — засыпка землей, посредине пола — очаг. Все орудия труда и оружие сделаны из кости и камня. Могилы сооружались в расщелинах скал и среди камней. На могильниках вскрыты три захоронения, в которых обнаружены остатки соответственно семи, двух и одного костяка. Эти памятники оставлены тунгусскими племенами, жившими здесь до расселения коряков на Ольско-Ямском побережье.

Н. Н. Диков (Чукотский окружной краеведческий музей) предпринял археологические разведки в районе мыса Дежнева и в нескольких пунктах по среднему течению р. Анадырь (Чукотский национальный округ). В первом из этих районов раскапывался Уэленский могильник, где вскрыто четыре погребения, причем в могиле № 4 оказалось 4 костяка. Могила № 1 относится к уэлено-оквикскому периоду (I тысячелетие до н. э.), могилы № 2 и 3 и погребения 3 и 4 в могиле № 4 датируются древнеберинговым временем (конец I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э.); остальные — более поздние. На городище, на скале Сенлун, вскрыты следы различных типов жилищ — типа яранги и землянки с очагом. Около Усть-Белой обнаружены следы заброшенного стойбища. Найдены кремневые изделия и отщепы неолитического облика. Осмотрены также острог, построенный в 1649 г. Дежневым, и более поздняя русская «крепость» (конец XVIII в.); раскопана одна могила на кладбище около крепости.

Приморский край. Э. В. Шавкунов (Дальневосточный филиал АН СССР и Приморский краеведческий музей) обследовал средневековые городища (периода бохая, чжурчженей и более поздних) близ Красноярской сопки, в районе Тетюхе-Пристань, на берегу р. Улахэ. Осмотрено Сучанское городище в Шкотовском районе. На р. Гладкой обнаружено две неолитических стоянки.

Основные работы Дальневосточной экспедиции были сосредоточены на территории Хабаровского и Приморского краев и в Сахалинской области⁴⁰.

Таким образом, в 1956 г. наблюдается дальнейшее расширение территории, охваченной археологическими исследованиями, в основном это относится к территории Азиатской части Союза.

⁴⁰ А. П. Окладников. Работы на Дальнем Востоке в 1956 г. — КСИИМК, вып. 73, 1959; Р. В. Чубарова. Археологические исследования 1956 г. на о. Сахалине. — Там же; М. В. Воробьев. О работах Ворошиловского отряда в 1956 г. — Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки.
АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАО — Московское археологическое общество.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ПСРА — Полное собрание русских летописей.
РГО — Русское географическое общество.
РИБ — Русская историческая библиотека.
Труды АС — Труды Археологического съезда.
ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Галича Мерьского	3
Г. К. Вагнер. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области	10
А. Е. Алихова. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья	15

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула	21
П. Д. Либеров. Археологические памятники р. Береки	35
В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 году	42
Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах	51
Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 году	62
Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии	70
<u>Я. В. Станкевич</u> Предварительные итоги исследований 1956 года в Вели- колуцкой области	77
В. В. Седов. Раскопки в Гороховце	84
А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва)	90
Х. И. Крис. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва)	104

III. МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. Я. Крижевская. Сосуд ананьинского времени для плавки металла	109
Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на се- лищах черняховского типа	112
И. Г. и Р. Л. Розенфельдт. О некоторых конструкциях московских на- весных и врезных замков XIV—XVII веков	119

IV. ХРОНИКА

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1956 году	122
Список сокращений	134

*Краткие сообщения Института истории
материальной культуры,
вып. 77*

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 75—106Р. Сдано в набор 6/VIII 1959 г. Подписано
к печати 20/X 1959 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. печ. л. 8,5, усл. печ. л. 11,64,
уч.-изд. 11,1. Тираж 1500 экз. Т-12201. Изд. № 3917. Тип. зак. 293.

Цена 6 р. 70 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. Изд. АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12